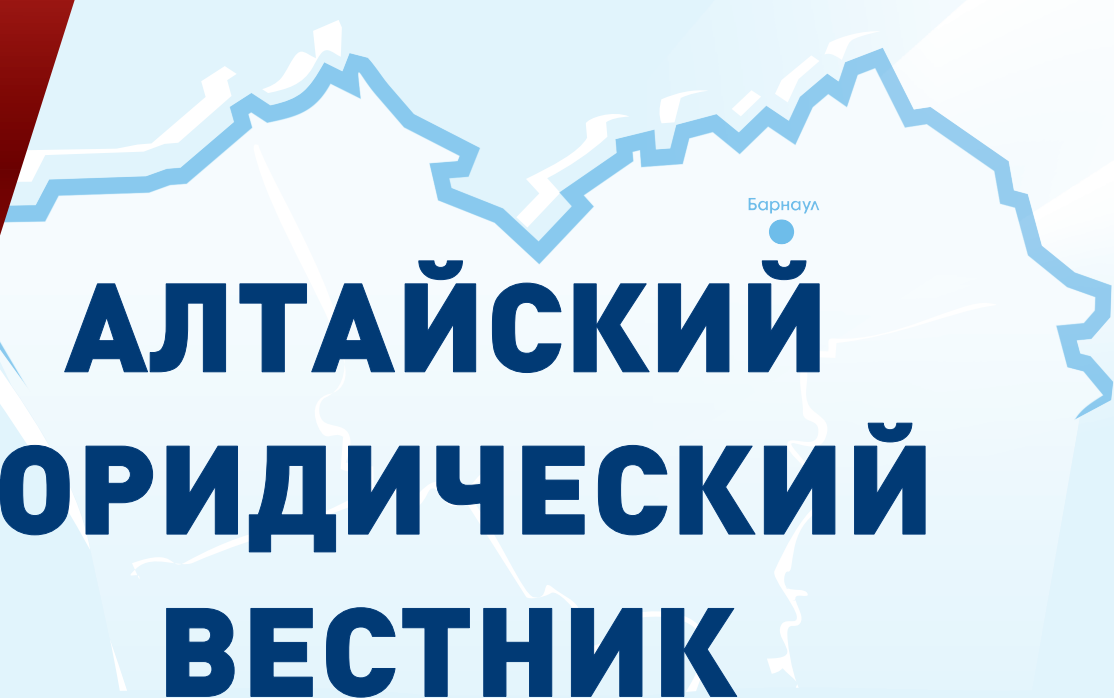

ISSN 2307-5309

Барнаул

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025
№ 3 (51)

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (51) 2025

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор

Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор

Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О. В., д-р юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 07.08.2025.
Выход в свет 18.08.2025.
Заказ № 352. Формат 60х90/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 25,1. Тираж 32 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2025

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (51) 2025

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information

Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,

Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 07.08.2025.

Issue date 18.08.2025.

Order 352. Format 60x90/8.

Conventional printed sheets 25,1.

Issue 32 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Авилова О. Е., Блинова О. А.</i> Организационно-правовые основы формирования правосознания студентов образовательных организаций высшего образования	7
<i>Бабурин В. В.</i> Содержание отраслевых правовых норм (на примере уголовно-правовых норм) ...	15
<i>Борков В. Н., Суверов С. Е.</i> Теоретико-правовые аспекты принципа справедливости при применении мер уголовно-правового воздействия	24
<i>Моисеев С. В.</i> Особенности распространения ислама на территории Центральной Азии и Российского государства в дореволюционный период: историко-теоретические аспекты	31
<i>Никулина А. В.</i> Права человека в призма классических теорий правопонимания	37
<i>Пампура А. В., Голубцова О. А., Старовойтова Ю. Г.</i> Правовые аспекты регулирования деятельности лиц, состоящих на учете в качестве плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых)	43

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В.</i> Противоправный контент в сети Интернет и методы борьбы с ним добровольных объединений	51
<i>Гришаков А. Г.</i> Профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции в контексте списочного учета отдельных категорий лиц	62
<i>Евтушенко В. И., Дизер О. А.</i> Экологическая и климатическая миграции: сравнительно-правовой анализ	69
<i>Ермаков Э. Ю.</i> Новая роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессе конвергенции конституционного и общесудебного нормоконтроля	76
<i>Ковалева Е. В.</i> Вскрытие транспортных средств как мера принуждения, применяемая сотрудниками отдельных правоохранительных органов	82
<i>Кожневников О. А.</i> Национальная безопасность: некоторые вопросы содержания и правового регулирования	89
<i>Павлюченко А. М., Шелепов К. А.</i> Анализ использования технологий искусственного интеллекта правоохранительными органами Российской Федерации	94
<i>Шаганян А. М., Овчинникова О. Д.</i> Порядок привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности: нормативное регулирование и проблемы реализации	103

Уголовно-правовые науки

<i>Бабанин В. Ю.</i> Неоказание помощи больному: проблемные вопросы объективной стороны состава преступления	112
<i>Бондарева А. А.</i> Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере нарушения миграционного законодательства	118
<i>Брагина А. Г.</i> Уголовно-правовое понятие «оправдание» и его отграничение от смежных категорий	125
<i>Валюлин Р. Р.</i> Постановления Правительства Российской Федерации в уголовном судопроизводстве: многокритериальная классификация и иерархия в системе подзаконного регулирования ...	132
<i>Ермакова О. В.</i> Особенности моделирования состава получения взятки: критический анализ с позиции юридической техники	140
<i>Заварыкин И. Н.</i> Криминологические закономерности и прогнозирование наркопреступности (в контексте ст. 228, 228.1 УК РФ)	147
<i>Князьков А. С., Матвейчук М. С.</i> Проблемы осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте как экологическом преступлении	152
<i>Лукьянова А. А.</i> Участие в судебном разбирательстве (судебном заседании) как составляющая права на судебную защиту в уголовном процессе	161
<i>Малетина М. А., Миронова Г. Н.</i> Влияние незаконной миграции на криминогенную ситуацию в России	168

<i>Незнамова З. А., Мелюханова Е. Е.</i> Экономическая составляющая института наказания.....	175
<i>Пучнина М. Ю., Пучнин А. В.</i> Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста: типологии, маркеры и факторы формирования.....	181
<i>Семенюк Р. А., Федоров А. Ф.</i> Деятельность «черных копателей» как самостоятельный вид преступности	189
<i>Чечетин А. Е.</i> Некоторые особенности законодательной регламентации оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан.....	195

CONTENS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Avilova O. E., Blinova O. A.</i> Organizational and Legal Foundations for the Formation of Legal Consciousness of Students of Higher Education Institutions	7
<i>Baburin V. V.</i> Content of Industrial Legal Norms (on the Example of Criminal Legal Norms).....	15
<i>Borkov V. N., Suverov S. E.</i> Theoretical and Legal Aspects of the Principle of Justice in the Application of Criminal Law Measures	24
<i>Moiseev S. V.</i> Features of the Spread of Islam in the Territory of Central Asia and the Russian State in the Pre-Revolutionary Period: Historical and Theoretical Aspects	31
<i>Nikulina A. V.</i> Human Rights in the Light of Classical Theories of Legal Understanding.....	37
<i>Pampura A. V., Golubtsova O. A., Starovoitova Yu. G.</i> Legal Aspects of Regulating the Activities of Persons Registered as Payers of Professional Income Tax (Self-Employed).....	43

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Akopyev V. L., Kovaleva E. G., Borisenko A. V.</i> Illegal Content on the Internet and Methods of Combating it by Voluntary Associations	51
<i>Grishakov A. G.</i> Preventive Activities of the Police Station Authorized Police Officer in the Context of Listing Some Categories of Persons	62
<i>Evtushenko V. I., Dizer O. A.</i> Ecological and Climate Migration: Comparative Legal Analysis	69
<i>Ermakov E. Yu.</i> New Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Process of Convergence of Constitutional and General Judicial Norm Control.....	76
<i>Kovaleva E. V.</i> Forced Entry into Vehicles as a Coercive Measure Applied by Certain Law Enforcement Officers	82
<i>Kozhevnikov O. A.</i> National Security: Some Issues of Content and Legal Regulation	89
<i>Pavljuchenko A. M., Shelepov K. A.</i> Analysis of the Use of Artificial Intelligence Technologies by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation	94
<i>Shaganyan A. M., Ovchinnikova O. D.</i> Procedure for Attracting Foreign Citizens to Labor Activities: Regulatory Regimen and Problems of Implementation.....	103

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Babanin V. Yu.</i> Failure to Assist Sick Person: Problematic Aspects of the Objective Side of the Crime	112
<i>Bondareva A. A.</i> Exemption from Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Violation of Migration Legislation	118
<i>Bragina A. G.</i> Criminal Law Concept of «Justification» and its Differentiation from Related Categories	125
<i>Valyulin R. R.</i> Decisions of the Government of the Russian Federation in Criminal Proceedings: Multicriteria Classification and Hierarchy in the System of Sublegislative Regulation	132
<i>Ermakova O. V.</i> Features of Modelling the Composition of Bribery Taking: Critical Analysis from the Position of Legal Technique	140
<i>Zavarykin I. N.</i> Criminological Patterns and Forecasting Drug-Related Crime (in the Context of Articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	147
<i>Knjaz'kov A. S., Matvejchuk M. S.</i> Problems of Crime Scene Inspection in Cases of Illegal Hunting as an Environmental Crime.....	152
<i>Lukyanova A. A.</i> Participation in a Trial (Court Hearing) as a Component of the Right to Judicial Protection in Criminal Proceedings	161
<i>Maletina M. A., Mironova G. N.</i> Impact of Illegal Migration on the Criminogenic Situation in Russia.....	168

<i>Neznamova Z. A., Melyukhanova E. E.</i> Economic Component of the Institution of Punishment	175
<i>Puchnina M. Yu., Puchnin A. V.</i> Criminological Characteristics of the Juvenile Extremist: Typologies, Markers, and Formation Factors	181
<i>Semenyuk R. A., Fedorov A. F.</i> Activities of «Black Diggers» as an Independent Type of Crime	189
<i>Chechetin A. E.</i> Some Features of Legislative Regulation of Operational-Search Activities in the Republic of Kazakhstan	195

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 7–14.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 7–14.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.114.5:378

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Оксана Евгеньевна Авилова¹, Ольга Александровна Блинова²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ avilova-oksana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-6904>

² boa334@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9417-4460>

Аннотация. Статья посвящена исследованию организационно-правовых основ формирования правосознания студентов образовательных организаций высшего образования на современном этапе развития Российского государства. Авторами проанализировано действующее законодательство, в т. ч. федеральные государственные образовательные стандарты, на предмет отражения в них новых ориентиров государственной политики России в приложении к формированию правового сознания российского студенчества. Делается вывод о том, что организационно-правовые основы формирования правовых чувств и представлений у студентов должны быть подчинены задачам этизации права и необходимости возрождения духовно-нравственных ценностей в российском обществе.

Ключевые слова: правовое сознание, правовое воспитание, правовое обучение, высшее образование, культурно-историческое своеобразие

Для цитирования: Авилова О. Е., Блинова О. А. Организационно-правовые основы формирования правосознания студентов в образовательном пространстве высших учебных заведений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 7–14.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Oksana E. Avilova¹, Olga A. Blinova²

^{1, 2} Altai State University, Barnaul, Russia

¹ avilova-oksana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-6904>

² boa334@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9417-4460>

Abstract. The article is devoted to the study of the organizational and legal foundations for the formation of legal consciousness of students in higher education institutions at the current stage of development of the Russian state. The authors analyzed the current legislation, including federal state educational standards, for the purpose of reflecting new guidelines of the state policy of Russia in relation to the formation of legal consciousness of Russian students. The efforts of higher education institutions to form students' legal consciousness are considered in the article from the standpoint of legal education and legal training. It is concluded that the organizational and legal foundations for the formation of legal feelings and ideas in students should be subordinated to the tasks of the ethization of law and the need to revive spiritual and moral values in Russian society.

Keywords: legal consciousness, legal education, legal education, higher education, cultural and historical identity

For citation: Avilova O. E., Blinova O. A. Organizational and legal foundations for the formation of legal consciousness of students of higher education institutions. *Altajskij juridicheskij vestnik* = Altai Law Journal. 2025;3:7–14 (In Russ.).

Правосознание в современном мире отражает представления и переживания людей относительно права, встроенного в сложный ряд социальных взаимодействий. С одной стороны, глобализация и интеграция с их стремлением к правовой унификации на основе ценностного ряда, выработанного западным миром (верховенство права, равенство, свобода, гуманизм). С другой стороны, антиглобализационные устремления с их интересом к проблемам национального самосознания и самопознания, в т. ч. в части отношения к праву, в части поиска собственной идеи права и собственного пути правового развития. Сказанное в полной мере справедливо для общественного правосознания в современном Российском государстве в контексте возросшего интереса к проблемам культурно-исторической самобытности. Эти сложные и противоречивые процессы по-своему проявляют себя в правовом сознании такой социально-демографической группы, как студенческая молодежь. Последняя не просто знакомится, осмысливает, усваивает (или отвергает) право и предлагаемые государством стандарты поведения (правовые нормы); она делает это под углом ориентации на будущую профессиональную деятельность, в контексте получаемого образования, на базе более-менее систематизированных знаний о праве, предлагаемых соответствующими образовательными программами. Усилия, предпринимаемые на пути формирования правового сознания студенческой молодежи, имеют чрезвычайное значение в деле созидания будущего российской государственности и правовой системы. Это определяет актуальность исследований, посвященных формированию правового сознания студенческой молодежи в современном российском обществе.

Проблема развития правосознания в приложении к любой образовательной организации, в т. ч. высшего образования, предполагает постановку вопроса о правовом воспитании и правовом обучении в условиях этой образовательной организации.

Традиционно в отечественной науке правовое воспитание понимается как один из видов воспитания. Осмысление воспитания (при всём многообразии существующих в науке подходов к определению этого понятия) упирается в четыре значимых момента: 1) оно представляет собой специфическую активность, регулируемую сознанием, порождаемую потребностями познания и преобразования внешнего мира и самого человека; 2) привязано к конкретному субъекту и имеет определенную цель; 3) направлено на развитие личности; 4) является частью процессов соци-

лизации и образования [1, с. 110]. Правовое воспитание обычно выделяется наряду с воспитанием интеллектуальным, трудовым, физическим, патриотическим, нравственным, экономическим, экологическим и религиозным [2, с. 9]. Критерием дифференциации одних видов воспитания от других традиционно выступают цель, задачи и содержание воспитания. Чаще всего цель правового воспитания формулируется через указание на повышение уровня правового сознания и правовой культуры [3, с. 23].

С социально-педагогической точки зрения правовое воспитание — это составная часть процесса правовой социализации, а последняя, в свою очередь, является частью процесса социализации личности в целом [4, с. 119]. В этой связи особенно удачным является определение правового воспитания как «целенаправленной деятельности по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому» [5, с. 205]. Это определение замечательно фиксирует, во-первых, тот факт, что юридический опыт — это прежде всего опыт разрешения конфликтов в обществе, а во-вторых, тот факт, что правовое воспитание от правовой социализации отличается целенаправленностью (можно даже уточнить, педагогической целенаправленностью).

В рамках данного исследования правовое воспитание интересует нас как целенаправленная и организованная деятельность, осуществляемая по поручению государства, ведь именно такой деятельностью занимаются образовательные организации, в т. ч. высшего образования. Такая трактовка правового воспитания представляет собой вариант его узкого понимания. В науке имеется также широкая трактовка правового воспитания (которая предполагает рассмотрение его как деятельности, в которую включены самые разнообразные субъекты), но рассмотрение правового воспитания в этом значении выходит за пределы данного исследования.

Кроме того, правовое воспитание как целенаправленная деятельность может быть описано через два взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимозависимых комплекса мероприятий: 1) приложение усилий по формированию личности, соответствующей представлениям и ожиданиям государства и общества; 2) своевременное реагирование на проявления отрицательной направленности поведения личности, их изменение. В случае с правовым воспитанием в пространстве

образовательных организаций высшего образования прямое отношение к её деятельности имеет первый комплекс мероприятий. При этом в этой части вуз располагает ресурсами, позволяющими ему оказывать эффективное воспитательное воздействие по параметрам целенаправленности, систематичности и квалифицированности.

Объектом правового воспитания выступают люди, чаще всего ранжируемые по социально-возрастному признаку: дошкольники, школьники, учащиеся колледжей/техникумов, студенты, обучающиеся по программам высшего образования, другие возрастные категории.

Что касается правового обучения, то в нём главное — это развитие правового мышления индивида, формирование теоретических основ правосознания (другими словами, формирование той части правосознания, которая чаще всего именуется правовой идеологией и представляет собой систему знаний о праве).

Правовое обучение в отечественной науке чаще всего рассматривается как одна из форм правового воспитания. И это вполне объяснимо с точки зрения структуры правосознания: результаты правового обучения охватывают правовую идеологию, а результаты правового воспитания — и правовую идеологию, и правовую психологию, т. е. и интеллектуальные, и эмоциональные компоненты правосознания.

С государственно-правовой точки зрения правовое воспитание (и правовое обучение) является частью культурно-просветительской (культурно-идеологической) функции государства, состоящей в том, что государство предпринимает определенные усилия по формированию интеллектуального, морального и духовного облика общества. В этой связи можно согласиться с теми авторами, которые подчеркивают, что основным субъектом правового воспитания (при условии его узкой трактовки) является именно государство, которое формирует юридические нормы и заинтересовано в их исполнении гражданами [6].

Основополагающий вектор государственной политики в части содержательной направленности культурно-просветительской функции Российского государства наглядно представлен в нормативных правовых актах РФ. Принципиальные положения в этой связи содержатся в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹. В данной Стратегии провозглашается, что в качестве

основы российского общества государство рассматривает «базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности» — это именно то, что «позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности» (п. 90 Стратегии). К этим ценностям отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 91 Стратегии). Соответственно, к стратегическим национальным приоритетам в сфере образования Государственная программа РФ «Развитие образования»² относит «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

В Федеральном законе Российской Федерации «Об образовании в РФ» фиксируется, что воспитание — это деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде (п. 2 ст. 2)³.

2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 2), ст. 5351.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (ч. 2), ст. 375.

³ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп. от 31.07.2020, от 04.08.2023, от

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от

Частью формируемого Российской Федерацией (в рамках культурно-воспитательной функции) идейно-нравственного каркаса личности и общества являются правовые представления и чувства. Главным политико-директивным документом в сфере правового воспитания являются «Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г.¹ Этот документ был принят более 10 лет назад, но в целом он соответствует новому вектору российской политики. В нём сформулировано несколько принципиальных положений.

Во-первых, в Основах провозглашается, что они направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе (п. 3 Основ).

Во-вторых, государственная политика, согласно п. 8 Основ, ориентируется на исторически сложившиеся нормы морали и общепризнанные нравственные ценности многонационального народа России, направленные на обеспечение правомерного и добропорядочного поведения граждан.

Таким образом, Основы признают взаимосвязь права с иными формами общественного сознания, в первую очередь с моралью (указание на добропорядочность, добросовестность, нравственные ценности), а также признают преемственность ценностей, которые лежат в основе правовой культуры россиян.

В итоге можно констатировать, что в России на государственном уровне в последние годы была принята идея цивилизационной правовой самобытности России: российское правосознание предлагается формировать не по западным «лекалам», а в ориентации на свои культурно-исторические особенности. Фактически можно говорить о смене государственного целеполагания в сфере правового воспитания.

Сегодня как анахронизм воспринимаются те предложения по совершенствованию правового воспитания, которые были широко растиражированы 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/11139> (дата обращения: 14.05.2025).

ваны в 1990-2010-е гг. и базировались на признании универсального характера ценностей западной цивилизации, на демонстративном игнорировании ценностей национального порядка и особенностей российского правосознания. Среди них, напомним, были следующие: 1) необходимость «говорить с Западом на понятном ему правовом языке, опираясь на универсальные подходы в правовопонимании» [7, с. 8]; 2) необходимость пропагандировать демократические традиции мировой цивилизации [8, с. 11] и т. п.

Вместе с тем, несмотря на принципиально новый вектор в правовом развитии, в России так и не принята единая программа правового воспитания, которой могли бы руководствоваться образовательные организации разных уровней образования. Для образовательных организаций высшего образования определяющими в этой части являются федеральные государственные образовательные стандарты (далее — ФГОС). Так, в ФГОС 3++, посвященных программам бакалавриата, среди универсальных компетенций есть компетенция с названием «Гражданская позиция», содержание которой стандартизировано и формулируется через способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению. Аналогичная универсальная компетенция предусмотрена в ныне действующих федеральных государственных образовательных стандартах и для программ специалитета. Среди общепрофессиональных компетенций программ высшего образования также в обязательном порядке фиксируется способность осуществлять свою профессиональную деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами и нормами профессиональной этики.

Таким образом, высшие учебные заведения, готовящие бакалавров, специалистов и магистров, занимаются правовым воспитанием (и правовым обучением) студенчества, реализуя свои образовательные программы в соответствии с требованиями ФГОС и иных документов в сфере государственной образовательной политики.

Анализ деятельности вузов по правовому воспитанию с точки зрения структуры правового сознания позволяет сделать вывод о том, что в первую очередь они воздействуют на интеллектуальную сферу студентов. Здесь они призваны сформировать правовую грамотность, т. е. занимаются собственно правовым обучением. При этом правовая грамотность охватывает две главные сферы — социально-гражданскую и профессионально-деловую. Социально-гражданская грамотность, согласно требованиям ФГОС, сфокуси-

рована вокруг правовой оценки коррупционного поведения. Профессионально-деловая правовая грамотность предполагает знание правовых норм в профессиональной области будущего выпускника. Кроме того, правовая грамотность предполагает понимание основ юридического мышления, т. е. основ процесса внутреннего рассуждения при работе с нормативным правовым материалом. Конечно, само по себе юридическое мышление является мышлением профессиональным, и полноценное им овладение возможно только при получении профессионального юридического образования. Но вместе с тем понимание некоторых азов этого мышления необходимо людям разных профессий. А это означает, что студенты должны уяснить принципы аналитической работы с правовой материей, отличающейся нормативностью, точностью, системностью, терминологичностью, конвенциональностью, ориентированностью на формализм.

Помимо этого, в рамках деятельности образовательных организаций высшего образования по правовому воспитанию осуществляется воздействие на эмоциональную сферу студентов. Это не менее важная сторона правового воспитания, ведь знание законов вовсе не гарантирует их выполнение. Здесь работа вузов состоит в формировании и развитии правовых чувств. Последние в учебных и научных публикациях очень часто описываются через следующий ряд: уважение к праву и закону, формирование твердой убежденности в необходимости соблюдения законодательства. Приведенный перечень правовых чувств выглядит настолько безжизненным, что в очередной раз, на наш взгляд, подтверждает невозможность оторвать правовые представления и чувства от духовно-нравственной проблематики.

С точки зрения стратегических национальных приоритетов в сфере образования, в части описания формирования правовой психологии студентов нам более точной представляется формулировка «нравственно-правовые чувства». Невозможно сформировать уважение к закону, если этот закон представляется как навязанное государством веление, оторванное от общенародных интересов. Нравственно-правовые чувства находятся в неразрывной связи с совестью гражданина и чувством патриотизма. Залогом формирования правовых чувств является, во-первых, ощущение себя гражданином страны (гражданское чувство), связанным с другими людьми общими ценностями (жизнь, здоровье, общественный порядок, семья, труд и др.), а во-вторых, понимание того, что на защиту этих ценностей направлены разные соци-

альные нормы. Напомним, например, что запрет убивать сформулирован в социуме и как норма морали (необходимость поступать по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе, в т. ч. в части сохранения человеческой жизни), и как норма права (предписание конкретных статей уголовного законодательства, запрещающее посягать на чью-либо жизнь и устанавливающее ответственность за такое посягательство), и как религиозная норма (например, ветхозаветное «не убий») [9, с. 44]. Наличие идентичного содержания в разных социальных нормах в данной ситуации показывает, что они выступают в регулировании общественных отношений общества, подкрепляя друг друга в защите тех ценностей, которые признаются данным обществом.

Таким образом, правовое сознание студентов нельзя формировать обособленно, отдельно от других форм сознания. Странно прилагать усилия по формированию нравственного сознания человека, прививать ему уважение к тем или иным ценностям (семья, Отечество, жизнь) и в то же время требовать от него, чтобы он относился с пиететом к закону безотносительно к его содержанию. Еще более чудовищной выглядит ситуация, когда человек воспитан в беспрекословном подчинении закону и только ему и не посягает на жизнь, здоровье, честь, благополучие других людей исключительно по этой причине. Такой человек может сказать: «Я не убиваю других людей только потому, что мне это не позволяет делать уголовный закон», хотя очевидно, что в норме человек не должен совершать подобных деяний в силу нравственных побуждений. Этот пример наглядно показывает, что сама по себе законопослушность не есть главная цель правового воспитания. Гораздо больше правды в словах В. Г. Стуканова, который, во-первых, рассматривает нравственно-правовое воспитание как единый комплексный процесс, а во-вторых, связывает это воспитание с социальными ролями, которые должен выполнять человек, а именно «быть гражданином, патриотом, любящим Родину, готовым стать на ее защиту; примерным членом общества, уважительно относящимся к законам, другим людям и чужой собственности; ответственным тружеником и хорошим профессионалом; добропорядочным семьянином, родителем, сыном (дочерью)» [10, с. 112]. Всё это часть гуманистической культуры личности, которая охватывает собой и сферу права.

В идеале освоенные и воспринятые студентом ценности должны быть включены в содержание правосознания и выражаться в социально значи-

мых правовых деяниях юридического характера (соответствующих правовым предписаниям). Этот момент осознается (хотя и несколько коряво формулируется) в действующих ФГОС применительно к такой универсальной компетенции бакалавров и специалистов, как «способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению». Индикаторами сформированности данной компетенции тем самым выступают: 1) знание антикоррупционного законодательства; 2) умение давать оценку коррупционному поведению; 3) последнее и главное — участие в жизни общества без использования коррупционных механизмов.

Итак, все образовательные организации высшего образования Российской Федерации занимаются правовым воспитанием и правовым обучением студенчества. Кроме того, часть из них осуществляет комплекс действий по формированию правового образования: в отношении студентов, которые получают профессиональное юридическое образование. В этой части вузы реализуют соответствующие образовательные программы.

В Российской Федерации отсутствует единая федеральная программа по правовому воспитанию. Однако в части субъектов РФ приняты и действуют собственные региональные программы и планы правового воспитания. Поскольку аудитория этих программ обычно включает студенчество, вузы становятся участниками подобных программ. Достоинством этих программ является элемент планирования правовой воспитательной работы в региональном масштабе, а также открывающаяся для вузов возможность объединить усилия по правовому воспитанию с иными субъектами (органами государственной власти, библиотеками, избирательными комиссиями).

В Алтайском крае Распоряжением Правительства Алтайского края от 23 октября 2024 г. № 471-р утвержден План мероприятий по правовому информированию и правовому просвещению населения Алтайского края на 2024–2027 годы¹. Это очень обширный перечень мероприятий, в проведении которых в двух случаях прямо предусматривается участие вузов и студенчества: 1) оказание бесплатной юридической помощи гражданам, в т. ч. участникам специальной военной операции и членам их семей, в рамках негосударственной

системы бесплатной юридической помощи в Алтайском крае; 2) проведение декады права, посвященной Основному Закону — Конституции Российской Федерации.

Итак, формирование правового сознания в образовательном процессе высших учебных заведений не происходит в вакууме, оно осуществляется в конкретном социально-историческом контексте. Важными слагаемыми последнего являются:

1. Система принятых в государстве политических и правовых идей. Эти идеи, составляя государственно-правовую идеологию (которая есть у любого государства, даже у того, которое декларирует в тексте Конституции идеологический плюрализм), могут либо совпадать с народными стремлениями и ожиданиями в политико-правовой сфере, либо не совпадать, противоречить им. В 1990–2000 гг. Российская Федерация в правовой сфере взяла курс на присоединение к так называемым универсальным, международным ценностям, что выразилось в заимствовании западных правовых «трендов». В последние несколько лет этот опыт правового строительства был оценен как ошибочный. События в ближнем и дальнем зарубежье привели руководство страны к смене вектора в правовом развитии. Был взят курс на уважение истории своего народа.

2. Система принятых в государстве нормативных правовых актов, дающих внятные ориентиры правового воспитания (описание результата, задач и т. п.). В этой части основное значение имеют федеральные государственные образовательные стандарты, устанавливающие требования к выпускнику через перечень компетенций, которые, в свою очередь, должны быть интегрированы в соответствующие образовательные программы. Образ выпускника, освоившего программу высшего образования, рисуется в ФГОС как образ человека, нетерпимого к коррупции (универсальная компетенция) и владеющего набором правовых знаний в своей профессиональной области (соответствующие общепрофессиональные компетенции).

3. Педагогические кадры. Традиционные требования к ним состоят в компетентности в правовой сфере (что особенно важно, когда речь идет о формировании правовых умений и навыков будущего выпускника в профессиональной сфере), а также во владении специальным учебно-методическим инструментарием (умение использовать разные формы, средства, способы правового воспитания). Но нужно помнить и о специфических требованиях этического характера, если не стре-

¹ Об утверждении плана мероприятий по правовому информированию и правовому просвещению населения Алтайского края на 2024–2027 годы [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Алтайского края от 23.10.2024 № 471-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

миться искусственно оторвать правовое воспитание от нравственного.

4. Методика преподавания права. Современной молодежи, воспитанной в эпоху цифровизации, зачастую могут быть неинтересны традиционные формы аудиторной работы. Важно организовать процесс обучения с использованием таких средств, которые заинтересуют студентов. Как предлагается в научных публикациях, это могут быть различные цифровые форматы, игры (например, квесты), диалоги и беседы с юристами-практиками, может быть, даже создание каких-либо компьютерных игр на правовую тематику [11, с. 13].

Самый значимый из представленных элементов первый. Предпринятая в 1990-е гг. попытка внедрить в общественное сознание западные ци-

визационные ценности обернулась распространением правового нигилизма, системными кризисными явлениями в сфере права, в частности, распространением коррупции. По этой причине основная ответственность в части укрепления российского правосознания, в т. ч. студенческого, лежит на государстве. В рамках правотворческого процесса государству следует исходить из общественных интересов и нравственных принципов. Только в этом случае принятый закон получит мировоззренческую императивность, его исполнение будет восприниматься как долг. Если же государство игнорирует общенациональное обывденное правосознание, тесно сопряженное с духовными и моральными ценностями, выраженным чувством справедливости, то оно рискует собственной исторической судьбой.

Список источников

1. Пеструилов А. С. Понятие и значение правового воспитания для современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3 (49). С. 109–113.
2. Новикова Л. И. Актуальные вопросы методики правового воспитания и обучения: учебно-методическое пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. 164 с.
3. Кропанева Е. М. Теория и методика обучения праву: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. 166 с.
4. Бессарабов Р. А. Правовая социализация и правовое воспитание // Философия права. 2010. № 4. С. 118–122.
5. Корельский В. Д. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2019. 341 с.
6. Михеев Д. Н., Ирицян С. В., Кабдрахманов Б. Б. Субъект и объект правового воспитания, его цель, задачи и функции // Новый взгляд на систему образования: сборник мат-лов II Международной научно-практ. конф-ции / отв. ред. Е. Ю. Пудов. Кемерово: Изд-во Кузбасского государственного технического ун-та им. Т. Ф. Горбачева, 2019. С. 068.1–068.3.
7. Лапаева В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 3–14.
8. Долгополов О. А. Организация правового воспитания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 24 с.
9. Авилова О. Е. Человек и пространство социального нормативного регулирования // Человек: границы бытия: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции / под ред. С. А. Ан. Барнаул, 2018. С. 40–46.
10. Стуканов В. Г. Психолого-педагогические задачи нравственно-правового воспитания личности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 112–116.
11. Беденков В. В. Генезис научных представлений о правовом воспитании обывденного правосознания российского общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 9–16.

References

1. Pestruilov A. S. Ponyatie i znachenie pravovogo vospitaniya dlya sovremennoj Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3 (49). S. 109–113.
2. Novikova L. I. Aktual'nye voprosy metodiki pravovogo vospitaniya i obucheniya: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2017. 164 s.
3. Kropaneva E. M. Teoriya i metodika obucheniya pravu: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2010. 166 s.
4. Bessarabov R. A. Pravovaya socializaciya i pravovoe vospitanie // Filosofiya prava. 2010. № 4. S. 118–122.

5. Korel'skij V. D. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yurajt, 2019. 341 s.
6. Miheev D. N., Iricyan S. V., Kabdrahmanov B. B. Sub'ekt i ob'ekt pravovogo vospitaniya, ego cel', zadachi i funkcii // Novyj vzglyad na sistemu obrazovaniya: sbornik mat-lov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / otv. red. E. Yu. Pudov. Kemerovo: Izd-vo Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta im. T. F. Gorbacheva, 2019. S. 068.1–068.3.
7. Lapaeva V. V. Rossijskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoj filosofsko-pravovoj tradicii // Voprosy filosofii. 2010. № 5. S. 3–14.
8. Dolgoplov O. A. Organizaciya pravovogo vospitaniya v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2004. 24 s.
9. Avilova O. E. Chelovek i prostranstvo social'nogo normativnogo regulirovaniya // Chelovek: granicy bytiya: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / pod red. S. A. An. Barnaul, 2018. S. 40–46.
10. Stukanov V. G. Psihologo-pedagogicheskie zadachi npravstvenno-pravovogo vospitaniya lichnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2015. № 1 (26). S. 112–116.
11. Bedenkov V. V. Genezis nauchnyh predstavlenij o pravovom vospitanii obydenного pravosoznaniya rossijskogo obshchestva // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2022. T. 9. № 4. S. 9–16.

Информация об авторах

О. Е. Авилова — кандидат юридических наук.

О. А. Блинова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. E. Avilova — Candidate of Science (Law).

O. A. Blinova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 15–23.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 15–23.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.13:343.2/.7

СОДЕРЖАНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ)

Василий Васильевич Бабурин

Омская академия МВД России, Омск, Россия, vvbaburin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с характеристикой содержания современных правовых норм на примере анализа уголовно-правовых норм. Описывается взаимосвязь содержания уголовно-правовых норм с содержанием уголовного права как самостоятельной отрасли права. Исследуется сущность охранительных и регулятивных уголовно-правовых норм, раскрываются их характерные признаки. Предпринята попытка определения взаимосвязи уголовно-правовых норм с подотраслями уголовного права. Определяется значение совершенствования содержания конкретных уголовно-правовых норм и их видов для перспективы развития системы современного российского уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, правовая норма, уголовно-правовая норма, содержание уголовно-правовой нормы, виды уголовно-правовых норм, охранительная уголовно-правовая норма, восстановительная уголовно-правовая норма

Для цитирования: Бабурин В. В. Содержание отраслевых правовых норм (на примере уголовно-правовых норм) // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 15–23.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CONTENT OF INDUSTRIAL LEGAL NORMS (ON THE EXAMPLE OF CRIMINAL LEGAL NORMS)

Vasilij V. Baburin

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, vvbaburin@mail.ru

Abstract. The article examines a complex of issues related to the characteristics of the content of modern legal norms, using the example of the analysis of criminal law norms. It describes the relationship between the content of criminal law norms and the content of criminal law as an independent branch of law. The article explores the essence of protective and regulatory criminal law norms and reveals their characteristic features. It also attempts to determine the relationship between criminal law norms and sub-branches of criminal law. The article highlights the importance of improving the content of specific criminal law norms and their types for the development of the modern Russian criminal law system.

Keywords: criminal law, legal norm, criminal law norm, content of a criminal law norm, types of criminal law norms, protective criminal law norm, restorative criminal law norm

For citation: Baburin V. V. Content of Industrial Legal Norms (on the Example of Criminal Legal Norms). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:15–23 (In Russ.).

В основе любого правового регулирования общественных отношений в государстве лежит правовая норма как важнейший элемент организации поведения граждан. Ее организующая роль как правила поведения обусловлена свойством передавать содержание и смысл волевого требования или пожелания государства в отношении поведения своих граждан. Как отмечают Р. В. Шагиева и А. П. Севрюков, «правовая норма — первичная ячейка права, в которой заложена самостоятельная программа воздействия на регулируемые отношения и сознание их участников. Субъекты права имеют дело, прежде всего, с отдельными нормами, непосредственно на них основывают свои права, свободы и обязанности. Нормы права регулируют наиболее важные для государства общественные отношения, устанавливая границы дозволенного поведения субъектов права, выступая мерой свободы человека в обществе» [1, с. 27].

Характеризуя свойства нормы права, В. В. Лазарев пишет, что норма права выступает как «признаваемое и обеспечиваемое государством общеобязательное правило, из которого вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия призвано регулировать данное правило в качестве образца, эталона, масштаба поведения» [2, с. 186]. При этом следует отметить, что это общее правило поведения рассчитано на неопределенное количество однотипных случаев, обязательно для соблюдения каждым субъектом в условиях предусмотренной ситуации под угрозой применения государственного принуждения.

В регулировании общественных отношений норма права выполняет три функции:

- выражает волю правотворческого органа в виде властного решения, общеобязательного правила;
- выступает критерием оценки поведения людей; с помощью норм права разрешаются конфликты, правовые споры;
- устанавливает меру ответственности за ее несоблюдение или неисполнение [1, с. 353–354].

Конечно, норма не действует сама по себе, она встроена в механизм правового регулирования, являясь важной, но не единственной его частью. И чтобы понять правовую норму и ее значение, необходимо помнить ее место в указанном механизме, ее взаимодействие с другими элементами этого механизма.

Для регулирования всего богатства и разнообразия существующих в мире в целом и в конкретном государстве (обществе) общественных отношений необходимы самостоятельные группы

норм права. Учитывая не только тесную (общую) взаимосвязь между правом и государством, но и определяющее значение объективных социально-экономических и иных условий отдельного государства для формирования права, в каждом государстве образуется своя конкретная уникальная система правовых норм, образующая внутригосударственное право. Иными словами, конкретные условия отдельного государства объективно формируют и систему права.

Характеризуя данные конкретные условия, необходимо отметить их прямую связь с относительно обособленными сферами общественных отношений, в которых осуществляется деятельность государства, среди них обычно выделяются экономическая, социальная, экологическая, политическая и идеологическая сферы общественных отношений. Именно в этих сферах государство выполняет свои непосредственные функции в законодательной, управленческой (исполнительной), судебной и контрольно-надзорной формах.

Представляя собою простейший элемент права, норма права обладает всеми признаками права в целом. При этом «любая единичная правовая норма приобретает качество, свойственное праву в целом, лишь будучи включенной в его общую систему». Системность представляет собой важное понятие для характеристики норм права, поскольку «система права — это правовая категория, отражающая внутреннее строение действующего в государстве права любой страны, которое представлено единством составляющих его норм и разграничением их на взаимосвязанные и взаимодействующие правовые общности» [1, с. 338].

Конечно, норма не действует сама по себе, однако в механизме правового регулирования ее базовое место (роль) неоспоримо, поскольку очень много в содержании правового регулирования зависит от содержания самой нормы. Передать смысл и содержание волевого требования, исходящего от государства, может только совершенная (идеальная) норма. Особенно это актуально для тех отраслей права, в которых за нарушения правил поведения предусмотрено наступление суровых последствий для нарушителей норм права.

Одной из таких отраслей права является уголовное право, в котором предъявляются особо строгие требования к содержанию правовых норм в силу значимости последствий, которые могут возникнуть вследствие их некорректного формулирования. Несовершенство уголовно-правовых норм, обусловленное недостаточной точностью в выражении государственной воли, способно

привести к формированию дефектных уголовных правоотношений.

Уголовное право как самостоятельная отрасль в системе российского права выполняет специфические функции, связанные с охраной установленных в государстве и регулируемых нормами других отраслей права общественных отношений. Задача эффективной защиты этих важных отношений обуславливает необходимость включения в содержание уголовно-правовых норм достаточно суровых санкций. Несмотря на то что указанная особенность нередко интерпретируется не только в качестве одной из функциональных задач уголовного права, но и в качестве его содержательной доминанты, следует подчеркнуть, что нормативное наполнение данной отрасли, равно как и иных элементов правовой системы, детерминировано прежде всего его сущностной характеристикой — регулятивным воздействием на общественные отношения. При этом функциональная специфика отнюдь не предполагает редукции уголовно-правового регулирования исключительно к охранительной составляющей в ущерб его собственно регулятивному потенциалу.

Современные исследования в области уголовно-правовой науки демонстрируют существенную диверсификацию взглядов относительно содержательной характеристики и классификации норм уголовного права. Более того, в современной юридической литературе прослеживается тенденция к редукционистскому подходу при интерпретации нормативного содержания уголовного права, что выражается в упрощенной трактовке его структурных элементов.

Так, А. В. Хабаров, ставя вопрос о содержании уголовно-правовых отношений, приходит к выводу о том, что «те отношения, содержанием которых является регулятивный запрет (обязывание), уголовное право не регулирует, а охраняет их. Устанавливая уголовно-правовые санкции за некоторые из форм нарушений регулятивных норм, уголовное право оказывает правовое воздействие на общественные отношения, но регулирует их» [3, с. 24].

В контексте анализа механизма действия уголовно-правовых норм следует особо отметить научную позицию И. Э. Звечаровского, который аргументированно обосновывает, что современное уголовное право России как «самостоятельная отрасль единой системы права представляет собой органическую совокупность норм и институтов, призванных регулировать наиболее важные и ценные для личности, общества и государства обще-

ственные отношения посредством уголовного запрета (запрещающих и обязывающих уголовно-правовых норм), а в случае его нарушения — регулируя, восстанавливать эти отношения в рамках возникновения и реализации обязанности отвечать за содеянное посредством запрета, обязывания, дозволения и поощрения (запрещающих, обязывающих, управомочивающих и поощрительных уголовно-правовых норм)» [4, с. 12].

Разделяя в целом концептуальные положения указанного автора, представляется необходимым конкретизировать, что уголовное право как органическая совокупность норм и институтов призвано осуществлять регулятивное воздействие на наиболее важные и ценные для личности, общества и государства общественные отношения. В этой связи требуется конкретизировать, какие именно общественные отношения, обладающие наибольшей ценностью для личности, общества и государства, подлежат уголовно-правовой защите, а также определить круг субъектов, выступающих участниками данных правоотношений.

Данное уточнение крайне значимо, поскольку очень часто, когда речь идет о наиболее важных общественных отношениях (отношениях жизни и здоровья, собственности, экономики и т. д.), подразумевают, что они уже урегулированы нормами других отраслей права, и уголовно-правовые нормы явно не могут в силу своего содержания их напрямую регулировать, они могут лишь обеспечивать их безопасность, сохраняя сложившийся порядок этих отношений. Кроме того, необходимо уточнить, кто является участниками этих отношений, поскольку считается, что это субъекты других отраслей права, наделенные правами и обязанностями, и они также уголовно-правовыми нормами не охватываются.

Однако это далеко не так, поскольку следует помнить, что государство, устанавливая эти наиболее важные и ценные для личности, общества и государства общественные отношения (собственности, жизни и здоровья, экономики и т. д.), уже закладывает в них уголовно-правовую охрану, подразумевая, что нарушение этих отношений возможно только их участниками. Рассмотрим те же отношения собственности. Кто в них выступает участниками — собственник, с одной стороны, и неопределенное число других лиц, которые обязаны соблюдать права собственника, с другой стороны [5, с. 90–91; 6, с. 28–31]. Указанные лица, с одной стороны, являются участниками отношений собственности, с другой — участниками охранительных уголовно-правовых отношений,

поскольку, зная об уголовно-правовом запрете, они соблюдают отношения собственности. И эта охрана является частью отношений собственности, а не абсолютно отдельными отношениями, поскольку нарушить эти отношения может только человек, участвующий в них. Если он не знает, что это отношения собственности, то он и не может нарушить данное отношение. Такая же ситуация существует и по всем остальным наиболее важным общественным отношениям.

Следует отметить, что в зарубежном уголовном праве, в частности в странах романо-германской правовой группы — во Франции, Германии, сложился такой подход к формированию уголовно-правового запрета не только на основе уголовного закона, но и на основе других отраслей права, в частности норм трудового, экологического, налогового и других законов [7, с. 259]. Например, уголовно-правовой запрет является продолжением действия норм трудового права, когда в Трудовом кодексе Франции содержится уголовно-правовая санкция за нарушение норм трудового права. И нарушить ее может только субъект трудового права. Так, согласно статье L4741-3 Трудового кодекса Франции работодатель, не выполнивший предписаний инспектора труда, если они были связаны с приостановкой работы из-за опасности жизни и здоровья работников на строительных площадках (к примеру, при неисправности средств защиты от падения с высоты), подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год и штрафу в размере 3750 евро [8, с. 72].

Поэтому, говоря о том, что уголовное право регулирует наиболее важные и ценные для личности, общества и государства общественные отношения, следует подчеркнуть, что участие уголовно-правовых норм в их регулировании не только отражает смысл правового регулирования, но и открывает возможности для формирования более точного содержания охранительных уголовно-правовых норм. Исходя из вышеизложенного, в определении уголовного права следует записать, что уголовное право, наряду с другими отраслями права, напрямую участвует в регулировании этих наиболее важных и ценных для личности, общества и государства общественных отношений.

Уголовное право выполняет задачу охраны одних отношений путем создания и регулирования других общественных отношений — охранительных. Поэтому нельзя нормы уголовного права как вид называть регулятивными отношениями, поскольку в основе любых правовых отношений

лежат нормы, и эти нормы априори регулятивные. В этом смысл любой нормы — быть и заниматься регулированием. А вот зачем, для чего регулировать — это и должно определять вид той или иной нормы.

Следует отметить, что данная проблема своими корнями уходит в спорные вопросы общей теории права. Как справедливо отмечает В. В. Лазарев, «главным делением юридических норм признается деление их на регулятивные и охранительные. В известной степени это деление условно, так как каждая норма, воздействуя на волю и сознание человека, регулирует его поведение. Поэтому лучше, если регулятивные нормы называть правоустановительными, поскольку в них содержатся предписания, предоставляющие участникам общественных отношений права и возлагающие на них обязанности. Тем самым их поведение регулируется как бы напрямую. Охранительные нормы устанавливают и регламентируют меры юридической ответственности, другие принудительные меры защиты субъективных прав. Здесь регулирование поведения людей осуществляется как бы косвенно» [2, с. 188].

Исходя из этого, более правильно нормы в уголовном праве делить на охранительные (рассчитанные на граждан путем уголовно-правового запрета) и восстановительные (рассчитанные на государственные органы, которые применяют уголовно-правовые нормы — санкции за нарушение уголовно-правового запрета).

При этом надо учитывать, прежде всего, на какого субъекта рассчитана данная норма. Так, охранительная норма, устанавливающая запрет, рассчитана на граждан, которые должны урегулировать свое поведение таким образом, чтобы воздержаться от совершения общественно опасных действий, чаще всего связанных с нарушениями чужих прав и законных интересов. А восстановительная норма, устанавливающая порядок разрешения возникшего конфликта в виде нарушения установленного охранительной нормой запрета, рассчитана на другого субъекта — представителей правоохранительных органов, которые для этого этой нормой наделяются правами и обязанностями с целью того, чтобы применить наказание за нарушение запрета или иным образом урегулировать возникший конфликт, связанный с нарушением гражданином установленного государством уголовно-правового запрета.

К сожалению, в настоящее время данные разновидности уголовно-правовых норм сосредоточены в одной норме, предусмотренной одной статьей

Уголовного кодекса Российской Федерации. Чрезвычайно важный момент отмечает В. Д. Филимонов, проводя подробную классификацию норм уголовного права. Выделяя нормы непосредственного и опосредованного действия, он первую группу делит в зависимости от их предмета и метода уголовно-правового регулирования. Особое значение при этом имеет классификация уголовно-правовых норм на те, которые регулируют поведение граждан, способных совершить или уже совершивших преступление, и те, которые регулируют деятельность государственных органов по применению норм первой группы. Нужно помнить, что данные уголовно-правовые нормы существуют в рамках той классической структуры правовой нормы, в которой выделяется три элемента: гипотеза, диспозиция, санкция.

Особое внимание нужно обратить на вторую группу норм, регулирующих деятельность государственных органов, или, как их еще можно называть, нормы, регулирующие применение уголовной ответственности. В статьях Особенной части УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за конкретные виды преступлений, необходимо выделять гипотезу, диспозицию и санкцию как в нормах, которые регулируют поведение граждан, так и в нормах, регулирующих деятельность государственных органов. При этом одни и те же элементы статьи, описывающие само преступление и предусмотренное за него наказание, для первой группы норм выступают диспозицией и санкцией, для второй группы норм — гипотезой и диспозицией [9, с. 16–17]. В доктринальном понимании структуры уголовно-правовой нормы, регуливающей правовое поведение субъектов, содержащееся в статье уголовного закона описание признаков противоправного деяния выполняет функцию диспозиции, тогда как установленная мера государственного принуждения за его совершение представляет собой санкцию данной нормы.

В этом заключается проблема четкого разделения охранительной и восстановительной нормы, которую сейчас ошибочно понимают как регулятивную норму. Проблема заключается в том, что недостаточно внимания уделяется именно значению уголовно-правового запрета в регулировании общественных отношений. Большая часть внимания перешла к той части нормы, которая связана с регулированием действий, которые совершаются уже после нарушения данного запрета. В то время как вся задача уголовного права заключается именно в удержании граждан от нарушения запре-

та. Это основная часть действия уголовного права, и именно ему должно уделяться больше внимания, чем реальному применению наказания. Иначе получается, что основной задачей уголовного права является само по себе применение наказания. А вместе с тем применение наказания к лицу, нарушившему запрет, является только дополнительной частью регулирования уголовно-правовых отношений, это своего рода исключения из общего правила. Но в настоящее время они по уровню уделяемого им внимания, по разработанности и объемам вкладываемых в них сил и средств фактически становятся основными.

Ненормальность данного положения проявляется в случае, если прояснить, усилить ситуацию тем, что мы имеем по факту. Получается, что для того, чтобы урегулировать, обеспечить охрану общественных отношений, всегда, сейчас и на будущее надо применять уголовное наказание. И в этой связи необходимо отметить ряд проблемных вопросов, которые связаны с трудностями и прямыми противоречиями в уголовно-правовом регулировании. Так, одним из первых таких противоречий является противоречие между необходимостью знания уголовного закона, содержащего в себе запрет, и утверждением, что незнание закона не освобождает от уголовной ответственности. Принцип «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности» вступает в противоречие с тем принципом, по которому человек обязательно должен знать об уголовном запрете, иначе какой смысл в этом запрете.

В целом, завершая характеристику отмеченных выше проблем, связанных с описанием наиболее распространенных видов уголовно-правовых норм, следует сделать вывод о том, что их существование обусловлено принципиальным отсутствием в уголовно-правовой доктрине единого подхода к пониманию и интерпретации сущности уголовного права. Мало внимания уделяется анализу признаков уголовного права, а тем более его содержания и формы. Современная уголовно-правовая мысль демонстрирует тенденцию к ограниченному, сегментированному исследованию категорий предмета и метода, чья содержательная интерпретация продолжает вызывать научные дискуссии в связи с неполнотой их философского обоснования и недостаточной интеграцией в общеправовой контекст.

Именно с этого начинаются главные проблемы определения содержания уголовного права — в усеченном определении содержания общественных отношений, являющихся предметом уголов-

ного права, в неполном определении метода уголовно-правового регулирования этих отношений.

Нет единства в выделении числа видов тех общественных отношений, которые регулируются уголовным правом. Одни авторы считают, что существуют уголовно-правовые отношения только одного вида. Другие авторы в предмете уголовного права выделяют две группы общественных отношений: охранительные и регулятивные [10, с. 15].

Третьи авторы считают, что при характеристике общественных отношений, регулируемых уголовным правом, речь должна идти не только об охранительных и регулятивных, но и об общепредупредительных отношениях. Так, А. В. Наумов справедливо отмечает, что «отношения по поводу воздержания лиц от совершения преступления, вытекающие из уголовно-правового запрета (назовем их общепредупредительными уголовно-правовыми отношениями), также входят в предмет уголовно-правового регулирования» [11, с. 7]. К сожалению, следует признать, что в настоящее время выделение данной группы общественных отношений вызывает наибольшую критику со стороны ряда авторов. Так, А. В. Хабаров отмечает, что не должны включаться в предмет уголовного права отношения, связанные с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния (так называемым представлением права на необходимую оборону, задержание преступника и т. д.). Данные отношения возникают не с государством, а с посягающим, задерживаемым и т. п. Деяние при таких обстоятельствах далеко не всегда является правомерным. Поэтому истинное назначение таких норм состоит в исключении соответствующего поведения из сферы уголовного права (признании его неправомерным)» [3, с. 24].

С данными выводами автора нельзя согласиться уже по той причине, что то деяние при таких обстоятельствах далеко не всегда является правомерным, никак не может объективно влиять на характеристику его правомерности. В каждом правиле могут быть исключения, что не влияет на само правило.

Наиболее к полному определению предмета уголовного права, по нашему мнению, подходят Р. А. Сабитов и Т. Р. Сабитов, отмечая, что уголовно-правовому регулированию подлежат общественные отношения пяти видов. Во-первых, это общественные отношения, которые возникают после издания его норм. Во-вторых, это общественные отношения, возникающие между государством и лицом, совершившим преступление. В-третьих, это общественные отношения, которые

возникают между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или несовершеннолетним лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасное деяние. В-четвертых, это общественные отношения между государством и гражданином по поводу его общественно полезного поведения в сфере правомерного причинения вреда. В-пятых, это отношения между государством и лицом, совершившим преступление, по поводу его поведения после совершения преступления, связанного с отбыванием наказания [12, с. 11–12]. В целом поддерживая авторов в выделении таких видов общественных отношений, нельзя согласиться с выделением последнего вида общественных отношений между государством и лицом, совершившим преступление, по поводу его поведения после совершения преступления, связанного с отбыванием наказания, поскольку это, по сути, продолжение отношений между лицом, совершившим преступление, и государством. Если и можно выделять подобные отношения, то только отношения между государством и лицом, совершившим преступление, но по поводу его поведения после совершения преступления, не связанного с отбыванием наказания.

Также обязательно следует уточнить, что отношений, регулируемых уголовным правом, больше. Прежде всего необходимо учитывать, что общественные отношения, которые возникают после издания его норм, делятся на две самостоятельные группы, которые регулируются разными способами. Во-первых, это общественные отношения, возникающие между государством и лицом, способным совершить преступление, по поводу удержания последнего от совершения преступления (они регулируются методом запрета). Во-вторых, это отношения, которые возникают между государством и лицом, способным на правомерное причинение вреда, по поводу его действий в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния (они регулируются методом дозволения).

Кроме того, следует признать, как мы ранее отмечали, что в рамках предмета уголовного права с учетом всех разновидностей уголовно-правового деяния в российском уголовном праве необходимо выделять шесть видов уголовно-правовых отношений, подлежащих регулированию. Так, первой группой общественных отношений являются отношения между государством и гражданином, способным совершить преступление, по поводу удержания его от совершения преступления. Вторая

группа общественных отношений, которые возникают между государством и лицом, не способным совершить преступление, но способным совершить общественно опасное деяние (объективно противоправное деяние) (лица, невменяемые или не достигшие возраста уголовной ответственности), по поводу недопущения совершения им общественно опасного деяния. Третья группа общественных отношений возникает между государством и лицом, способным правомерно причинить вред охраняемым уголовным законом интересам, по поводу реализации им права на вынужденное причинение вреда. Четвертая группа общественных отношений возникает между государством и гражданином, совершившим преступление, по поводу привлечения его к уголовной ответственности. Пятая группа общественных отношений возникает по поводу применения мер социальной защиты общества между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, или несовершеннолетним лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасное деяние. Шестая группа общественных отношений возникает между государством и лицом, правомерно причинившим вред охраняемым уголовным законом интересам, по поводу подтверждения правомерности реализации им права на вынужденное причинение вреда и исключения для него уголовной ответственности [13, с. 77–81]. Все эти шесть видов общественных отношений будут становиться уголовно-правовыми отношениями после того, как будут определены соответственно шесть видов уголовно-правовых норм.

Резюмируя проведенный анализ проблемных аспектов содержательного наполнения уголовно-правовых норм, необходимо акцентировать, что ключевым фактором, детерминирующим стагнацию указанных шести видов общественных отношений, выступает системная дефицитарность уголовно-правового регулирования, проявляющаяся в отсутствии специализированных нормативных комплексов соответствующего содержания. Выходом из этой ситуации, как мы раньше отмечали

в своей монографии, является оформление совокупности данных уголовно-правовых норм в соответствующих относительно самостоятельных уголовно-правовых комплексах — подотраслях российского уголовного права. При этом следует выделять как минимум пять подотраслей уголовного права. Среди них уголовно-преступное право, уголовно-охранительное право (или право социальной защиты общества), уголовно-проступковое право, уголовно-корпоративное право, уголовно-разрешительное (или уголовно-исключительное) право. Каждая из этих подотраслей уголовного права, имея относительную самостоятельность в рамках уголовного права, может учитывать все особенности отдельных уголовно-правовых норм, не противореча основным положениям уголовного права [14, с. 21, 22].

В последствии В. В. Кожевников в рецензии на данную монографию отметил, что В. В. Бабурин в монографии «Система современного уголовного права» обосновал в науке уголовного права необходимость выделения в системе современного уголовного права пяти подотраслей права, подчеркивая, что взгляды В. В. Бабурина о необходимости выделения подотраслей уголовного права имеют общеправовое, общетеоретическое обоснование [15, с. 143–148]. Так, известный ученый-теоретик права В. М. Сырых полагает, что «в крупных и сложных по своему составу отраслях права имеется еще один компонент — подотрасль права — целостное образование, которым регламентируется специфический вид отношений в пределах сферы правового регулирования соответствующей отрасли права... Имеются подотрасли права в административном, уголовном и других отраслях права» [16, с. 257–291].

Подводя итог, следует отметить, что содержание уголовно-правовых норм требует кардинального совершенствования с учетом содержания всех видов фактических общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовом регулировании, с учетом общеправовых и общетеоретических основ регулирования общественных отношений.

Список источников

1. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. 2-е изд., пересм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.
2. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007.
3. Хабаров А. В. Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие. Тюмень, 2008.
4. Звечаровский И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность: учебник. М.: Проспект, 2022.

5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. Т. 1.
6. Егоров Н. Д. Вопросы правового регулирования отношений собственности // Труды по гражданскому праву / под ред. А. А. Иванова. М., 2003.
7. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть: учебное пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003.
8. Филипова И. А. Особенности правового регулирования труда по законодательству России и Франции. Сравнительно-правовое исследование: монография. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016.
9. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.
10. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М. НОРМА, 1997.
11. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А. В. Наумова. М., 1994.
12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В. В. Бабурин [и др.]; под ред. Р. Д. Шарапова. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013.
13. Бабурин В. В., Нечепуренко А. А. Уголовно-правовое деяние: понятие и значение для характеристики предмета и метода российского уголовного права // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4 (36). С. 77–81.
14. Бабурин В. В. Система современного уголовного права: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2015.
15. Кожевников В. В. Система современного уголовного права // Современное право. 2019. № 2. С. 143–148.
16. Проблемы теории государства и права: учебник / В. М. Сырых [и др.]; под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008.

References

1. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie / otv. red. R. V. Shagieva. 2-e izd., peresm. M.: Norma: INFRA-M, 2024.
2. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / pod red. V. V. Lazareva. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist», 2007.
3. Habarov A. V. Aktual'nye problemy ugodovnogogo prava: uchebnoe posobie. Tyumen', 2008.
4. Zvecharovskij I. E. Rossijskoe ugodovnoe pravo: zakon, prestuplenie, otvetstvennost': uchebnik. M.: Prospekt, 2022.
5. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. / pod red. A. P. Sergeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2020. T. 1.
6. Egorov N. D. Voprosy pravovogo regulirovaniya otnoshenij sobstvennosti // Trudy po grazhdanskomu pravu / pod red. A. A. Ivanova. M., 2003.
7. Ugodovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshchaya chast': uchebnoe posobie / pod red. i s predisl. I. D. Kozochkina. M.: Omega-L, Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A. S. Griboedova, 2003.
8. Filipova I. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda po zakonodatel'stvu Rossii i Francii. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2016.
9. Filimonov V. D. Norma ugodovnogogo prava. SPb., 2004.
10. Ugodovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov. M.: INFRA-M. NORMA, 1997.
11. Rossijskoe ugodovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. A. V. Naumova. M., 1994.
12. Ugodovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik / V. V. Baburin [i dr.]; pod red. R. D. Sharapova. Tyumen': TPK MVD Rossii, 2013.
13. Baburin V. V., Nечepurenko A. A. Ugodovno-pravovoe deyanie: ponyatie i znachenie dlya harakteristiki predmeta i metoda rossijskogo ugodovnogogo prava // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 4 (36). S. 77–81.
14. Baburin V. V. Sistema sovremennogo ugodovnogogo prava: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2015.
15. Kozhevnikov V. V. Sistema sovremennogo ugodovnogogo prava // Sovremennoe pravo. 2019. № 2. S. 143–148.

16. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / V. M. Syryh [i dr.]; pod red. V. M. Syryh. M.: Eksmo, 2008.

Информация об авторе

В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. V. Baburin — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 24–30.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 24–30.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Виктор Николаевич Борков¹, Сергей Евгеньевич Суверов²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, borkovv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Аннотация. В статье анализируется содержание такого общеправового принципа, как принцип справедливости и его конкретное отражение в уголовном законе России. Делается акцент не только на легальном определении, содержащемся в нормах права, но и фактическом воплощении в правоприменительной деятельности. Исследуется проявление данного принципа в рассматриваемой отрасли права посредством реализации юридической ответственности и ее восприятия субъектами правоотношений: установление уголовно-правового запрета или отказ от такового (криминализация/декриминализация); закрепление юридических последствий лица, совершившего преступление (в т. ч. пенализация/депенализация); фактическая реализация норм с учетом усмотрения правоприменителя; восприятие итогового юридического решения со стороны потерпевших, общества и лиц, совершивших преступления, как соразмерного содеянному. Предлагаются пути изменения уголовного закона, соответствующие теоретико-правовому пониманию принципа справедливости.

Ключевые слова: принципы права, справедливость, уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, соразмерность

Для цитирования: Борков В. Н., Суверов С. Е. Теоретико-правовые аспекты принципа справедливости при применении мер уголовно-правового воздействия // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 24–30.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE APPLICATION OF CRIMINAL LAW MEASURES

Viktor N. Borkov¹, Sergey E. Suverov²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, borkovv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Abstract. The article analyzes the content of the general legal principle of justice and its specific reflection in the criminal law of Russia. The focus is not only on the legal definition contained in the norms of law, but also on its actual implementation in law enforcement activities. The manifestation of this principle in the field of law under consideration is examined through the implementation of legal responsibility and its perception by legal entities: the establishment of a criminal prohibition or the refusal to do so (criminalization/decriminalization); the establishment of legal consequences for a person who has committed a crime (including penalization/depenalization); the actual implementation of norms, taking into account the discretion of the law enforcement officer; and the perception of the final legal decision by victims, society, and individuals who have committed crimes as being proportionate to the crime committed. The article proposes ways to amend the criminal law in accordance with the theoretical and legal understanding of the principle of justice.

Keywords: principles of law, justice, criminal policy, criminal law impact, proportionality

For citation: Borkov V. N., Suverov S. E. Theoretical and legal aspects of the principle of justice in the application of criminal law measures. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:24–30 (In Russ.).

© Борков В. Н., Суверов С. Е., 2025

Постоянные трансформации в жизни общества, связанные с разнообразными причинами, отражаются и в содержании правовых норм. Данный тезис применим к уголовному закону. Классическая модель реагирования на факт преступного посягательства (совершение лицом преступления — применение к нему наказания) утратила свою актуальность, поскольку гуманизация и демократизация социума позволили установить альтернативные модели реагирования на уголовно-правовой конфликт.

Первым и значимым шагом на пути к этому стало отделение сфер уголовной ответственности от наказания как общего и частного, что выразилось в формулировании видения позитивной и негативной уголовной ответственности и дальнейшем изменении норм права.

В современном уголовном законе России они представлены в достаточно широком виде: признание совершенного лицом деяния малозначительным; применение условного осуждения; освобождение лица от уголовной ответственности или наказания по различным основаниям; применение иных мер уголовно-правового характера, что усложняет процесс их систематизации и выстраивания в едином видении. При этом перечень мер уголовно-правового воздействия увеличивается [1, с. 11]. Изложенное обусловило необходимость осмысления такого явления, как уголовно-правовое воздействие: его содержания, целей, моментов начала и окончания, значения для уголовной политики государства. Данные проблемы не утрачивают своей актуальности и по сей день, вызывая дискуссию в научной среде [2, с. 255].

Вместе с тем очевидно, что построение непротиворечивого и понятного законодательства требует использования базовых положений, в векторе которых должны происходить его дальнейшие трансформации. В юридической науке под такими основополагающими идеями понимают принципы права, которые могут быть общими, межотраслевыми и отраслевыми (хотя в доктрине представлены и иные подходы к их классификации) [3, с. 41].

Особое значение в жизни любого общества имеет воплощение принципа справедливости в применяемых к его членам нормах права. Как отмечал И. А. Ильин, «справедливость драгоценна и необходима в жизни народа...» [4, с. 243], это приводит нас к заключению о том, что граждане объединяются в государство в поиске справедливости. Обратим внимание на то, что «современное философско-правовое понимание справедливости невозможно без ее взаимосвязи с правами челове-

ка. При этом права человека необходимо рассматривать как феномен, имеющий не только юридические, но и нравственные, социокультурные характеристики и выражающий общие условия, при которых в правовом сознании и деятельности может быть реализована идея справедливости» [5, с. 456]. Следовательно, невозможно переоценить значимость принципа справедливости для отечественного законодательства в современное время. Для многих граждан нашей страны именно он является мерилom эффективности деятельности органов власти, служит индикатором удовлетворенности от происходящего в социуме.

Сложно назвать иную сферу, где справедливость была бы настолько востребована, как в реализуемой государством уголовной политике. Интересы и мнение общества должны быть учтены не только при признании деяния преступным и его криминализации, но и при формировании системы уголовно-правового воздействия в целом. Безусловно, в юридической литературе представлены и иные принципы, не установленные в законе. В частности, говоря о законе уголовном, к такому можно отнести: принцип целесообразности, индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности, экономии уголовной репрессии и пр., которые имеют непосредственную взаимосвязь с принципом справедливости, однако в рамках настоящей статьи внимание будет уделено последнему.

Данный принцип прямо закреплен в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, в ч. 1 ст. 6 УК РФ установлено, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Часть 2 этой же статьи указывает на запрет привлечения лица к уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние. Вместе с тем полагаем, что данное видение содержания принципа справедливости является достаточно узким. Дело в том, что оно фактически сводится лишь к процессу выбора меры уголовно-правовых последствий для лица, совершившего преступление [6, с. 9]. Считаем, что существенным также является:

1. Сам процесс признания каких-либо деяний общественно опасными (криминализация) или же их исключение из сферы уголовного законодательства (декриминализация). Дело в том, что справедливым должно быть понимание того, в каком

случае к лицу, нарушившему закон, должны быть применены наиболее репрессивные меры воздействия (или же это является излишним). Например, исключение из уголовного закона ст. 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама», введение ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» и пр. [7, с. 17]. Стоит отметить, что общественная опасность — это ключевое явление для уголовного закона нашей страны, однако четких критериев, предопределяющих ее наличие или отсутствие таковой в каком-либо деянии, УК РФ не предусматривает. Хотя в доктрине уголовного права (особенно представителями ее классического направления) глубинно под ней понимается реальное причинение вреда общественным отношениям (потенциальная возможность наступления таких последствий), охраняемым нормами закона, что представляет опасность для личности, нормального функционирования общества и государства [8, с. 98], определение общественной опасности разнится. Оно может быть продиктовано политическими, религиозными, социальными, экономическими и иными причинами (например, наличие в УК РСФСР 1960 г. ст. 100 «Недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества»). В частности, как отмечает профессор Я. И. Гилинский, в настоящее время не предложены конкретные критерии общественной опасности, что создает трудности в ее «вычислении» [9, с. 229]. Следовательно, отсутствие четкого понимания основополагающих явлений также актуализирует вопрос о справедливости признания тех или иных деяний преступными с применением к виновным в их совершении лицам мер уголовно-правового воздействия.

2. Выбор конкретных правовых последствий (содержание санкции уголовно-правовой нормы), что отражается в процессах пенализации (усиления ответственности) и депенализации (снижения таковой). Однако данный вопрос является более сложным, поскольку правовые последствия совершения лицом общественно опасного деяния могут заключаться не только в привлечении его к уголовной ответственности, но и в применении мер уголовно-правового характера (вместе с наказанием или вместо него), освобождении от уголовной ответственности или наказания, снятии судимости [10, с. 183]. То есть речь идет о том, в каких случаях и насколько справедливым будет установление законодательной возможности не подвергать лицо полностью или частично неблагоприятным последствиям за ранее совершенное им деяние, в частности, это: усиление уголовной

ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, в т. ч. в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет); закрепление нового основания освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ); исключение такого обстоятельства, отягчающего наказание, как «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» и т. д. В том числе данная проблематика относится и к установлению самих видов наказаний: исключение возможности назначения смертной казни (при ее фактическом сохранении в уголовном законе), перевод конфискации имущества из вида наказания в иную меру уголовно-правового характера. Более того, вопрос о справедливости мер уголовно-правового воздействия связан с ограничениями правового статуса личности как судимого лица, так и лица, не имеющего судимости, но освобожденного от уголовной ответственности [11, с. 35] (в какой степени могут быть ограничены трудовые, семейные, избирательные и прочие права лица, на какой срок, что должно влиять на решение таких вопросов).

3. Конкретное правоприменительное воплощение мер уголовно-правового воздействия к лицу, которое совершило преступление. В данном случае речь идет о выборе конкретного вида наказания (использование только основного наказания либо дополнительного), его срока или размера (за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», применяется наказание в виде исправительных работ на срок до пяти лет или лишения свободы на тот же срок), решении вопроса об условном осуждении лица (ст. 73 УК РФ) или его условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и др.

В этой связи иллюстративным видится следующий пример. М., которая обвинялась в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ («Кража с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище»), была освобождена от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (у нее не возникло судимости, в ее отношении не было вынесено обвинительного приговора суда). Хотя ранее она уже семь раз привлекалась к уголовной ответственности и дважды освобождалась от нее, что указывает на стойкий криминальный образ жизни и в соотношении с ее личностью требует использования более серьезных мер ответственности [12, с. 160].

Именно поэтому не меньшее значение, чем осознание населением правильности криминализации тех или иных деяний, а также согласие с адекватной их оценкой в санкциях, имеет поддержка обществом практики исполнения назначенных наказаний. Случаи, когда лицо, ранее осужденное за тяжкое или особо тяжкое посягательство на личность или общественную безопасность, по прошествии незначительного времени оказывается рядом с потерпевшим или его родственниками, могут не только создать угрозу для последних, вызывать у них чувства обиды и несправедливости, но и стать причиной расправы в отношении преступника (самосуд).

4. Восприятие итоговых последствий реализации уголовного закона потерпевшими и обществом как справедливых. По мнению А. В. Сумачева, «...восстановление социальной справедливости с позиций удовлетворения чувств и страстей пострадавшей стороны во имя сохранения общего порядка является насущной и нерешенной проблемой действующего правоприменения» [13, с. 228]. Несмотря на то что восстановление социальной справедливости является целью наказания, а оно следует не во всех случаях, когда лицо совершает преступление (о чем мы высказывались ранее), реакция государства на преступление не может ограничиваться карой для лица, его совершившего, поскольку важно защитить потерпевшего как от повторения аналогичного посягательства в будущем, так и от ощущения несправедливости меры и характера осуществляемого воздействия на преступника. Негативная оценка конкретным потерпевшим и обществом оказываемого государством уголовно-правового воздействия может иметь место при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и наказания, а также если характер назначенного наказания не способствует достижению законных целей.

Так, в Конституционный Суд Российской Федерации обратились гр. О. А. Балукова и гр. Ю. М. Чернигина. Первая являлась потерпевшей от угрозы убийства (ст. 119 УК РФ), вторая — от истязания (ст. 117 УК РФ). По мнению заявителей, ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы» в меньшей мере, чем ст. 105.1 УПК РФ (это мера пресечения, избираемая в отношении подозреваемого, обвиняемого в момент производства предварительного расследования), обеспечивает защиту прав потерпевших на личную неприкосновенность. Если в рамках меры пресечения обвиняемому «...были установлены запреты находиться в определенных местах, в том числе ее прожива-

ния и работы, а также ближе 500 метров до указанных объектов, общаться с ней, включая общение при помощи средств связи и через интернет, направлять в ее адрес почтово-телеграфные и иные отправления...», то к осужденному не были применены подобные ограничения, т. е. назначенное лицу наказание не обеспечивало безопасности для потерпевших. Ранее заявительницы обращались в Верховный Суд РФ, однако он указал, что в содержании данного вида наказания («Ограничение свободы») не содержатся такие ограничения для осужденных, на которые они ссылаются.

В своей правовой позиции Конституционный Суд РФ изложил, что «...если сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, то такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании, с тем чтобы суд мог выбирать в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания, его вид и конкретное содержание в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Следовательно, ограничения, составляющие содержание ограничения свободы как вида наказания, призваны быть и элементами санкции за преступление, и гарантиями предупреждения повторного посягательства на права потерпевших»¹. Как мы можем с вами наблюдать, по мнению потерпевших лиц, определенные виды наказаний по своему содержанию являются несправедливыми относительно обеспечения безопасности жертв преступлений.

В этой связи верными видятся замечания Т. В. Стукаловой и Е. А. Гасилиной о том, что «правовой институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства должен действовать не только во время производства по уголовному делу и не только во время исполнения приговора или иного судебного решения по уголовному делу, но и после исполнения такого реше-

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. А. Балуковой и Ю. М. Чернигиной [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2024 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ния (когда осужденный уже отбудет наказание)» [14, с. 290–291].

Аналогичные рассуждения касаются и справедливости назначаемых мер уголовно-правового воздействия для виновного лица. В частности, осужденному Б. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в особо крупном размере) и п. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство одного лица из корыстных побуждений и еще двух лиц с целью сокрытия ранее совершенного преступления), было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима. Данный приговор Б. посчитал несправедливым, он просил существенно его смягчить, аргументируя это тем, что суд оставил без внимания «объем пользы для органов правопорядка, принесенной осужденным, экономию сил и средств, к которой привело его активное сотрудничество со следствием». Однако согласно позиции суда первой инстанции, Б. представляет «исключительную опасность для общества», с чем согласился вышестоящий суд, указав на то, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений и не может свидетельствовать о необходимости смягчения назначенного ему наказания¹.

Видится, что среди всех четырех обозначенных нами сфер реализации принципа справедливости в уголовной политике именно значение мнения потерпевших от преступления лиц вызывает наибольшее количество вопросов. Дело в том, что применяемый к виновному лицу арсенал средств уголовно-правового воздействия определяется уполномоченными государственными органами, а не частными лицами. С другой стороны, основной задачей УК РФ является охрана прав и свобод человека и гражданина, поэтому отношение потерпевших к итоговым уголовно-правовым мерам в отношении преступника, признание их справедливости все же имеют значение.

Действительно, в легальном уголовно-правовом определении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) нет места отношению потерпевшего к оказываемому на преступника воздействию. Между тем, «как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия, а следовательно, государство обязано способствовать устранению нарушений прав потерпевшего от преступления... которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда... непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод... означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, а также должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности»².

Таким образом, именно принцип справедливости в его общеправовом и теоретическом понимании остается тем базовым началом, на котором должны строиться как законодательное регулирование процессов противодействия преступности, так и практическая реализация уголовно-правовых норм. При оценке его воплощения в уголовном законе необходимо исходить не только из факта применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, мер уголовно-правового воздействия, но и учитывать восприятие субъектов уголовных правоотношений с точки зрения соразмерности и достаточности реализации юридической ответственности (или же отсутствия таковой). Считаем, что приближению к основному теоретическому постулату может способствовать как более расширительное понимание принципа справедливости в затронутой отрасли права, так и движение к его неукоснительному соблюдению во всем отечественном законодательстве.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2018 г. № 81-АПУ18-3 // Юридическая информационная система «Легалект — законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 01.06.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мещерякова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1178-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.
2. Бархатова Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации // Пенитенциарная наука. 2022. № 3. С. 254–262.
3. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 35–48.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. 496 с.
5. Оботурова Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 4. С. 456–461.
6. Антонов А. Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 8–10.
7. Кузнецов А. П. Криминализация — декриминализация, пенализация — депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 16–18.
8. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.
9. Гишинский Я. И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3. С. 227–231.
10. Суверов С. Е. Соответствие норм института освобождения от уголовной ответственности принципу справедливости // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцать третьей Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2025. С. 182–184.
11. Нечепуренко А. А. Меры безопасности, применяемые к лицам, совершившим преступления // Вопросы правовой теории и практики: сборник научных трудов. Омск: Омская академия МВД России, 2021. Вып. 15. С. 31–39.
12. Фризен П. Д., Суверов С. Е. Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 157–163.
13. Сумачев А. В. Восстановление социальной справедливости (теоретико-практический аспект) // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт): сборник мат-лов Международной научно-практ. конф-ции. Благовещенск, 2023. С. 223–229.
14. Стукалова Т. В., Гасилина Е. А. Актуальные проблемы уголовно-процессуальных и организационных гарантий мер безопасности в отношении потерпевших по уголовным делам // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: сборник мат-лов Всероссийской научно-практ. конф-ции. Казань, 2022. С. 285–292.

Reference

1. Bavsun M. V. Ugolovno-pravovoe vozdejstvie: ideologiya, celi i sredstva realizacii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2013. 39 s.
2. Barhatova E. N. Ugolovno-pravovoe vozdejstvie: osobennosti, formy, voprosy realizacii // Penitenciarnaya nauka. 2022. № 3. S. 254–262.
3. Voplenko N. N., Rudkovskij V. A. Ponyatie i klassifikaciya principov prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 35–48.
4. Il'in I. A. Sobranie sochinenij: v 10 t. M., 1993. T. 2. Kn. 1. 496 s.
5. Oboturova N. S. Ideya spravedlivosti v filosofskom ponimanii prava: istoriya i sovremennye konteksty // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13. № 4. S. 456–461.
6. Antonov A. G. K voprosu o sodержanii principa spravedlivosti v ugolovnom prave // Ugolovnaya yusticiya. 2020. № 15. S. 8–10.
7. Kuznecov A. P. Kriminalizaciya — dekriminalizaciya, penalizaciya — depenalizaciya kak sodержanie ugolovnoj politiki // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 16–18.

8. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah / sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo. M.: Infra-M, 2004. 184 s.
9. Gilinskij Ya. I. V tupike li kriminologiya postmoderna? // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 3. S. 227–231.
10. Suverov S. E. Sootvetstvie norm instituta osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti principu spravedlivosti // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly dvadcat' tret'ej Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2025. S. 182–184.
11. Nechepurenko A. A. Mery bezopasnosti, primenyaemye k licam, sovershivshim prestupleniya // Voprosy pravovoj teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. Vyp. 15. S. 31–39.
12. Frizen P. D., Suverov S. E. Podhody k ponimaniyu uslovij osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti (na osnove analiza sudebno-sledstvennoj praktiki primeneniya statej 76 i 76.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1. S. 157–163.
13. Sumachev A. V. Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti (teoretiko-prakticheskij aspekt) // Celi nakazaniya: ugovnyye, ugovno-ispolnitel'nye, kriminologicheskie i inye aspekty (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt): sbornik mat-lov Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Blagoveshchensk, 2023. S. 223–229.
14. Stukalova T. V., Gasilina E. A. Aktual'nye problemy ugovno-processual'nyh i organizacionnyh garantij mer bezopasnosti v otnoshenii poterpevshih po ugovnym delam // Pravootnoshenie: teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya: sbornik mat-lov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. Kazan', 2022. S. 285–292.

Информация об авторах

В. Н. Борков — доктор юридических наук, профессор.

С. Е. Суверов — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. N. Borkov — Doctor of Science (Law), Professor.

S. E. Suverov — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 31–36.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 31–36.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 28(57)(470):94

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сергей Владимирович Моисеев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, moiseev-tpg@rambler.ru

Аннотация. Автор проводит анализ причин и особенностей распространения и утверждения ислама в государственных образованиях Центральной Азии и соприкасавшихся с ними территорий Российского государства, а также роли и места этой религии в процессе развития государственно-социальных институтов. Функции религии, выводимые на основе распространения и взаимодействия с обществом в рассматриваемые исторические периоды, предоставляют возможность наиболее полно понять степень, характер и особенности воздействия ислама. Не зная в полной мере прошлого религии, невозможно представить ее действительное положение.

Ключевые слова: ислам, государство, законы, религия, панисламизм, социальные функции религии, мусульмане, Центральная Азия, Арабский халифат, Российская империя

Для цитирования: Моисеев С. В. Особенности распространения ислама на территории Центральной Азии и Российского государства в дореволюционный период: историко-теоретические аспекты // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 31–36.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE SPREAD OF ISLAM IN THE TERRITORY OF CENTRAL ASIA AND THE RUSSIAN STATE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS

Sergey V. Moiseev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, moiseev-tpg@rambler.ru

Abstract. The author analyzes the causes and features of the spread and establishment of Islam in the state formations of Central Asia and the territories of the Russian state adjacent to them, as well as the role and place of this religion in the process of development of state and social institutions. The functions of religion, derived from the spread and interaction with society and made up, in the historical periods under consideration, provide an opportunity to most fully understand the degree, nature and features of the influence of Islam. Without fully understanding the past of religion, it is impossible to fully understand its actual position.

Keywords: Islam, state, laws, religion, pan-Islamism, social functions of religion, Muslims, Central Asia, Arab caliphate, the Russian Empire

For citation: Moiseev S. V. Features of the spread of Islam in the territory of Central Asia and the Russian state in the pre-revolutionary period: historical and theoretical aspects. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2025;3:31–36 (In Russ.).

В ноябре 1095 г. во французском городе Клермоне проходил собор католического духовенства, который призывал к крестовому походу на Восток. Папа Урбан II в качестве причин этого вторжения обозначил, что «народ персидского царства иноземное племя чуждое богу, народ упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный богу духом своим, вторгся в земли христиан, опустошил их мечом, грабежами, огнем, самих же частью увел в свой край, частью же погубил постыдным умерщвлением, а церкви срыл либо до основания, либо приспособил для своих обрядов. Они опрокидывают алтари, оскверняя их своими испражнениями, обрезают христиан и обрезанные части кидают в алтари или крещалия» [1, с. 17]. Глава католической церкви призвал европейских рыцарей выступить в поход для защиты христиан: «Становитесь на защиту святого гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите её себе» [1, с. 17].

Этот собор положил начало крестовым походам феодалов и рыцарей из Западной Европы, которые продолжались около двух столетий и охватили территорию Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта [1, с. 17].

Социально-историческая обусловленность этих войн, их связь с внутренними противоречиями были очевидны. Главным аргументом организаторов крестовых походов выступало Положение о поругании язычниками святынь и о преследованиях и убийствах паломников, направлявшихся в Иерусалим.

Фома Аквинский, один из самых умеренных, но прогрессивных религиозных мыслителей XIII в., предполагал, что распространение ислама являлось во многом ответом на действия католической церкви [2]. При этом он придерживался точки зрения о необходимости таких действий, т. к. мусульмане крайне агрессивно вели себя по отношению к христианам. Неоднозначно высказывался по отношению к исламу Данте, который в «Божественной комедии» отвел место пророку Мухаммеду в аду среди раскольников. Так, постепенно в Западной Европе сформировалась точка зрения о насильственном насаждении ислама, которая закрепились на века.

В 639 г. арабы захватили часть территории нынешнего Азербайджана, в 642 г. воины халифата вторглись в пределы Дагестана и взяли Дербент. С этого времени начался новый этап арабских завоеваний, продолжавшийся около 100 лет. Далее последовали набеги арабов на Мавераннахр и на земли Средней Азии, находившиеся за рекой Амударья. В 674 г. арабы вторглись в окрестности Бу-

хары [3]. В 676 г. арабские войска подошли к Бухаре, где получили от правительницы значительную контрибуцию, взяли в плен группу заложников из молодежи знатных семей, которых увезли в Аравию и сделали рабами. В 716 г. Мавераннахр был окончательно покорен арабами.

Ряд советских специалистов пришел к выводу, что именно с этого времени началось распространение ислама на окраинах территории будущего Русского государства. Однако стоит обозначить, что значительную часть арабских войск составляли бедуины, которые не знали нового вероучения Мухаммеда. Более того, Мухаммед им не доверял и использовал их в качестве ударной боевой силы, задействуя их воинственность и выносливость.

После одного из сражений, которое окончилось победой арабов, халиф Омар приказал разделить захваченные трофеи между воинами в зависимости от знания Корана, из всех воинов только один смог произнести «Во имя бога милостивого, милосердного».

Ко времени завоевания Византии и Персии не было завершено составление Корана и только после завоевания Средней Азии возникли и были образованы мазхабы (школы), которые положили начало распространению ислама среди населения захваченных территорий. Только после завоевания арабами Средней Азии сформировались четыре ортодоксальные правовые направления и начала разрабатываться собственная теология ислама. До VIII в. арабы шли на завоевания без идеи насаждения религии, которую они исповедовали.

Так, при завоевании новых территорий арабы придерживались определенной тактики. Перед тем как осуществить вторжение в ту или иную страну, они предлагали свои условия, и если противная сторона их принимала, то дальнейшее развитие ситуации не доходило до вооруженного конфликта. В случае отказа начинались военные действия, при этом местное население или частично истреблялось, или обращалось в рабов, или облагалось непомерными налогами.

В случае заключения мирного договора земли сохранялись за местным правителем при условии выплаты значительной дани, предусматривалось политическое подчинение захватчикам, за населением сохранялась религия, традиции и обычаи, гарантировалась личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища и имущества, невмешательство во внутренние дела, дела веры и гарантировалась защита от нападения со стороны соседних государств. Так, по договору с правителем Хорезма арабы получили 100 тысяч рабов и столько

же кусков ткани, с Мервом был заключен договор на миллион драхм. Таким образом, главным стимулом для завоевателей на этом этапе являлось не распространение веры, а возможность приобретения богатства [4].

Добыча, захваченная на войне, делилась следующим образом: пятая часть сдавалась в казну, остальное делилось между воинами с учетом того, что всадник получал в три раза больше, чем пехотинец. Кроме того, воины получали часть натуральных податей, предоставляемых населением покоренных территорий, а также получали выплаты из казны. В 641 г. халиф Омар установил особо отличившимся постоянное содержание.

Главная причина в быстром завоевании Мавераннахра и территорий Средней Азии заключалась в политической раздробленности стран, оказавшихся в поле вторжения и в наличии многочисленных междоусобиц мелких государств, что было умело использовано арабами. Завоеватели также воспользовались противоречиями между тюркскими кочевниками и оседлым населением Средней Азии.

После военного покорения местных народов арабы начинали идеологическую интервенцию. Существовавшие верования объявлялись ложными, принявших ислам местных жителей освобождали от уплаты подушного налога. Кроме того, практиковалось переселение арабов на завоеванные территории.

Распространяя ислам на захваченных территориях, арабы утверждались не столько в религиозном, сколько в политическом плане [5]. Военные победы, которые одерживали арабы над заведомо слабыми противниками, в условиях экономических и социальных противоречий способствовали распространению ислама, в т. ч. благодаря психологическому эффекту, производимому действиями захватчиков. У покоренного населения создавалось впечатление, что военным победам арабов способствовала поддержка неких высших сил. Арабы в завоеванных странах захватывали храмы и их имущество, которые затем превращали в мечети, местное население из страха быть подверженным наказаниям, вынуждено было принимать ислам.

Таким образом, ислам был привнесен извне и явился результатом арабской экспансии. Однако достаточно ли изложенного для объяснения того, как ислам, являвшийся идеологией арабского общества начала VII в., вытеснил традиционные верования и стал господствующей религией, оказав мощное воздействие на культуру и историю народов, его принявших? Так, в истории достаточно примеров, когда насильственное распространение

религии не приводило к успеху, при этом происходила деформация или искажение проповедуемого вероучения. В частности, бесплодными оказались попытки христианизации народов Севера и Алтая Российского государства [6]. Несмотря на активную миссионерскую деятельность Русской православной церкви и усилия местных органов царской администрации, христианизация оказалась формальной и почти никакого влияния на сознание населения не произвела. Провалом закончилась и предпринимавшаяся попытка в XIX в. обратить в православие казахов [1, с. 22, 24–32, 517]. История обращения в православие татар, которая началась в 1555 г., несмотря на применение административных мер и миссионерскую деятельность, привела к тому, что к 1729 г. в Российском государстве насчитывалось всего 30 000 крещеных татар [7]. При этом большинство из них не меняли образа жизни, придерживались православия только под страхом наказания и при первой же возможности вновь переходили в ислам. Власти Российской империи прилагали много усилий для христианизации татар. В определенные исторические периоды применялись крайне жесткие меры, включая смертную казнь, в отношении тех, кто агитировал за сохранение старой веры. Отказывавшихся от православия татар переселяли и отправляли в монастыри, отдавали под суд, ссылали на каторгу в Сибирь. Одновременно предоставлялись определенные льготы крестившимся в виде отсрочки от выплаты долгов и освобождения от рекрутской повинности. Со временем царское правительство было вынуждено отказаться от радикальных методов в насаждении христианства и перешло к гибкой тактике, стараясь удержать крестившихся в рамках православной церкви. Так, в отношении новокрещеных татар, стремившихся вернуться в ислам, применялись миссионерские методы, когда в роли пропагандистов использовались специалисты, знающие местные обычаи и традиции, распространялись книги о православии, переведенные на татарский язык. Особое внимание уделялось деятельности священников, учителей, вышедших из местного населения [8]. Однако цели так достичь и не удалось. К началу XX в. количество татар, принявших православие, составляло незначительное количество по сравнению с числом татар-мусульман.

Войны, сопровождавшиеся захватом обширных территорий, покорением десятков разноразличных племен и народов, безусловно, сыграли значительную роль в распространении ислама, иногда даже являлись определяющим фактором, т. к.

религия мусульман первоначально не знала индивидуального миссионерства и насаждалась путем завоеваний, а границы владений мусульман совпадали с религиозными границами.

Не следует также придавать особое внимание экономическому фактору. Освобождение немусульман арабами от уплаты джизьи (подушной подати с иноверцев) имело неоднозначный характер. Ни одна из арабских династий не проявляла последовательности в данном вопросе, т. к. это противоречило необходимости пополнения государственной казны в целом и интересам наместников захваченных территорий в частности. В первую очередь, арабы освобождали от уплаты налогов и сборов население, которое проживало у горных проходов, имевших военное значение, а также на окраинах халифата, находившихся под постоянной угрозой вторжения враждебных стран и племен, т. к. оно выполняло функции пограничной охраны. Так, например, на прилегающих к халифату территориях Армении, игравшей важную стратегическую роль в противостоянии с Византией и хазарами, от налогов были освобождены церковь и христианское духовенство [1, с. 24, 131, 196–197].

Отрицание значения военного фактора в распространении ислама не имеет под собой серьезных оснований. Войны, которые вел Арабский халифат, существенно сказались на общественном развитии населения захваченных территорий, на расстановке политических сил, оказали влияние на развитие государственно-правовых институтов и придали им новое содержание. По нашему мнению, главную причину утверждения ислама в Центральной Азии и России следует искать в уровне развития новых ареалов его распространения, в состоянии их производительных сил, обострении социальных противоречий и имущественной дифференциации, проходивших накануне этого процесса.

Ислам, как и иные религии, являлся надстройкой системой. Это означает, что генезис и содержание, а также изменение религиозного сознания общества определялись в том числе социально-экономическими условиями его существования и внутренней культуры. Существуют различные точки зрения, высказанные исследователями данного вопроса в разное время. Приведем две из них. Согласно одной, возникновение ислама было связано с реакцией, охватившей арабское общество в ответ на острый кризис, вызванный разложением родо-племенных отношений, подрывом соответствующих им морально-этических и религиозных норм (политеистических и фетишистских), представлений и начавшимся складыванием

раннеклассового общества [1, с. 25]. Таким образом, ислам с самого начала был религией раннефеодальных отношений, своеобразной идеологией арабского феодального общества.

Согласно другой точке зрения, ислам возник в результате разложения патриархально-родовых отношений и формирования в Южной Аравии рабовладельческого общества, и только после завоевания обширных территорий эта религия трансформировалась в религию арабского общества. Однако общество халифата в XII в. было уже в достаточной степени феодализировано, но при этом сохранялся рабовладельческий уклад, и завоевание арабами Средней Азии, Хорасана и Мавераннахра велось военно-феодальной знатью, сохранявшей ещё элементы кочевого быта, и накладывало свойственные такого типа обществам отношения на формирование местного феодализировавшегося социума, изменяя и ускоряя тем самым темпы его развития. У арабов в этот исторический период господствовала частная собственность на скот и общинная собственность на пастбища и водоёмы, а у оседлых народов Средней Азии происходило интенсивное разложение общинно-родового строя и устанавливалась частная собственность на обрабатываемые земли и источники воды. Так, в земледельческих районах этот процесс приобретал характер феодализации. Для кочевых племен образование мусульманского государства привело к оседанию номадов на землю в ходе успешных завоеваний. В Средней Азии феодальные институты только начинали вступать в период формирования новых общественных отношений.

В Бугарии в конце IX — начале X в. часть населения исповедовала ислам, в поселениях были мечети, и принятие ислама населением содействовало укреплению феодальных отношений. На территорию современной Башкирии ислам начал проникать в X–XII вв., а ко второй половине XIV в. мусульманская религия была уже довольно прочно воспринята местной феодальной знатью. Вторжение арабов в Дагестан и исламизация местного населения начались со второй половины VII в. На территорию современной Кабардино-Балкарии ислам проник в XIV в., кабардинские и адыгейские князья присягали русскому правителю по своей вере и мусульманскому обычаю. Развитие феодальных отношений в Чечне происходило в XVI–XIX вв., и в течение этого же длительного времени утверждался ислам в различных местностях и поселениях.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что государственно-историческое развитие обществ, происходившее независимо от арабского

вторжения, но сходное с ним, привело к принятию ислама в качестве господствующей идеологии и послужило фактором, определившим перенос на их социум. В результате арабских завоеваний в Средней Азии возникло централизованное государство во главе с наместником халифа, но аппарат государственного управления оставался без изменений. Управление государственными образованиями осуществлялось арабами с помощью местных чиновников, что было вызвано желанием захватчиков не только парализовать стремление местной аристократии к независимости, но и опираться на нее в случае восстаний.

Социальная дифференциация, начавшаяся ещё до прихода арабов, продолжала углубляться. Феодалы, сумевшие при завоевателях сохранить все свои привилегии, собирали в пользу наместников харадж и джизью с населения и при этом расширяли свои владения. Местные феодалы использовали возможность идеологически оправдывать свое превосходство и преимущественное положение в обществе. Так, именно представители знати первые принимали ислам и делали все возможное для его распространения.

Особую роль в распространении ислама играли города и богатые купцы, занимавшиеся междunarодной торговлей, в частности Бухары и Согда, являвшиеся важными посредниками в торговых операциях между Востоком и Западом и контролировавшие торговые операции между кочевниками и оседлым населением, в т. ч. на Великом шелковом пути. Торговля в Средней Азии велась со многими государствами и охватывала значительные территории, что, безусловно, способствовало распространению ислама.

Приход арабов, сопровождавшийся ликвидацией враждовавших между собой государств и устранением набегов кочевников, способствовал стабилизации жизни общества, особенно в городах. Образование централизованного государства ликвидировало зависимость купцов от правителей и создало благоприятные условия для развития торговли, способствовало расширению её географии. В итоге купцы сравнительно быстро приняли новую религию без сопротивления и стали её носителями и распространителями.

В средневековом среднеазиатском обществе низшие слои, зависящие от феодалов, составляли большую часть населения. К ним в первую очередь относились мелкие собственники земли. Они возделывали землю собственными орудиями труда, но главным, от чего зависела урожайность, — водой — они не владели. Воду необходимо было брать из канала, который принадлежал феодалу, государству или общине. Так, крестьяне оказались в зависимости от крупных земельных собственников. На первом этапе распространения ислама эти социальные слои видели в арабах своих освободителей. Тем более что арабы проводили свои завоевания под лозунгом равенства всех мусульман, освобождения от налогов и рабства. Идея равенства мусульман перед Аллахом воспринималась как возможность изменить свое состояние в обществе. Это обстоятельство во многом послужило причиной принятия ими новой религии.

Так, на первое место выходило религиозное достоинство. Достойным и уважаемым считался тот, кто просто исповедовал ислам, отличался благочестивым поведением, знал основы ислама и соблюдал все правила поведения, предписанные религией. Ислам был воспринят обществом прежде всего потому, что имелся спрос на идеологию, на идею, обусловленную общественным развитием.

Спустя несколько веков началось вторжение монголов. В результате этой военной экспансии более развитые, прогрессивные народы были покорены сравнительно отсталым государством. В итоге государственные образования Средней Азии и Русское государство «растворили» своих завоевателей. Развитость производительных сил, связи с другими странами, высокий уровень культуры привели к поглощению монгольской традиции и их ассимиляции, более того, часть монголов была исламизирована.

В период активного распространения ислама сама мусульманская цивилизация находилась в динамическом напряжении в стадии активного самопознания и самоидентификации, закономерным следствием чего стала интенсификация надкорпоративности сознания, передвижения от одной идеологической системы к другой, распространяемая на другие государства и народы.

Список источников

1. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984. 284 с.
2. Фома Аквинский. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/tsikl-zashhita-very/3> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Завоевание Средней Азии Арабским халифатом. URL: <https://histerl.ru/perekrestki-civilizacij/zavoevanie-srednej-azii-arabskim-xalifatom.htm> (дата обращения: 24.02.2025).

4. Абу Али Мухаммед ибн Мухаммед Балами. История Табари. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus17/Balami/text1.phtml?id=11829> (дата обращения: 04.03.2025).

5. Вагабов М. В. Арабская экспансия и трансформация ислама из национальной религии в мировую. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskaya-ekspansiya-i-transformatsiya-islama-iz-natsionalnoy-religii-v-mirovuyu> (дата обращения: 10.03.2025).

6. Николаев В. В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianizatsiya-korenogo-naseleniya-predgoriy-severnogo-altaya> (дата обращения: 10.03.2025).

7. Мами Хамамото. О христианизации служилых татар в первой половине XVII в. (по документам Российского государственного архива древних актов). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hristianizatsii-sluzhilyh-tatar-v-pervoy-pолоvine-xvii-v-po-dokumentam-rossiyskogo-gosudarstvennogo-arhiva-drevnih-aktov> (дата обращения: 12.03.2025).

8. Маликов Р. И. Миссионерская деятельность татарских мулл в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missionerskaya-deyatelnost-tatarskih-mull-v-srednem-povolzhie-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-hh-veka> (дата обращения: 13.03.2025).

9. Гаджиев Р. И. Первые походы арабов и начало распространения ислама на Восточном Кавказе: середина VII — первая половина VIII вв. URL: <https://www.dissercat.com/content/pervye-pokhody-arabov-i-nachalo-rasprostraneniya-islama-na-vostochnom-kavkaze-seredina-vii-p> (дата обращения: 14.03.2025).

References

1. Saidbaev T. S. Islam i obshchestvo. Opyt istoriko-sociologicheskogo issledovaniya. M., 1984. 284 s.

2. Foma Akvinskij. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/tsikl-zashhita-very/3> (data obrashcheniya: 21.02.2025).

3. Zavoevanie Srednej Azii Arabskim halifatom. URL: <https://histerl.ru/perekrestki-civilizacij/zavoevanie-srednej-azii-arabskim-xalifatom.htm> (data obrashcheniya: 24.02.2025).

4. Abu Ali Muhammed ibn Muhammed Balami. Istoriya Tabari. Srednevekove istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus17/Balami/text1.phtml?id=11829> (data obrashcheniya: 04.03.2025).

5. Vagabov M. V. Arabskaya ekspansiya i transformaciya islama iz nacional'noj religii v mirovuyu. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskaya-ekspansiya-i-transformatsiya-islama-iz-natsionalnoy-religii-v-mirovuyu> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

6. Nikolaev V. V. Hristianizaciya korenogo naseleniya predgorij Severnogo Altaya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianizatsiya-korenogo-naseleniya-predgoriy-severnogo-altaya> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

7. Mami Hamamoto. O hristianizacii sluzhilyh tatar v pervoj polovine XVII v. (po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hristianizatsii-sluzhilyh-tatar-v-pervoy-pолоvine-xvii-v-po-dokumentam-rossiyskogo-gosudarstvennogo-arhiva-drevnih-aktov> (data obrashcheniya: 12.03.2025).

8. Malikov R. I. Missionerskaya deyatelnost' tatarskih mull v Srednem Povolzh'e vo vtoroj polovine XIX — nachale HH veka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missionerskaya-deyatelnost-tatarskih-mull-v-srednem-povolzhie-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-hh-veka> (data obrashcheniya: 13.03.2025).

9. Gadzhiev R. I. Pervye pohody arabov i nachalo rasprostraneniya islama na Vostochnom Kavkaze: seredina VII — pervaya polovina VIII vv. URL: <https://www.dissercat.com/content/pervye-pokhody-arabov-i-nachalo-rasprostraneniya-islama-na-vostochnom-kavkaze-seredina-vii-p> (data obrashcheniya: 14.03.2025).

Информация об авторе

С. В. Моисеев — кандидат исторических, профессор.

Information about the author

S. V. Moiseev — Candidate of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 37–42.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 37–42.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7:340.1

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРИЗМЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Алевтина Викторовна Никулина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, alik-112@yandex.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что в современных реалиях права человека затрагивают все без исключения сферы общественной жизни, выступая одновременно ценностным ориентиром и юридическим инструментом для решения задач внутригосударственного и международного характера. Для того чтобы умело использовать данный инструмент, необходимо четко понимать, в чем заключается сущность прав человека. В этой связи автором проведен анализ понятия «права человека» через призму классических теорий правопонимания. В процессе анализа автор приходит к выводу о том, что история и теория юридической мысли пронизаны борьбой двух противоположных типов правопонимания: естественно-правового и позитивистского. При этом главной проблемой такого соперничества является игнорирование культурно-исторической и иных составляющих. Решение проблемы автор видит в симбиозе естественного и позитивного права, который потенциально может служить воплощением справедливости в законе на основе культурных и морально-нравственных устоев.

Ключевые слова: право, права человека, правопонимание, естественное право, естественно-правовая теория, благо, позитивистский подход, закон, философский подход, социологический подход

Для цитирования: Никулина А. В. Понятие прав человека в призме классических теорий правопонимания // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 37–42.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF CLASSICAL THEORIES
OF LEGAL UNDERSTANDING

Alevtina V. Nikulina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, alik-112@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the fact that in today's reality, human rights affect all areas of public life without exception, serving as both a value guideline and a legal tool for solving domestic and international issues. In order to use this tool effectively, it is crucial to have a clear understanding of the essence of human rights. Therefore, the author analyzes the concept of "human rights" through the lens of classical theories of legal understanding. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that the history and theory of legal thought are permeated with the struggle between two opposing types of legal understanding: natural law and positivism. However, the main problem of this rivalry is the disregard for cultural, historical, and other factors. The author suggests a solution to this problem through the symbiosis of natural and positive law, which could potentially serve as a means of achieving justice in law based on cultural and moral principles.

Keywords: law, human rights, legal understanding, natural law, benefit, positivist approach, philosophical approach, sociological approach

For citation: Nikulina A. V. Human rights in the light of classical theories of legal understanding. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:37–42 (In Russ.).

Проблемные вопросы, связанные с обеспечением прав человека, по-прежнему остаются актуальными не только в рамках правового поля, но и в иных сферах общественной жизни. На современном этапе развития социума права человека, несомненно, должны рассматриваться в качестве ценностного ориентира и юридического инструмента для решения как внутренних проблем государства, так и задач международного характера, закладывая вектор прогрессивного развития всего мирового сообщества.

В декабре 2024 г. исполнилось 76 лет со дня подписания Всеобщей декларации прав человека — документа, который имеет всеобъемлющий, созидательный потенциал во все времена и особенно в складывающихся реалиях, когда актуализируется проблема двойных стандартов и политизации прав человека со стороны стран коллективного Запада.

В таких существенно изменившихся социально-политических условиях встает вопрос о возврате к доктринальным положениям правовой теории и анализу накопленного знания с целью прояснения ряда спорных моментов, сохраняющихся в понимании прав человека как юридического явления и как стандарта человеческого достоинства.

Трактовка понятия «права человека» представляется весьма непростой задачей, что подтверждается разнообразием подходов, сложившихся в правовой доктрине. Права человека — это многогранная категория, одна из «вечных тем» социально-культурного развития человечества, которая выступает предметом исследования множества наук, поэтому пронизывается политико-правовым, религиозным, нравственным, философским наполнением [1, с. 14].

С точки зрения Л. И. Глухаревой, «...неопределённость в правах человека, как можно предположить, обязана многим обстоятельствам: антропологическим и ценностным истокам прав, их историческому генезису, социокультурным контекстам реализации, многовариантным способам формального и неформального выражения, сложной структуре построения, чертам и особенностям субъектов — носителей прав, интенсивному влиянию на них информационных, технологических и иных новшеств и т. п.» [2, с. 186].

В рамках настоящего исследования предлагается проанализировать понятие «права человека» через призму классических теорий правопонимания, поскольку в современных реалиях сложно говорить о праве, не затрагивая вопроса о правах человека, равно как и рассматривать права человека вне права.

Безусловно, право среди всех существующих регуляторов общественных отношений занимает особое место ввиду прямой связи с государством и обусловленной этим универсальной обязательности правовых норм. Как писал Г. Ф. Шершеневич, «только уяснение понятия о сущности права способно создать твердую почву под его ногами и предотвратить возможность прискорбных ошибок» [3, с. 17].

Вместе с тем, несмотря на многочисленные исследования, на сегодняшний момент не существует единого конструктивного определения права. Существуют сотни, возможно, и тысячи его определений, но среди них нет ни одной так называемой общепризнанной дефиниции, разделяемой всеми, кто изучает право [4, с. 195].

Многообразие существующих подходов к пониманию права обусловлено зависимостью результата правопонимания от множества факторов. В частности, на мнение ученого могут оказывать влияние исторические условия, в которых он жил и занимался научной деятельностью, его идеологическая позиция, философские, нравственные и религиозные взгляды. По мнению Л. И. Глухаревой, сложившийся плюрализм точек зрения обусловлен доминированием различных правовых теорий на определенных этапах общественного исторического развития [1, с. 14].

Первые идеи о том, что каждый человек по природе своей наделен некими правами, возникли еще в глубокой древности. Идеи естественных прав находят свое отражение в трудах Сократа, Платона, Аристотеля и других мыслителей Античности. Начиная со времен существования Древней Греции и Древнего Рима можно проследить то, как историческое развитие привнесло нечто принципиально новое в положение личности в обществе и дало толчок становлению гуманистических начал как в религии и философии, так и в праве.

Сама естественно-правовая теория права была заложена в работах Жан-Жака Руссо, Гуго Гроция, Джона Локка, которые считали права человека производными от естественного порядка вещей, от строя мироздания и природы человека как разумного существа, являющегося неотъемлемой частью миропорядка [5, с. 607].

Права человека рассматривались философами как неотъемлемые, не зависящие от его национальности, этнической принадлежности, пола, языка, религиозных взглядов и пр. Школа естественного права ставит человека в центр системы ценностей, а следовательно, ее можно охарактеризовать как персонцентристскую теорию, которая исходит из

приоритета личности перед обществом и государством. Права в этой модели понимаются как возможности человека, следующие из его самодеятельности [1, с. 17].

Таким образом, в сложившейся в тот период доктрине естественное право понималось как неписанный закон, эволюционирующий в соответствии с уровнем морального опыта и саморефлексии, а также социального опыта, которого способен достичь человек в различные эпохи исторического развития [6, с. 76].

В противовес теории естественного права в доктрине сформировался позитивистский подход (К. Бергбом, И. Бентам, Д. Остин, П. Лабанд, Г. Ф. Шершеневич), в рамках которого право рассматривается как продукт деятельности государства: лишь приказ официальной власти есть право. Такое легистское отождествление права и закона является принципом и смыслом «юридического позитивизма». Зачатки этого подхода находят свое отражение еще в трудах Н. Макиавелли, который предлагал выстроить сильное государство, опирающееся на хороший закон и хорошее войско [7].

Позитивистский подход к пониманию прав человека определяет их как юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами, ограниченные рамками закона. При этом основоположники и сторонники этого подхода ставят под сомнение существование естественных, неотчуждаемых прав человека, аргументируя свою позицию тем, что лишь государство способно «даровать» человеку права и определить их сущностное содержание [3].

Таким образом, история и теория юридической мысли пронизаны борьбой двух противоположных типов правопонимания. На первый взгляд, можно предположить явное противостояние естественно-правового и позитивистского подходов к пониманию прав человека и права в целом. Однако, детально анализируя эти теории, представляется возможным сделать акценты на различных сторонах феномена права и прав человека.

Так, естественно-правовая школа базируется на ценностной основе права, в то время как позитивистский подход концентрирует внимание на его структуре, анализируя право как совокупность законов и иных нормативных актов. Следовательно, права человека в рамках естественного подхода существуют априори и не зависят от усмотрения властных субъектов, развиваясь по мере исторического прогресса свободы. Законодатели, в свою очередь, лишь фиксируют этот процесс.

По нашему мнению, естественные права имеют первичное значение по отношению к правам субъективным и обуславливают их. Ранее права человека существовали в основном в виде идей, представлений, теперь же многие из естественных прав закреплены в правовых документах как международного, так и национального характера.

К примеру, масштабная позитивизация естественных прав человека произошла с момента принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., а также двух иных важнейших актов — Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Сегодня к числу естественных прав человека, законодательно закрепленных в российских источниках права, относят право на жизнь в качестве основополагающего, право на личную неприкосновенность, право на равенство, право на достоинство личности, право на охрану здоровья, право на безопасность, право на неприкосновенность частной жизни, на благоприятную окружающую среду, право на самоопределение, право на собственность и ряд других. В части 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации установлено, что основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Такая правовая конструкция лишь подтверждает тезис о том, что ряд наиболее важных естественных прав человека не исходит от государства, а имеет так называемый надгосударственный характер.

Среди этих прав в качестве фундаментальных человеческих ценностей, безусловно, главенствующее место занимает право на жизнь. Остальные естественные права выступают так называемыми производными правами. Например, право на охрану здоровья, право на благоприятную окружающую среду можно считать компонентами права на жизнь.

Некоторые ученые, в частности С. А. Александрова, отбрасывая в сторону теоретические проблемы правопонимания, считают современный позитивистский подход единственным теоретико-правовым подходом, имеющим прикладное значение [8, с. 9]. Однако такая точка зрения, по нашему мнению, обедняет смысловую наполненность права и прав человека, оставляя в стороне важные основополагающие начала. Несомненно, права человека, как и любые правовые притязания, нуждаются в силе закона. Правовые законы и другие юридические официальные акты обеспечивают и конкретизируют права человека. Но это не значит, что права человека порождаются волей

или мудростью законодателей. Законодатели не могут «творить» права человека даже силой официальных установлений. Закон может защищать или нарушать права человека, но он не может их «породить» [9, с. 14].

С позиции сторонников естественно-правовой теории, генезис прав человека несколько упреждает процесс формирования позитивных правовых норм, закрепляющих их, поэтому права человека стоит рассматривать как неотъемлемую составляющую всякого права в его субъективно-историческом аспекте.

К слову, В. С. Нерсесянц анализировал позитивистский подход в его соотношении с естественно-правовым подходом в качестве теоретически более последовательной и развитой концепции юридического правопонимания, которая предполагает все возможные формы различия и соотношения права и закона — от разрыва и противостояния между ними до полного их совпадения [10, с. 53].

По мнению ряда исследователей, любые рассуждения, связанные с противопоставлением закона («писаного права») естественному праву, ведут лишь к дестабилизации обстановки в государстве и мире. Нельзя «устанавливать традицию двойного стандарта на уровне реализации юридических предписаний — права и закона, поскольку и в понятие естественного права, свободы и справедливости можно вкладывать различный смысл, исходя из своих интересов, уровня культуры, правового сознания. Такой подход подрывает нравственную гуманную сущность концепции различия права и закона, ведет к злоупотреблению этой доктриной»¹.

Так, после пережитых человечеством потрясений середины XX столетия, связанных со злодеяниями фашистской Германии, в мире постепенно распространилось представление о правах человека как наиболее приемлемом варианте для всего человеческого общежития, «...признание единых для всех естественных прав человека стало естественной реакцией на нравственный релятивизм лидеров фашистской Германии, действия которых были безупречны с позиции позитивистской концепции права» [11].

Вместе с тем события, происходящие в мировом сообществе сегодня, вызывают серьезную обеспокоенность. В частности, принятие законодательных актов, в т. ч. на уровне конституций, которые подменяют фундаментальные понятия,

анонсируя преступления против человечности и преступления геноцида под лозунгом либеральных идей, ставит под угрозу фундаментальные основы правового режима в области прав человека.

Становление прав человека как элемента правовой действительности можно смело назвать главным переломом в мире правовых явлений и правовых представлений о понимании права вообще за всю человеческую историю. Важно осознавать, что этот перелом подтолкнул человечество к принятию права не как «права власти», исключительно силового явления, а как самостоятельного феномена, создающего условия для свободного самоутверждения человека и прежде всего для его правовой активности.

Безусловно, в государственно-организованном обществе существующие нормативные правовые акты не могут опосредовать все без исключения права и свободы, которыми пользуются люди на данном историческом этапе развития общества. Причина тому — непрерывное развитие и обогащение их системы по мере изменения социально-экономических условий в мире и каждой страны в отдельности [12].

Кроме того, вне такого закрепления остается моральное право и нравственные обязанности членов общественных организаций, негосударственных политических объединений и т. п. [13, с. 45]. Поэтому определение позитивистского подхода к пониманию права и прав человека в качестве доминирующего представляется некорректным.

С точки зрения В. С. Соловьева, право и государство являются необходимым связующим звеном между обществом и идеей нравственности. Главная проблема соперничества естественно-правовой и позитивистской школ заключается «не в существующей общетеоретической дискуссии относительно правопонимания», а в «игнорировании этими школами культурно-исторической и иных составляющих проблемы понимания права» [14, с. 47]. Таким образом, в процессе рассмотрения классических типов понимания права и прав человека мы приходим к выводу об очевидной односторонности, характерной для каждого из этих подходов. Ввиду этого симбиоз естественного и позитивного права потенциально может служить воплощением справедливости в законе на основе морально-нравственных устоев.

В этой связи необходимо включить в поле исследования такие элементы, как правосознание, культура, морально-нравственный компонент, т. е. законы, идущие от государства, полны противоречий и оцениваются людьми субъективно. Осу-

¹ Круглый стол. «Конституция РФ и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека» // Государство и право. 1994. № 10.

ществить это возможно, используя философский и социологический подходы к пониманию права и прав человека.

С позиций философского подхода право представляет систему естественных, неотъемлемых прав, существующих независимо от воли государства. Этот подход направлен на познание сущности права как объективно существующего явления. С точки зрения сторонников философского подхода (Г.-В. Ф. Гегель, В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин), позитивное право видится как явление правовой реальности, отражающее сущность права и выступающее формой ее проявления. Сущность права представляется критерием правового качества как позитивного, так и естественного права.

Сторонники социологического подхода (Ф. Жени, Е. Эрлих, С. А. Муромцев, Р. Йеринг) в своих умозаключениях выходят за рамки позитивного права, но не в сторону естественных прав и свобод, а в сферу их реализации. Считая позитивное право «книжным» правом, в противовес ему они ставят «право в действии», которое формируется в практически складывающихся правоотношениях между людьми. По мнению Р. Йеринга, там, где нет воли к праву и стремления защищать свои права, права не существует. При этом одной воли к борьбе за права недостаточно, необходим закон, имеющий силу принуждения [15, с. 93].

К слову, в современной правовой доктрине не наблюдается теоретических концепций, отражающих какой-либо классический тип правопонимания в чистом виде: каждая правовая концепция включает в себя элементы различных типов в том или ином соотношении. Более того, складывается тенденция, ведущая не только к размыванию границ между классическими типами правопонимания, но и к интегрированию их в единой концепции.

Кроме того, к настоящему времени сформировалась так называемая постклассическая юриспруденция, один из сторонников которой, И. Л. Честнов, отстаивает точку зрения о том, что право представляет собой социальное явление, назначение которого проявляется в той роли, которую оно играет в социуме. Поэтому только с позиций общества можно обосновать право и привести аргументы в пользу того или иного типа правопонимания [16, с. 6].

Следует согласиться с таким подходом, поскольку индивидуальное субъективное оценочное отношение, мера свободы в процессе принятия новых правовых норм, правосознание субъектов правотворческой деятельности играют не последнюю (а иногда и ключевую) роль, что не всегда положительным образом сказывается на состоянии правовой системы общества в целом. К примеру, лоббирование интересов политической элиты может априори создавать дискриминационные условия для других субъектов общественных отношений, в некотором смысле ущемлять права человека. Необходимым условием стабилизации и прогрессивного развития человеческого общежития является примирение противоречивых и порой биполярных интересов людей. В этом ключе права человека как перманентное, динамично развивающееся явление способны стать эффективным инструментом в поиске оптимальных форм взаимодействия при всем разнообразии действий и поступков членов социума в рамках определенного исторически складывающегося периода.

Подводя итоги, следует отметить, что неуместно рассуждать о правах человека, не понимая их сущности. Вместе с тем сформулированные в разное время классические теории правопонимания отображают процессы исторической непрерывности, выступая конкретно-историческим феноменом. Поэтому, с нашей точки зрения, не следует рассматривать права человека в рамках какой-либо одной концепции. Принципиальное значение имеет системный анализ сложившихся теорий, что позволяет воспринимать права человека одновременно как естественные права, обусловленные человеческой природой, так и права субъективные, т. е. прошедшие надлежащую правотворческую процедуру и потому гарантированные государством в части возможности действовать определенным образом и добиваться желаемых целей и благ.

Наработанный к сегодняшнему дню обширный доктринальный и правовой инструментарий в области прав человека подтверждает непреложность базовых человеческих ценностей, сохранить и приумножить которые возможно лишь путем солидарных усилий всего международного сообщества, государственных органов власти и структур гражданского общества.

Список источников

1. Глухарева Л. И. Методологические аспекты развития теории прав человека // Государство и право. 2006. № 3. С. 14–19.
2. Глухарева Л. И. Неопределенность прав человека как правового института // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 185–190.
3. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. 84 с.

4. Любашиц В. Я., Мордовцов А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. М., 2024. 526 с.
5. Глухарева Л. И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 50–61.
6. Нерсисянц В. С. Философия права: учебник. М., 2020. 848 с.
7. Макиавелли Н. Государь. URL: https://librebook.me/the_prince (дата обращения: 01.03.2025).
8. Александрова С. А. Правопонимание и права человека: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 222 с.
9. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. М., 2003. 204 с.
10. Нерсисянц В. С. Проблемы общей теории права и государства: учебник. М., 2023. 816 с.
11. Сунгуров А. Права человека и другие близкие понятия: подходы к пониманию. URL: <http://www.strategy-spb.ru/print.php?doc=296> (дата обращения: 01.03.2025).
12. Кашанина Т. В. Структура права. Статья 2 // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-prava-statya-2> (дата обращения: 01.03.2025).
13. Явич Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содерж. и формы сов. права). М., 1971. 152 с.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 2012. 656 с.
15. Горбань В. С. Учение Р. Йеринга о праве в современном российском правоведении // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 91–96.
16. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. С. 4–16.

References

1. Gluhareva L. I. Metodologicheskie aspekty razvitiya teorii prav cheloveka // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 3. S. 14–19.
2. Gluhareva L. I. Neopredelennost' prav cheloveka kak pravovogo instituta // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. 2021. № 4. S. 185–190.
3. Shershenevich G. F. Opredelenie ponyatiya o prave. Kazan', 1896. 84 s.
4. Lyubashic V. Ya., Mordovcov A. Yu., Mamychyev A. Yu. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M., 2024. 526 s.
5. Gluhareva L. I. Sub"ektivnye prava, osnovnye prava, prava cheloveka: edinstvo i razlichiya // Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2009. № 11. S. 50–61.
6. Nersesyanc V. S. Filosofiya prava: uchebnik. M., 2020. 848 s.
7. Makiavelli N. Gosudar'. URL: https://librebook.me/the_prince (data obrashcheniya: 01.03.2025).
8. Aleksandrova S. A. Pravoponimanie i prava cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2007. 222 s.
9. Chetvernin V. A. Vvedenie v kurs obshchej teorii prava i gosudarstva: uchebnoe posobie. M., 2003. 204 s.
10. Nersesyanc V. S. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva: uchebnik. M., 2023. 816 s.
11. Sungurov A. Prava cheloveka i drugie blizkie ponyatiya: podhody k ponimaniyu. URL: <http://www.strategy-spb.ru/print.php?doc=296> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
12. Kashanina T. V. Struktura prava. Stat'ya 2 // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-prava-statya-2> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
13. Yavich L. S. Pravo i obshchestvennye otnosheniya (osnovnye aspekty sodерж. i formy sov. prava). M., 1971. 152 s.
14. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra: nravstvennaya filosofiya. M., 2012. 656 s.
15. Gorban' V. S. Uchenie R. Jeringa o prave v sovremennom rossijskom pravovedenii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 5. S. 91–96.
16. Chestnov I. L. Pravoponimanie v epohu postmoderna // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2002. S. 4–16.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 43–50.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 43–50.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.743

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В КАЧЕСТВЕ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД (САМОЗАНЯТЫХ)

Александра Валериевна Пампура¹, Оксана Анатольевна Голубцова²,
Юлия Геннадьевна Старовойтова³

¹ Ленинский районный суд города Луганска, Луганск, Россия, seskenderova@mail.ru

² Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия,
gragov777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2428-3642>

³ Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия, y.g.starovoitova@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-7468-5602>

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия четкого определения самозанятости в законодательстве, что затрудняет правовую идентификацию этой категории граждан. Также в работе рассматриваются особенности правового статуса самозанятых граждан, проблемы, возникающие в процессе применения законодательства, а также перспективы дальнейшего совершенствования правового регулирования данного сектора экономики.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, правовое регулирование, статус самозанятых, судебная практика

Для цитирования: Пампура А. В., Голубцова О. А., Старовойтова Ю. Г. Правовые аспекты регулирования деятельности лиц, состоящих на учете в качестве плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых) // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 43–50.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL ASPECTS OF REGULATING THE ACTIVITIES OF PERSONS REGISTERED AS PAYERS OF PROFESSIONAL INCOME TAX (SELF-EMPLOYED)

Alexandra V. Pampura¹, Oksana A. Golubtsova², Yulia G. Starovoitova³

¹ Leninsky District Court of Lugansk, Lugansk, Russia, seskenderova@mail.ru

² Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk, Russia, gragov777@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2428-3642>

³ Lugansk Branch of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Lugansk, Russia,
y.g.starovoitova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7468-5602>

Abstract. The article analyzes the problem of the lack of a clear definition of “self-employment” in the legislation, which complicates the legal identification of this citizen category. The authors analyze the consequences of this gap, including the uncertainty of the legal status and the increase in the number of disputes. Statistical data on the number of self-employed persons and tax revenues has been provided. The work analyzes the features of the legal status of self-employed citizens, problems arising in the process of applying the legislation, as well as prospects for further improvement of the legal regulation of this economy sector. Particular attention has been paid to the issues of protecting consumer rights when interacting with self-employed persons and the liability of the self-employed for violation of obligations.

Keywords: self-employment, professional income tax, legal regulation, self-employed status, judicial practice

For citation: Pampura A. V., Golubtsova O. A. Starovoitova Y. G. Legal aspects of regulating the activities of persons registered as payers of professional income tax (self-employed). *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:43–50 (In Russ.).

© Пампура А. В., Голубцова О. А., Старовойтова Ю. Г., 2025

Актуальность выбранной темы обусловлена активным развитием института самозанятости в России и необходимостью создания эффективной системы правового регулирования этой сферы.

В условиях современной экономики всё больше людей предпочитают работать на себя, выбирая путь самозанятости. Это может быть связано с желанием иметь больше свободы в принятии решений, возможностью самостоятельно определять свой график работы и устанавливать цены на услуги, а также с нежеланием подчиняться жестким корпоративным правилам. Однако такая форма трудовой деятельности требует особого подхода к правовому регулированию, чтобы обеспечить защиту прав как самих самозанятых, так и их клиентов.

Актуальность исследования правовых аспектов регулирования деятельности самозанятых обусловлена следующими факторами:

- рост числа самозанятых. С каждым годом количество людей, выбирающих самозанятость, растет. По данным Федеральной налоговой службы, число зарегистрированных самозанятых в России продолжает увеличиваться, что свидетельствует о популярности этого вида деятельности [1];
- необходимость защиты прав самозанятых. Самозанятые сталкиваются с рядом проблем, связанных с отсутствием четкого правового регулирования их деятельности. Это может привести к нарушению их прав и интересов;
- создание благоприятных условий для развития самозанятости. Правовое регулирование деятельности самозанятых должно способствовать созданию благоприятных условий для их развития, что, в свою очередь, будет способствовать развитию экономики страны.

Таким образом, исследование правовых аспектов регулирования деятельности самозанятых является актуальным и важным направлением научных исследований. Оно позволит разработать эффективные механизмы правового регулирования, которые будут способствовать развитию института самозанятости и защите прав его участников.

Теоретическую и методическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых по современным проблемам регулирования деятельности лиц, состоящих на учете в качестве плательщиков налога на профессиональный доход. Для проведения исследования был осуществлен анализ специализированной научной литературы и периодических изданий, посвященных вопросам налогообложения и правового регулирования деятельности лиц, применяю-

щих специальные налоговые режимы. Кроме того, были изучены нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность плательщиков налога на профессиональный доход, а также публикации в средствах массовой информации и материалы интернет-ресурсов, содержащие информацию о проблемах и перспективах развития данного налогового режима для самозанятых граждан.

Цель статьи — исследование особенностей и проблемных аспектов правового регулирования самозанятых.

Новеллой современного законодательства, регулирующего сферу предпринимательской деятельности в России, стал Федеральный закон Российской Федерации от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"»¹, легализовавший самозанятость как особый вид деятельности, направленный на получение прибыли.

Процесс интеграции Луганской Народной Республики в правовое пространство Российской Федерации стал стимулом для введения в действие и на территории республики «Закона о самозанятых» путем принятия Народным Советом Луганской Народной Республики Закона «О введении в действие на территории Луганской Народной Республики специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» с 1 января 2023 г.

Активистом, пролоббировавшим легализацию самозанятости на законодательном уровне в Российской Федерации, выступил Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Борис Юрьевич Титов.

Основной целью принятия данного нормативного правового акта в России стал вывод из тени граждан, получающих доход от предоставления услуг либо изготовления товаров собственного производства, т. е. работающих «на себя», численность которых стремительно растет.

Хотя федеральным законом Российской Федерации «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» и урегулирован ряд самых важных аспектов, касающихся порядка ведения бизнеса самозанятыми, тем не менее самого понятия «самозанятость» его нормы так и не раскрыли.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43826> (дата обращения: 10.12.2024).

Вместе с тем дискуссии о необходимости введения легального определения термина «самозанятость» среди представителей научного сообщества набирают обороты, т. к. понятие «индивидуальный предприниматель» закреплено на законодательном уровне, что существенно облегчает способ определения и разграничения такой деятельности в случаях возникновения споров как между субъектами предпринимательской деятельности, так и с участием налоговых органов при применении последними налоговых санкций, а «самозанятость» характеризуется лишь особым налоговым режимом.

Несмотря на то что проблема отсутствия легальной дефиниции «самозанятость» поднимается многими российскими исследователями в своих работах [2–5], она до настоящего времени так и остается неурегулированной, что, в свою очередь, вносит определенную неясность в определение четкого статуса данной категории участников рыночных отношений, границ их ответственности и объема прав.

Отсутствие четкого законодательного определения «самозанятость» создает значительную правовую неопределенность, затрудняя применение норм гражданского, налогового и социального законодательства к данной категории граждан. Неопределенность статуса, в свою очередь, порождает риски как для самих самозанятых, так и для их контрагентов.

Как отмечает Н. В. Артонкина [6], проблема отсутствия легальной дефиниции «самозанятость» существенно осложняет процесс правового регулирования этой сферы деятельности. Без четкого понимания того, кого считать самозанятым, невозможно разработать эффективные механизмы налогообложения, социального обеспечения и защиты прав данной категории граждан.

Г. Д. Худжебаева [7] подчеркивает, что отсутствие законодательного определения «самозанятость» негативно сказывается на экономическом развитии, поскольку препятствует легализации этого сектора и, как следствие, ограничивает поступления в бюджет и возможности для поддержки малого предпринимательства. Неурегулированность создает стимулы для ухода в «тень» и снижает прозрачность экономических отношений.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению самозанятости. Одни исследователи предлагают рассматривать самозанятых как особый вид индивидуальных предпринимателей [8], другие — как физических лиц, осуществляющих деятельность на основании гражданско-правовых договоров [4]. Однако от-

сутствие законодательного закрепления любого из этих подходов порождает правовую коллизию и затрудняет применение правовых норм.

Н. М. Воловская [9] справедливо указывает на необходимость четкого разграничения между самозанятыми и другими формами занятости, такими как индивидуальные предприниматели и работники по трудовым договорам. Отсутствие такой дифференциации, вызванное отсутствием законодательного подкрепления определения «самозанятость», приводит к смешению понятий и препятствует разработке адекватных мер поддержки и регулирования, учитывающих специфику каждого вида занятости.

Анализ существующих подходов к определению самозанятости в зарубежной практике выявил два ключевых направления. Первое рассматривает самозанятость в контексте трудовых отношений, что, в свою очередь, актуализирует проблему разграничения трудовых и гражданско-правовых связей (примеры наблюдаются во Франции, США и Канаде) [10]. Второе направление трактует самозанятость как отношения, регулируемые нормами гражданского права (подход, характерный для Японии и Китая) [11].

Несмотря на различия в подходах к организации социального обеспечения самозанятых (добровольное участие, как в Германии и Канаде, или обязательное, как во Франции и США), преобладает тенденция, согласно которой самозанятые работники, действующие независимо, не пользуются полным объемом трудовых прав и гарантий, предоставляемых работодателями наемным сотрудникам в соответствии с законодательством. В большинстве случаев трудовые права и обязанности самозанятых определяются условиями, зафиксированными в контрактах, заключаемых с работодателями (заказчиками или клиентами).

В Республике Беларусь на сегодняшний день отсутствует законодательно закрепленное определение самозанятости, что отражает отсутствие консенсуса среди ученых и практикующих специалистов относительно сущности данного явления [12].

В то же время, согласно сведениям Правительства Луганской Народной Республики, по состоянию на декабрь 2024 г. количество официально ставших на учет в органах налогов и сборов республики как плательщики профессионального налога приблизилось к десяти тысячам человек, и увеличение их численности продолжает набирать темпы. Наиболее популярными видами деятельности среди них являются услуги в сфере красо-

ты — маникюр, педикюр, парикмахерские услуги, а также ремонтные работы и строительство, перевозка пассажиров и IT-программирование¹. Согласно официальным данным, на декабрь 2024 г. количество граждан, зарегистрированных в качестве самозанятых и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» на территории Российской Федерации, превысило двенадцать миллионов человек. За период действия данного налогового режима общий объем начисленных налогов составил более 219 млрд рублей². Безусловно, этот фактор благоприятно влияет на уровень доходов бюджета как региона, так и страны в целом, но в то же время пропорционально увеличению объема поступающих налоговых платежей увеличивается количество споров, возникающих с участием самозанятых, как в судебном, так и во внесудебном порядке, что требует законодательного урегулирования не только порядка их регистрации, но и порядка их ответственности.

Так как определение понятия субъекта права раскрывает характеристику объема его прав и обязанностей, первоочередной задачей является оценка гражданско-правового статуса самозанятого.

В целях уточнения данного вопроса обратимся к пункту 3.18 «ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения» (вместе с «Программами обучения безопасности труда»), введенного в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 600-ст, которым под самозанятым понимается «человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства»³.

¹ Сведения Правительства Луганской Народной Республики от 09.12.2024 // Официальный аккаунт Правительства Луганской Народной Республики в telegram-канале. URL: https://Telegram: Contact @government_lnr (дата обращения: 11.12.2024).

² Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по состоянию на 31.12.2024 // Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 10.01.2025).

³ ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения (вместе с «Программами обучения безопасности труда») (введен в действие приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 600-ст). URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/gost_12.0.004-2015.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

Федеральным законом Российской Федерации от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» внесены следующие изменения: «В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя»⁴.

В 2018 г. на фоне растущей значимости неформальной занятости и осознания необходимости ее легализации Министерство юстиции Российской Федерации выступило с инициативой формализации статуса самозанятых на законодательном уровне. С этой целью был разработан проект федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам определения статуса "самозанятых" граждан». В указанном проекте, в частности в ст. 3.1, предлагалось следующее определение: самозанятыми признаются физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, основанную исключительно на их личном участии, заключающуюся в реализации произведенных ими товаров, оказании услуг или выполнении работ для физических лиц. Подчеркивалось, что данная деятельность могла осуществляться в свободное от исполнения трудовых обязанностей время. Важнейшим условием являлось отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, что позволяло отличать самозанятых от субъектов малого предпринимательства. Кроме того, законопроектом предусматривалась обязанность уведомления налогового органа о ведении такой деятельности в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах⁵. Несмотря на предложенное определение и разработанную систему, законопроект Министерства юстиции так и не был принят, что свидетельствует о сложности и неоднозначности

⁴ О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2017 № 199-ФЗ. URL: <http://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220896&cacheid=1C83105218B878F87B55CF6FF2B4C40C&mode=splus&rnd=Jbk67WUkHIFyFRmi#fZPD7WUs9BJpLO481> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Проект федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан» (подготовлен Минюстом России 29.05.2018). URL: <https://base.garant.ru/56753994/> (дата обращения: 12.01.2025).

вопроса правового регулирования самозанятости на тот момент.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации в письме от 3 марта 2020 г. № 16-1/В-87 под самозанятым гражданином понимает «субъекта, осуществляющего приносящую доход деятельность и не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, акцентируя внимание на том, что понятия "предпринимательство" и "самозанятость" являются однокоренными, содержанием которых есть деятельность, приносящая прибыль (доход)»¹.

В связи с этим, исходя из изложенных понятий самозанятости, закономерно встает вопрос, возможно ли считать самозанятость видом предпринимательской деятельности и какой механизм правового воздействия применим к таким участникам торгового оборота в части соблюдения ими прав потребителей?

Интересным представляется обратиться к позиции Роспотребнадзора, органа, уполномоченного осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) в сфере защиты прав потребителей на основании Федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Так, письмом от 28.12.2022 № 09-22204-2022-40 «О субъектах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей»² Роспотребнадзор разъяснил, что не вправе предъявлять требования по соблюдению нормативных правовых актов, являющихся предметом федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей, к самозанятым гражданам, в т. ч. положения Закона Российской Федерации от 07.02.1992

№ 2300-1 «О защите прав потребителей»³, по тем основаниям, что в преамбуле к основной части закона отсутствует понятие такого субъекта, как участник правоотношений, сферу которых регулируют его нормы. В случае нарушения потребительских прав Роспотребнадзор рекомендует обращаться за судебной защитой в рамках гражданского судопроизводства, поскольку именно суд обладает компетенцией оценивать применимость законодательства о защите прав потребителей к конкретному ответчику в спорах данной категории.

Таким образом, анализируя самозанятость с позиции федеральных органов исполнительной власти, можно прийти к выводу, что такая деятельность подпадает под признаки предпринимательской, однако ответственность, исходя из пояснений Роспотребнадзора, за нарушения прав потребителей самозанятые понесут только в случае принятия судом соответствующего решения.

При таких обстоятельствах стоит обратиться к мнению органов судебной власти, решения которых зачастую имеют силу прецедента.

Так, решением Гагаринского районного суда г. Москвы от 12 мая 2023 г. по делу № 02-0814/2023 было отказано в удовлетворении искового заявления в части взыскания компенсации морального вреда, неустойки и штрафа за невыполнение условий договора подряда об оказании строительных работ.

Мотивируя свой отказ, суд указал, что договор строительного подряда заключен между сторонами как физическими лицами, а то обстоятельство, что ответчик является самозанятым, не свидетельствует о том, что он в спорном договоре выступает в качестве лица, занимающегося предпринимательской деятельностью; истец и ответчик отнесены к категории лиц, правоотношения между которыми не подпадают под действие Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁴.

Указанное решение суда обжаловалось в апелляционном порядке (определение от 26.02.2024 по делу № 33-5120), при разрешении жалобы Московский городской суд в апелляционном определении полностью поддержал мнение суда первой

¹ Об определении понятия «самозанятость», а также об оказании финансовой помощи органами службы занятости: письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 марта 2020 г. № 6-1/В-87. URL: <http://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=194923&dst=100009&cacheid=C8AA4CEA7ED2C2E452C2C0A5B6B9B5A3&mode=splus&rnd=ZJYQBWUR6ViUrgSK#bSYQBWUlkUmFiocJ> (дата обращения: 15.01.2025).

² О субъектах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей: письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора) от 28.12.2022 № 09-22204-2022-40. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437819/ (дата обращения: 15.01.2025).

³ О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 12 мая 2023 г. по делу № 02-0814/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

инстанции¹. С решениями судов первой и второй инстанции согласился Второй кассационный суд общей юрисдикции, отказав своим определением от 06.06.2024 по делу № 88-10563/2024 в удовлетворении кассационных требований истца о применении к сложившимся правоотношениям положений Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»².

Решением Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода Нижегородской области от 27.07.2023 по делу № 2-870/2023 также отказано истцу, который доказывал в гражданском процессе, что услуги по ремонту в его квартире, оформленные договором подряда, оказывались ответчиком, деятельность которого имеет все признаки предпринимательской, в связи с чем требовал применения к сложившимся правоотношениям положений Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и взыскания с ответчика денежных средств, неустойки, убытков, компенсации морального вреда, штрафа, obligations ответчика судом к проведению работ³.

Обосновывая свое решение, суд сослался на то, что ответчик официально осуществляет деятельность как самозанятый гражданин, стоящий на учете в качестве налогоплательщика, а также на то, что в соответствии с федеральным законом Российской Федерации № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» регистрация гражданина — физического лица как самозанятого относится исключительно к режиму налогообложения гражданина и не может расцениваться как подтверждение ведения предпринимательской деятельности, в связи с чем ответчик действовал как физическое лицо с особым налоговым статусом самозанятого; договорные отношения возникли между двумя физическими лицами.

Таким образом, правоотношения между заказчиком и самозанятым суды квалифицировали как такие, которые сложились между физическими лицами, отметив, что в данном случае субъектом

предпринимательской деятельности последние не являются.

Вместе с тем, проводя мониторинг судебной практики по защите прав потребителей, где ответчиками выступают самозанятые, далеко не единичны мнения судебных инстанций о наличии в деятельности последних признаков предпринимательства и применения к спорным правоотношениям положений Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

В Апелляционном определении от 11 октября 2022 г. (дело № 11-155/2022) Советский районный суд г. Омска Омской области, поддержав решение суда первой инстанции, подтвердил правомерность взыскания с ответчика средств за ненадлежащее качество оказанных услуг по чистке и окраске кожаного изделия, а также стоимости поврежденного изделия, компенсации морального вреда и штрафа. Суд отметил, что физические лица, применяющие специальный налоговый режим, вправе осуществлять деятельность, приносящую доход, облагаемый налогом на профессиональный доход, без обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением видов деятельности, требующих таковой регистрации в соответствии с федеральным законодательством. Исходя из этого, суд пришел к заключению, что в рассматриваемом случае деятельность ответчика обладала признаками предпринимательской, что обусловило применение положений Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» к возникшим правоотношениям⁴.

Решением Кузьминского районного суда г. Москвы от 16 мая 2023 г. по делу № 02-5397/2023 удовлетворен иск к ответчику, состоящему на учете в качестве плательщика налога на профессиональный доход (самозанятого), о взыскании денежных средств, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа за некачественное оказание юридических услуг. В мотивировочной части своего решения суд указал, что ответчик осуществляет самостоятельную деятельность на постоянной основе, направленную на систематическое получение прибыли от выполнения услуг, т. е. предпринимательскую деятельность; тот факт, что ответчик осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, как самозанятый, не является основанием для освобождения

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2024 по делу № 33-5120 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Определение второго кассационного суда от 06.06.2024 по делу № 88-10563/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Решение Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода Нижегородской области от 27 июля 2023 г. по делу № 2-870/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Апелляционное определение Советского районного суда г. Омска Омской области от 11 октября 2022 г. по делу № 11-155/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

его от ответственности, предусмотренной Законом РФ «О защите прав потребителей». При пересмотре данного решения 8 апреля 2024 г. коллегия из судей Московского городского суда апелляционным определением по делу № 33-11580/2024 согласилась с обжалуемой ответчиком позицией суда первой инстанции¹.

В данном случае суды в отсутствие официальных разъяснений исходили из аналогичности статуса самозанятого гражданина статусу индивидуального предпринимателя на основании фактической расстановки сил между сторонами договора, т. е. фактического осуществления исполнителем предпринимательской деятельности.

Таким образом, наглядно продемонстрировано, как отсутствие правовой дефиниции «самозанятость» влияет на единообразие толкования и применения законодательства при разрешении возникающих гражданских споров между участниками частных правоотношений.

В этой связи прослеживается острая необходимость в конкретизации статуса лиц, состоящих на учете в качестве плательщика налога на профессиональный доход, четко определяющего их как субъектов предпринимательских правоотношений, либо все же относящихся к лицам с особым налоговым режимом, деятельность которых не относится к предпринимательской.

Список источников

1. ФНС: число самозанятых в РФ достигло более 12 млн человек. URL: <https://www.gosnadzor.ru/news/67/12574/?ysclid=m8kc2prx45578906607> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Цуканова Е. Ю., Придатко Е. А. К вопросу правового статуса самозанятых граждан // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 196–203.
3. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26.
4. Бурлак А. В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 49. С. 173–177.
5. Костюк И. В. Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2/11. С. 204.
6. Артонкина Н. В. Самозанятость: юридические аспекты, риски и преимущества // Мотивация и оплата труда. 2022. № 3. С. 204–212. DOI: 10.36627/2618-8864-2022-3-3-204-212.
7. Худжебаева Г. Д. Современные подходы к определению самозанятости в России // Human Progress. 2021. Т. 7. № 3. С. 14. DOI: 10.34709/IM.173.14.
8. Трофимова Е. В. Самозанятость и микропредпринимательство: проблемы правовых режимов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 8 (108). С. 216–223.
9. Воловская Н. М. Трактовки самозанятости в трудах отечественных ученых и ее законодательное регулирование // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1. № 1 (154). С. 6–15. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.01.001.
10. Забелина О. В., Сергеева М. В. Международный опыт нормативно-правового регулирования самозанятости // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 3. С. 357–370. DOI: 10.18334/et.10.3.117229.
11. Шибаршина О. Ю. Сравнительный анализ регулирования самозанятости в России и за рубежом // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 10. С. 1223–1236. DOI: 10.18334/et.8.10.113583.
12. Мешкова Н. А. Понятие и правовая природа самозанятости // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 1 (21). С. 266–279.

References

1. FNS: chislo samozanyatyh v RF dostiglo bolee 12 mln chelovek. URL: <https://www.gosnadzor.ru/news/67/12574/?ysclid=m8kc2prx45578906607> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
2. Cukanova E. Yu., Pridatko E. A. K voprosu pravovogo statusa samozanyatyh grazhdan // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. № 9. S. 196–203.
3. Kryukova E. S., Ruzanova V. D. Individual'nyj predprinimatel' i samozanyatyj grazhdanin: sootnoshenie ponyatij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 3. S. 21–26.

¹ Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 16 мая 2023 г. по делу № 02-5397/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Burlak A. V. K voprosu o ponyatii «samozanyatye grazhdane» // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2016. № 49. S. 173–177.
5. Kostyuk I. V. Zanyatost' i samozanyatost' kak forma dohodnoj deyatel'nosti grazhdan // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. 2017. № 2/11. S. 204.
6. Artonkina N. V. Samozanyatost': yuridicheskie aspekty, riski i preimushchestva // Motivaciya i oplata truda. 2022. № 3. S. 204–212. DOI: 10.36627/2618-8864-2022-3-3-204-212.
7. Hudzhebaeva G. D. Sovremennye podhody k opredeleniyu samozanyatosti v Rossii // Human Progress. 2021. T. 7. № 3. S. 14. DOI: 10.34709/IM.173.14.
8. Trofimova E. V. Samozanyatost' i mikropredprinimatel'stvo: problemy pravovykh rezhimov // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2023. № 8 (108). S. 216–223.
9. Volovskaya N. M. Traktovki samozanyatosti v trudah otechestvennykh uchenykh i ee zakonodatel'noe regulirovanie // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2025. T. 1. № 1 (154). S. 6–15. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.01.001.
10. Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Mezhdunarodnyj opyt normativno-pravovogo regulirovaniya samozanyatosti // Ekonomika truda. 2023. T. 10. № 3. S. 357–370. DOI: 10.18334/et.10.3.117229.
11. Shibarshina O. Yu. Sravnitel'nyj analiz regulirovaniya samozanyatosti v Rossii i za rubezhom // Ekonomika truda. 2021. T. 8. № 10. S. 1223–1236. DOI: 10.18334/et.8.10.113583.
12. Meshkova N. A. Ponyatie i pravovaya priroda samozanyatosti // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. 2023. № 1 (21). S. 266–279.

Информация об авторах

О. А. Голубцова — кандидат экономических наук.

Ю. Г. Старовойтова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. A. Golubtsova — Candidate of Science (Economic).

Yu. G. Starovoitova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 51–61.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 51–61.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 004.056

ПРОТИВОПРАВНЫЙ КОНТЕНТ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НИМ ДОБРОВОЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Виктор Львович Акапьев¹, Екатерина Геннадьевна Ковалева², Александр Васильевич Борисенко³

^{1, 2, 3} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ akapevv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0560-8117>

² kovalevazchs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7502-5163>

³ borisenko02.94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2539-3096>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы распространения противоправного контента в сети Интернет и методы борьбы с ним добровольных объединений. Также исследуется опыт добровольных объединений, основная задача которых состоит в оказании помощи территориальным органам МВД России по выявлению противоправного контента в сети Интернет. Для проведения исследования была применена комплексная методология, включающая диалектико-материалистический подход, методы сравнения, а также применялись системный и структурный подходы. В связи с современным уровнем развития общества и технологий ключевой задачей правоохранительных органов становится контроль за материалами, попадающими в глобальную сеть.

Ключевые слова: кибербезопасность, клуб «Киберполицейский», добровольные объединения, противоправный контент, киберволонтерство

Для цитирования: Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В. Противоправный контент в сети Интернет и методы борьбы с ним добровольных объединений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 51–61.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ILLEGAL CONTENT ON THE INTERNET AND METHODS OF COMBATING IT BY VOLUNTARY ASSOCIATIONS

Viktor L. Akapev¹, Ekaterina G. Kovaleva², Alexander V. Borisenko³

^{1, 2, 3} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ akapevv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0560-8117>

² kovalevazchs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7502-5163>

³ borisenko02.94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2539-3096>

Abstract. The article discusses current issues related to the dissemination of illegal content on the Internet and methods of combating it by voluntary associations. The research is aimed at studying the experience of voluntary associations. Voluntary associations have been formed on the basis of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, such as the Cyber Police Club. The main task is to assist territorial authorities in identifying illegal content on the Internet. To conduct the research, a comprehensive methodology was applied, including a dialectical-materialistic approach and comparative methods. In the modern world, the key task of law enforcement agencies is to control materials entering the global network, including messengers, social networks and video hosting sites.

Keywords: cybersecurity, Cyber Police club, voluntary associations, illegal content, cyber-volunteering

For citation: Akapev V. L., Kovaleva E. G., Borisenko A. V. Illegal content on the Internet and methods of combating it by voluntary associations. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:51–61 (In Russ.).

© Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В., 2025

Алтайский юридический вестник № 3 (51) 2025 г.

51

В эпоху цифровизации всех сфер деятельности современного общества наиболее остро стоит вопрос выявления и профилактики киберпреступлений. Противоправный контент, размещенный на платформах сети Интернет, имеет достаточно сложный уровень идентификации. Так, отыскание информации, сайтов и иных сетевых ресурсов, имеющих незаконное происхождение, является основной целью Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России.

Сегодня разработано достаточное количество методик и стратегий выявления указанной информации, однако вопрос эффективного противодействия остается открытым. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), с января 2024 г. уже выявлено и ликвидировано около 172 000 материалов запрещенного характера [1].

Нельзя не упомянуть тот факт, что такие показатели связаны не только с работой организаций, чьи цели напрямую основаны на специфике их деятельности. Достаточно развитый уровень взаимодействия таких организаций, как Роскомнадзор, администрация сайтов, органы внутренних дел, добровольные формирования по борьбе с противоправным контентом (кибердружины)¹, также позволяет внести огромный вклад в процесс декриминализации информационных ресурсов, имеющих противоправный характер.

Наше исследование направлено на изучение опыта вышеуказанных добровольных объединений. Так, на базе организаций высшего образования МВД России сформирован клуб «Киберполицейский», основная задача которого состоит в оказании помощи территориальным органам по выявлению противоправного контента в сети Интернет.

Основная цель, которую мы ставили перед собой, — углубленное и комплексное изучение аспектов деятельности кибердружин. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- уяснение понятия и классификация противоправного контента;

- определение системы профилактики распространения противоправного контента в сети Интернет;

- рассмотрение особенностей мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности;

- изучение опыта работы клуба «Киберполицейский» в образовательных организациях МВД России.

В рамках написания данной статьи мы опирались на теоретические положения, лежащие в основе развития системы поиска противоправного контента и взаимодействия участников клуба «Киберполицейский» с территориальными органами МВД России.

Вопросы нормативной регламентации, а также оценки перспектив дальнейшего развития изучаемого феномена рассматривались в трудах таких исследователей, как: В. В. Каберник, Е. В. Великанова, Е. В. Акимова, С. В. Тетеский, Н. В. Соленикова, Л. П. Конвисарева, Т. А. Садчикова, Т. В. Скляров, Н. Д. Пескова, Н. А. Долгова, Ш. А. Алиева, О. Мельниченко, В. Н. Монахова, М. Г. Фомина, А. А. Чесноков.

Для проведения исследования нами была применена комплексная методология, включающая несколько групп методов. К общенаучным относятся диалектико-материалистический подход, методы сравнения, а также анализ и синтез, позволяющие переходить от абстрактного к конкретному и обратно. Также применялись системный и структурный подходы. В числе специальных методов выделяются социологический и исторический. Частнонаучные методы включают логический, сравнительно-правовой и формально-юридический подходы. Дополнительно использовался метод разработки правовых решений и толкование правовых норм.

Нормативно-правовой основой настоящего исследования выступают законодательные акты Российской Федерации и регионов страны, ряд постановлений, методических рекомендаций и инструктивных документов высших учебных заведений МВД России, а также некоторые постановления регионов.

1. Сущность противоправного контента и его профилактика в сети Интернет

Сегодняшний уровень развития общества и технологий характеризуется повсеместным использованием телекоммуникационных ресурсов. В связи с этим ключевой задачей в данной области считается контроль за материалами, попадающими

¹ Об утверждении форм аналитических отчетов по результатам осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 24.01.2024 № 35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ми в глобальную сеть, в т. ч. в мессенджеры, социальные сети и видеохостинги.

В нашей стране противодействие незаконному контенту в интернете осуществляется на федеральном законодательном уровне при содействии региональных правоохранительных и общественных организаций, а также учредительных участников интернет-сайтов.

В России разработаны законодательные акты, призванные регламентировать законную деятельность пользователей телекоммуникационной сети. Так, Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» формирует централизованный реестр доменных имен, ссылок на страницы веб-сайтов и сетевых адресов, что позволяет идентифицировать ресурсы, на которых размещен запрещенный контент¹. Помимо этого, существующее уголовное законодательство включает положения, устанавливающие ответственность за размещение таких материалов незаконного происхождения².

Однако, проведя анализ настоящего законодательства, можно прийти к выводу, что сегодня существует два основных проблемных аспекта: отсутствие законодательно закрепленного понятия противоправного контента и недостаточная конкретизированность определения рода информации, которую можно отнести к противоправной.

В правовом поле государств — участников Содружества Независимых Государств имеет место ряд правовых актов, которые регулируют деятельность по борьбе с противоправными действиями в киберпространстве³. Указанные документы не дают конкретного определения термина «контент», что характерно для многих стран мира и других межгосударственных объединений, которые склонны формировать собственное видение

и понятийный аппарат в контексте «противоправного контента» [2, с. 91].

С учетом специфики национальных законодательств, а также политических, социальных и культурных различий понятие «противоправный контент» имеет множество особенностей правовой базы и подходов к обеспечению прав человека в конкретной стране.

Так, контент можно определить как любую информацию, созданную и распространенную в цифровом формате. Следовательно, противоправный контент представляет собой ту же информацию, содержание которой не соответствует действующему законодательству или нарушает его.

Следующий проблемный аспект связан с выделением видов размещаемого в интернете противоправного контента. Определяя классифицирующие признаки противоправного контента, стоит обратиться к опыту Международного союза электросвязи. Исходя из документа «Инструментарии по разработке законодательства по борьбе с киберпреступлениями», содержание которого заключается в приоритетности борьбы с распространением противоправных материалов, выделяются два вида контента: незаконный и вредный [3].

К первому виду относятся материалы, размещаемые с нарушением общепринятых нормативных положений, т. е. это те данные, которые противоречат нормам уголовного, административного, гражданского права и иного законодательного акта, также та информация, за размещение которой предусмотрена уголовная ответственность (например, материалы экстремистского характера). Так, исходя из содержания настоящей статьи, здесь действует принцип «Все, что наказуемо офлайн, должно быть наказуемо онлайн» [4].

Второй вид контента определяется в зависимости от действующей нравственной и культурной специфики общества и особенностей менталитета. Данный аспект стоит учитывать при оценке вредности контента в процессе международных споров, затрагивающего конфликты интересов и ценностей пользователей [5, с. 118].

Кроме того, стоит отдельно выделить классификацию контента по характеру содержания. В некоторых источниках выделяется информация, содержащая в себе клевету, данные террористической направленности, сцены жестокого обращения с животными, насилия и др.

Говоря о российской классификации контента, отметим, что на законодательном уровне в нашей стране такого разделения не проведено. Однако Федеральный закон Российской Федерации от

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 01.07.2021 № 237-ФЗ; О модельном законе «О противодействии киберпреступности» [Электронный ресурс]: постановление № 55-20 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» выделяет информацию, «запрещенную для распространения среди детей, и информацию, распространение которой ограничено среди детей определенных возрастных категорий»¹.

К первой категории запрещенного контента относятся материалы, которые могут негативно повлиять на детей и подростков, провоцируя их к опасным и вредным действиям. Это может включать различные формы наркомании, рекламу табака и алкоголя, а также любую информацию, которая может оправдывать или способствовать насилию, жестокости и другим опасным поступкам. Важно, чтобы такие материалы были ограничены, поскольку они могут причинить серьезный вред как индивидуумам, так и обществу в целом. Защита детей от подобного контента является важной задачей для родителей, системы образования и государственных органов [6].

Второй тип содержит описания или изображения форм физического или психического насилия; противоправные деяния антиобщественной направленности [5, с. 120]; материалы, вызывающие паническую реакцию; сцены убийства, насилия, суицида, катастрофы и т. д.

Материалы, отнесенные к первой группе, учитывая общепризнанные нормы морали и права, по аналогии с иностранными актами образуют так называемый незаконный контент, а содержание информации второй группы можно отнести к вредному.

Очевидно, что вся запрещенная уголовным законом информация, публикуемая и распространяемая на платформах телекоммуникационных ресурсов, образует преступный контент.

Кроме того, на базе информационной политики интернет-сообществ, таких как «Яндекс», RUTUBE, «Телеграм», «ВКонтакте» и т. д., при осуществлении взаимодействия с пользовательским контентом также выделяются опасный контент, дискриминационные высказывания, материалы сексуального характера, незаконный контент (к которому относят случаи нарушения авторских прав, материалы порнографического характера [5, с. 120] и т. д.). Информация такого рода на основании пользовательского соглашения ряда платформ может стать угрозой блокирования или уничтожения канала или целого сайта.

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Помимо этого, бывают случаи, когда правовая природа контента не определена или не может быть определена. Такой контент называют спорным. Обычно данные случаи возникают при необходимости установления наличия или отсутствия факта нарушения законодательства, пользовательского соглашения и т. д.

Следовательно, под противоправным контентом необходимо понимать любую информацию, размещенную и распространенную в нарушение действующего законодательства, но законодательно закреплённой системы деления противоправного контента на категории и виды на сегодняшний день нет. Данный факт, по нашему мнению, считается упущением, поскольку внесение в Федеральный закон Российской Федерации от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» понятийного аппарата противоправного контента позволит повысить эффективность выявления и профилактики распространения незаконных материалов органами и общественными учреждениями соответствующей направленности.

На сегодняшний день процесс разработки интеграции методик профилактики распространения противоправного контента не стоит на месте. Учитывая постоянное развитие телекоммуникационных возможностей, вопросы построения систем поиска противоправного контента становятся все более простыми и эффективными.

Так, в начале 2024 г. Генеральная прокуратура совместно с Роскомнадзором разработали законопроект программы для блокировки незаконных материалов. Данный проект был создан в целях поддержки системы «Окулус», разработка которой началась в 2022 г., а в 2023 г. она была интегрирована в другие системы мониторинга Роскомнадзора. Данная программа будет работать на базе возможностей искусственного интеллекта. Однако более точный механизм отыскания блокировки сайтов пока неизвестен. Р. Душкин, представляющий компанию, которая разработала искусственный интеллект «А-Я эксперт», полагает, что «Окулус», производящий автоматический мониторинг интернет-платформ, функционирует на базе таких подходов нейросетей, как: анализ языка, тональности, контроль ключевых слов, семантического анализа. Однако полный контроль не будет возлагаться на «цифровой мозг», в этой системе также важ-

но человеческое вмешательство в целях контроля и фильтрации отобранных программой материалов [7].

Так, в феврале того же года данная программа была успешно запущена, кроме того, она выявляет не только контент текстового характера, но и фото-, аудио- и видеоматериалы. По словам представителя разрабатывающей компании Н. Тылевич, «Окулус» работает как классификатор с уже заданным набором источников информации, в которых анализируется контент на предмет соблюдения или несоблюдения требований закона [8].

В планах на предстоящий 2025 г. совершенствование программы путем внедрения определителя рукописного текста и изображений низкого качества, что позволит более детально анализировать действия пользователей сети Интернет.

Так или иначе данное программное обеспечение пересекается с системой «Антифишинг», которая способствует быстрому выявлению противоправного контента, в т. ч. ресурсов мошенников, представленных на платформах сети Интернет как официальные. Данная система также автоматически анализирует содержание ресурса и производит его блокировку.

Кроме того, не стоит упускать из внимания международную практику регулирования противоправного контента, которая ужесточила данный процесс в условиях проведения специальной военной операции (далее — СВО) и беспрецедентного санкционного давления на Россию.

Как справедливо отмечают зарубежные исследователи, внедрение новых превентивных мер, в т. ч. блокировка ресурсов, должно стать предметом дискуссий международного уровня и практически всех сфер общественной жизни. На сегодняшний день выявлен слишком низкий показатель количества санкций для компаний и администрации социальных сетей и мессенджеров, не выполняющих обязанности по защите пользователей и контролю за соблюдением действующего цифрового законодательства [9].

Так, переходя к рассмотрению зарубежного опыта, стоит отметить, что законодательная база рассматриваемой области находится на стадии повседневного развития во многих странах, являющихся членами Европейского Союза. Например, в Германии в 2017 г. был разработан и принят Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях. Данный нормативный акт регулирует процессы функционирования интернет-ресурсов. Так, в случае поступления большого количества жалоб на конкретный контент, расположенный на опре-

деленной платформе в течение отчетного периода (1 года), данная онлайн-платформа будет обязана в течение полугода предоставить отчет о мерах, принятых в целях ограничения такого контента. Такие жалобы должны быть незамедлительно приняты на рассмотрение администрацией сайта, в противном случае будет наложен штраф в сумме до 5 000 000 евро.

В 2021 г. законодательными органами Великобритании был опубликован Закон «О безопасности в Интернете», положения которого регламентировали аспекты борьбы с незаконным контентом. Данный акт также предусматривал систему штрафования (до 10 % от прибыли) и санкции уголовного характера за несоблюдение законных требований к размещаемому контенту и отсутствие контроля администрацией сайта за материалами, расположенными на нем [10].

Французское правительство хоть и настаивает на важности права выражения мнения в телекоммуникационных сетях, однако учитывая увеличение количества противоправного контента, подталкивает власти к активизации диалога на международном уровне для выработки согласованных регуляторных мер. В начале 2021 г. Правительство Франции вносит изменения в национальный закон «Об утверждении принципов Республики», который своими положениями закрепляет обязанность интернет-платформ выполнять требования по борьбе с деструктивными материалами. Данные изменения в законодательстве произведены с целью наложения на социальные сети «обязательства по средствам и прозрачности». От них требуется описать свою политику в отношении модерации деструктивного контента: сколько контента было удалено, в какие сроки, по какой причине и т. д. Также теперь законом предусмотрена возможность подачи апелляции пользователями [11].

Возвращаясь к отечественной системе превенции противоправного контента в сети Интернет, стоит отметить, что, помимо разработанных программ мониторинга сетевых нарушений, существенный вклад в развитие данной области вносит взаимодействие общественных организаций с Генеральной прокуратурой РФ, Роскомнадзором, судебными инстанциями и Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам (Федеральная служба безопасности РФ).

Таким образом, работа государственных регуляторов в части охраны телекоммуникационных платформ от деструктивных материалов в первую очередь состоит в нормативно-правовой основе регламентации функционирования сайтов. Учет

постоянного обновления возможностей технологий, на базе которого разрабатываются системы обнаружения противоправного контента, с использованием возможностей цифрового интеллекта отражает осведомленность правительства в данной области. Кроме того, международное и межгосударственное сотрудничество также играет значительную роль в борьбе с незаконной информацией, размещаемой в интернет-пространстве.

2. Аспекты деятельности добровольных объединений по борьбе с противоправным контентом

Проблематика распространения деструктивного контента в сети требует более активного вмешательства не только органов государственной власти, но и самих пользователей информационного поля. Именно эта потребность и стала отправной точкой становления и развития киберволонтерства.

Работа вышеуказанных организаций строится на выполнении задач по мониторингу размещенного в рамках телекоммуникационных платформ контента¹. Кроме того, на киберволонтеров возложена обязанность по проведению адресных превентивных мероприятий среди наиболее подверженной влиянию противоправной информации категории пользователей².

Для этого необходимо рассмотреть систему анализа выявления незаконной информации, а также аспекты качественного мониторинга контента, предполагающего наличие у участника киберволонтерского движения определенного уровня знаний, в т. ч. касающихся отечественного законодательства в соответствующей области.

При осуществлении мониторинга незаконных материалов участнику киберволонтерской деятельности необходимо делать акцент на понимании противоправных явлений, закрепленных в нормативных источниках. Опора на законодательную базу в процессе осуществления своих обязанностей способствует повышению эффективности и устранению возможных пробелов при

работе с противоправным контентом. В процессе осуществления своей работы часто участники киберволонтерства сталкиваются с контентом экстремистской, наркотической и суицидальной направленности [12, с. 24–25].

Усвоение структурных элементов экстремистского контента должно быть основано на информации, содержащейся в Федеральном законе Российской Федерации № 114 «О противодействии экстремистской деятельности»³. Кроме того, стоит обращать внимание на разработанную Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации, содержащую в себе планы до 2025 г.⁴

По сути своей, экстремистским контентом является та информация, которая содержит в себе призыв к осуществлению действий соответствующей направленности либо оправдывающая необходимость её осуществления [6].

Кроме контента экстремистского содержания, в процессе осуществления мониторинга социальных сетей и иных интернет-ресурсов киберволонтеры часто сталкиваются с материалами террористического характера. При проведении анализа и оценки такого контента необходимо руководствоваться законодательными актами соответствующего содержания⁵, в соответствии с которыми терроризм является идеологией насилия и способом воздействия на решения, принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления. Так, особенности террористического контента заключаются в распространении идей террористического характера, символики таких организаций, изображений и текстовых описаний известных террористов, суть которых заключается в поддержке их действий и положительном к ним отношении, а также инструкций по изготовлению взрывных устройств, методики ведения партизанской войны и т. д.

Оценка сущности пронаркотических материалов базируется на содержании Федерального

³ О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, содержащая планы до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2018 № 2950-р.

² Методические рекомендации для образовательных организаций высшего образования Российской Федерации по формированию медиа- и киберволонтерских отрядов на базе образовательных организаций высшего образования «О направлении информации» [Электронный ресурс]: письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 22.03.2022 № МН-6/115. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

закона Российской Федерации № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹ и Стратегии государственной антинаркотической политики, утвержденной на период до 2030 г.² Существуют различные формы наркотического контента, публикуемого в социальных сетях, мессенджерах и на платформах поисковых систем. К таким формам относится реклама, пропаганда наркотического образа жизни, вербовка в схемы наркооборота, каналы продажи психотропных веществ и т. д.

Следующим видом деструктивного контента выступают материалы суицидальной направленности. Анализ и оценка такой информации основываются на базе знания положений Федерального закона Российской Федерации № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³ (далее — Федеральный закон № 436-ФЗ). Подобного рода материалы размещаются чаще всего в тематических сообществах и группах, а также обладают такими специфическими чертами, как: описание способов самоубийства, изображения порезов, сцен смерти и иного подобного шокирующего контента, героизация подростков, совершивших самоубийство, а также побуждение к аналогичным действиям.

Главная особенность мониторинга противоправного контента в сети Интернет заключается в том, что, помимо наличия специальных знаний в данной области, необходимо также учитывать возрастную ценз участников такой деятельности. В силу положений Федерального закона № 436-ФЗ мониторинг противоправного контента не могут осуществлять лица, не достигшие возраста 18 лет. Кроме того, совершеннолетние граждане, привлеченные к киберволонтерской деятельности, должны обладать высоким уровнем психологической устойчивости в силу специфики выявляемого контента [13, с. 55].

Помимо наработанных знаний в области законодательной базы, киберволонтер должен обла-

дать навыками поиска информации. Как уже было упомянуто выше, данный поиск осуществляется ручным или автоматизированным способом. Целесообразно использование двух методов в совокупности в силу нивелирования пробелов и того и другого метода. Стоит отметить, что автоматизированная система на основании прописанных программ формирует для человека условное поле анализа контента на предмет его незаконности.

Заключительной задачей киберволонтерства является систематизация и передача найденного противоправного контента в территориальные органы МВД России. Именно на этой основе и строится взаимодействие добровольных волонтерских организаций с органами МВД России. Четко выстроенная система взаимодействия способствует оперативному реагированию на материалы деструктивного характера.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что основными особенностями мониторинга деструктивного контента сети Интернет киберволонтерами, несомненно, выступают: знание нормативно-правовой основы нашего государства в соответствующей области, наличие определенных знаний, умений и навыков в поиске информации, способность к анализу и оценке конкретного контента на предмет его противоправности, а также четкая система взаимодействия, а именно передачи найденного материала в органы внутренних дел.

Как уже было отмечено выше, необходимость содействия пользователей интернет-ресурсов в направлении поиска противоправного контента стала отправной точкой создания киберволонтерских объединений [14, с. 18]. Так, на базе образовательных организаций МВД России была сформирована сеть клубов «Киберполицейский».

Впервые в городе Белгороде было разработано Положение о клубе «Киберполицейский», утвержденное приказом БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина от 25.10.2023 № 516. Согласно данному локальному правовому акту указанное объединение является добровольной, самоуправляемой организацией курсантов, слушателей, профессорско-преподавательского состава Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина и осуществляет свою деятельность в рамках взаимодействия филиалов кафедр института с территориальными органами внутренних дел⁴.

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1998 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О закреплении Положения о клубе «Киберполицейский» Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина: приказ БелЮИ МВД России

Кроме того, настоящее положение закрепляет нормативную основу функционирования клуба, базу организационной деятельности и ряд задач, стоящих перед участниками объединения. Так, основные задачи киберполицейских заключаются:

- в формировании теоретических и практических навыков поиска и фиксации деструктивного контента, включая материалы с признаками провокации информационной войны, детерминирующей совершение правонарушений, информации антиобщественного содержания и т. д.;

- проведении занятий по повышению качественного уровня знаний в области технологий, информационной безопасности и цифровой грамотности учащихся.

Управление клуба осуществляется его руководителем в лице начальника кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел и заместителем руководителя. На руководство возложены обязанности по организации и направлению работы клуба, назначению заседаний и постановке необходимых для рассмотрения вопросов к нему, формированию плана деятельности, привлечению участников, организации системы поощрения участников, а также направлению выявленной информации противоправного характера в территориальные органы внутренних дел.

В структуре данного объединения оказание помощи руководству клуба возлагается на секретаря, назначенного из числа курсантов и слушателей института. Секретарь, помимо непосредственного участия в жизни клуба, может вносить предложения, повышающие эффективность его работы, оказывать помощь руководителю в составлении плана заседания, а также информировать участников объединения о деталях следующего заседания.

Члены данного клуба являются основным ресурсом выявления и фиксации деструктивного контента в сети Интернет, поскольку на них возложена обязанность по осуществлению поиска противоправных материалов и информированию руководителя о результатах проведенной работы.

Особенности организации функционирования клуба заключаются в обязательстве неразглашения информации, составляющей конфиденциальную основу клуба, и иных сведений, которые каким-либо образом могут нарушать права граждан.

Говоря о значении деятельности данной организации, стоит отметить, что на проведенном

имени И. Д. Путилина от 25.10.2023 № 516 // Нормативно-правовая база БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 1.

в мае 2024 г. открытом заседании клуба «Киберполицейский» были осуществлены мероприятия по оказанию непосредственного содействия территориальным органам МВД России. Так, выявленная информация с содержанием потенциальных угроз объектам транспортной инфраструктуры, имеющая признаки подготавливаемых преступлений, в т. ч. агитации к их совершению, и иного противоправного характера, была передана представителям отдела уголовного розыска, подразделений по раскрытию хищений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий, и отдела по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий УМВД России по Белгородской области. Кроме того, на данном заседании были подведены итоги работы клуба и обсуждены аспекты межструктурного сотрудничества, а также сотрудниками указанных подразделений даны рекомендации по повышению эффективности деятельности клуба [15].

Таким образом, система сети клубов «Киберполицейский», сформированная для оказания помощи органам МВД России, находится на стадии постоянного развития и пополнения своих ресурсов. Работа клуба как добровольной волонтерской организации вносит существенный вклад в достижение целей по декриминализации телекоммуникационного пространства сети Интернет.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в связи с современным уровнем развития общества и технологий ключевой задачей правоохранительных органов считается контроль за материалами, попадающими в глобальную сеть, в т. ч. в мессенджеры, социальные сети и видеохостинги.

Нами установлено, что противоправный контент представляет собой информацию любого формата, содержание которой не соответствует действующему законодательству или нарушает его. Определяя классифицирующие признаки противоправного контента, проведенный нами анализ показал, что ряд государств выделяет два вида контента: незаконный и вредный. К первому виду относятся материалы, размещаемые с нарушением общепринятых нормативных положений, т. е. это те данные, которые противоречат нормам уголовного, административного, гражданского права и иного законодательного акта. Также выделяется информация, за размещение которой предусмотрена уголовная ответственность. Второй же вид контента определяется в зависимости от действующей нравственной и культурной специфики общества и особенностей менталитета.

Также несмотря на наличие русскоязычного сегмента сети Интернет, законодательно закрепленной классификации противоправного контента в нашей стране на сегодняшний день нет. Данный факт, по нашему мнению, считается упущением, поскольку внесение в Федеральный закон Российской Федерации от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» понятийного аппарата противоправного контента позволит повысить эффективность выявления и профилактики распространения незаконных материалов органами и общественными учреждениями соответствующей направленности.

Учитывая постоянное развитие телекоммуникационных возможностей, вопросы построения систем поиска противоправного контента становятся все более простыми и эффективными. Работа организаций, связанная с охраной телекоммуникационных платформ от деструктивных материалов, первоочередно состоит в нормативно-правовой основе регламентации функционирования сайтов. Учет постоянного обновления возможностей технологий, на базе которых разрабатываются системы обнаружения противоправного контента, с использованием возможностей цифрового интеллекта отражает осведомленность правительства в данной области. Кроме того, международное сотрудничество

и взаимодействие государственных регуляторов в сфере кибербезопасности также играют значительную роль в борьбе с незаконной информацией, размещаемой в интернет-пространстве.

Кроме того, нами установлено, что основными особенностями мониторинга деструктивного контента сети Интернет киберволонтерами, несомненно, выступают: знание нормативно-правовой основы нашего государства в соответствующей области, наличие определенных знаний, умений и навыков в поиске информации, способность к анализу и оценке конкретного контента на предмет его противоправности, а также четкая система взаимодействия, а именно передача найденного материала в органы внутренних дел.

Одним из ярких примеров киберволонтерской деятельности является сформированная на базе образовательных организаций МВД России сеть клубов «Киберполицейский». Так, выявленная клубом информация с содержанием потенциальных угроз интересам государства и обществ, имеющая признаки подготавливаемых преступлений, в т. ч. агитации к их совершению, и иного противоправного характера, передается представителям территориальных органов МВД России по Белгородской области.

Таким образом, работа клуба как добровольной волонтерской организации вносит существенный вклад в достижение целей по декриминализации телекоммуникационного пространства сети Интернет.

Список источников

1. ТАСС: Роскомнадзор в 2024 году заблокировал более 170 тыс. страниц с запрещенным контентом. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20568701> (дата обращения: 19.01.2025).
2. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде: сборник статей / сост. В. В. Каберник. М., 2022.
3. Explanatory Report to the Convention on Cybercrime // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16800cce5b> (дата обращения: 19.08.2024).
4. Commission Recommendation (EU) 2018/334 of 1 March 2018 on measures to effectively tackle illegal content online. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-recommendation-measures-effectively-tackle-illegal-content-online> (дата обращения: 11.02.2025).
5. Кириллова Н. М. Негативный контент в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 4. С. 116–127.
6. Сикорская Л. Е. Организация добровольческой деятельности в городской среде: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2019. 212 с.
7. Роскомнадзор запустил интеллектуальную систему отслеживания незаконного контента в интернете «Окулус». URL: <https://habr.com/ru/News/716464/> (дата обращения: 28.01.2025).
8. Ашуров И. В России включили «Окулус»: что это за система, как работает и какой запрещенный контент ищет. URL: <https://vm.ru/technology/1031988-v-rossii-vklyuchili-okulus-chto-eto-za-sistema-kak-rabotaet-i-kakoj-zapreshennyj-kontent-ishet> (дата обращения: 28.01.2025).

9. Олифиренко А. А. Блокировка информационных ресурсов как предварительная обеспечительная мера // Сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Саратов, 2022. С. 273–276.
10. Саунина Е. В., Бажина И. Д. Международный опыт правового регулирования противодействия информационному терроризму // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 108–115.
11. Бауэр Е., Салаватова А., Шихалиев Р. Образовательная среда университета как средство профилактики идеологии экстремизма среди молодежи // Успехи социальных наук, образования и гуманитарных исследований. Париж: Атлантик Пресс, 2018. Том 288.
12. Кудинов А. В. Волонтерские геоинформационные системы в управлении муниципалитетами и регионами // Информационное общество и власть. 2022. С. 24–25.
13. Конвисарева Л. П. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2019.
14. Иванов К. А., Кудинов А. В., Кампанья М., Марков Н. Г. Волонтерские геоинформационные системы в управлении муниципалитетами и регионами // Информационное общество и власть. 2014. № 3. С. 10–19.
15. Открытое заседание клуба «Киберполицейский». URL: <https://белюи.мвд.рф/Press-sluzhba/novosti/item/50544922/> (дата обращения: 29.01.2025).

References

1. TASS: Roskomnadzor v 2024 godu zablockiroval bolee 170 tys. stranic s zapreshchennym kontentom. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20568701> (data obrashcheniya: 19.01.2025).
2. Protivodejstvie ideologii terrorizma i ekstremizma v obrazovatel'noj sfere i molodezhnoj srede: sbornik statej / sost. V. V. Kabernik. M., 2022.
3. Explanatory Report to the Convention on Cybercrime // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16800cce5b> (data obrashcheniya: 19.08.2024).
4. Commission Recommendation (EU) 2018/334 of 1 March 2018 on measures to effectively tackle illegal content online. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-recommendation-measures-effectively-tackle-illegal-content-online> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
5. Kirillova N. M. Negativnyj kontent v informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet: problemy opredeleniya i klassifikacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2018. № 4. S. 116–127.
6. Sikorskaya L. E. Organizaciya dobrovol'cheskoj deyatel'nosti v gorodskoj srede: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Izd-vo Nacional'nogo instituta biznesa, 2019. 212 s.
7. Roskomnadzor zapustil intellektual'nyu sistemu otslezhivaniya nezakonnogo kontenta v internete «Okulus». URL: <https://habr.com/ru/News/716464/> (data obrashcheniya: 28.01.2025).
8. Ashurov I. V Rossii vklyuchili «Okulus»: chto eto za sistema, kak rabotaet i kakoj zapreshchennyj kontent ishet. URL: <https://vm.ru/technology/1031988-v-rossii-vklyuchili-okulus-chto-eto-za-sistema-kak-rabotaet-i-kakoj-zapreshchennyj-kontent-ishet> (data obrashcheniya: 28.01.2025).
9. Olifirenko A. A. Blokirovka informacionnyh resursov kak predvaritel'naya obespechitel'naya mera // Sbornik statej po materialam XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov i aspirantov. Saratov, 2022. S. 273–276.
10. Saunina E. V., Bazhina I. D. Mezhdunarodnyj opyt pravovogo regulirovaniya protivodejstviya informacionnomu terrorizmu // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2022. № 1. S. 108–115.
11. Bauer E., Salavatova A., Shihaliyev R. Obrazovatel'naya sreda universiteta kak sredstvo profilaktiki ideologii ekstremizma sredi molodezhi // Uspekhi social'nyh nauk, obrazovaniya i gumanitarnykh issledovanij. Parizh: Atlantis Press, 2018. Tom 288.
12. Kudinov V. A. Volonterskie geoinformacionnye sistemy v upravlenii municipalitetami i regionami // Informacionnoe obshchestvo i vlast'. 2022. S. 24–25.
13. Konvisareva L. P. Volonterskoe dvizhenie kak faktor razvitiya social'noj aktivnosti molodezhi: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kostroma, 2019.
14. Ivanov K. A., Kudinov A. V., Kampan'ya M., Markov N. G. Volonterskie geoinformacionnye sistemy v upravlenii municipalitetami i regionami // Informacionnoe obshchestvo i vlast'. 2014. № 3. S. 10–19.

15. Otkrytoe zasedanie kluba «Kiberpolicejskij». URL: <https://belyui.mvd.rf/Press-sluzhba/novosti/item/50544922/> (data obrashcheniya: 29.01.2025).

Информация об авторах

В. Л. Акапьев — кандидат педагогических наук.

Е. Г. Ковалева — кандидат технических наук.

Information about the authors

V. L. Akapryev — Candidate of Science (Pedagogic).

E. G. Kovaleva — Candidate of Science (Engineering).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 62–68.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 62–68.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:395.1

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СПИСОЧНОГО УЧЕТА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Алексей Геннадьевич Гришаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, grishakovag@buimvd.ru

Аннотация. В исследовании проводится анализ изменений, затронувших нормативные правовые акты, регулирующие деятельность полиции, связанную с наблюдением за гражданами с психическими расстройствами, а также больными алкоголизмом или наркоманией, которые представляют какую-либо опасность для других лиц. Автором проведен ретроспективный анализ законов и ведомственных приказов, затрагивающих различные аспекты общей и индивидуальной профилактики участковых уполномоченных полиции с данной категорией субъектов. Приводятся объективные причины, не позволявшие ранее предоставлять медицинским организациям запрашиваемые сведения в полицию. Перечисляются и раскрываются административно-правовые нормы отдельных федеральных законов, регламентирующих межведомственное взаимодействие МВД России и Минздрава России в вопросах получения информации о лицах, подлежащих внесению в списочный учет участковых уполномоченных полиции, в целях наблюдения за ними и осуществления профилактической работы на территории административного участка.

Ключевые слова: административный участок, врачебная тайна, правонарушение, участковый уполномоченный полиции, защита персональных данных, профилактическая работа, списочный учет, представляющие опасность для окружающих психические расстройства, больные алкоголизмом или наркоманией, правоприменительная деятельность

Для цитирования: Гришаков А. Г. Профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции в контексте списочного учета отдельных категорий лиц // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 62–68.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PREVENTIVE ACTIVITIES OF THE POLICE STATION AUTHORIZED POLICE OFFICER IN THE CONTEXT OF LISTING SOME CATEGORIES OF PERSONS

Alexej G. Grishakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
grishakovag@buimvd.ru

Abstract. The article lists and explains the administrative and legal norms of certain federal laws that regulate the interdepartmental cooperation between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Health of the Russian Federation in obtaining information about individuals who are subject to registration by police district commissioners in order to monitor them and carry out preventive work in the administrative territory.

Keywords: administrative area, medical confidentiality, offense, district police officer, personal data protection, preventive work, list registration, mental disorders that pose a danger to others, patients with alcoholism or drug addiction, law enforcement activities

For citation: Grishakov A. G. Preventive activities of the police station authorized police officer in the context of listing some categories of persons. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:62–68 (In Russ.).

В многоуровневой системе профилактики административных правонарушений и преступлений, осуществляемой органами внутренних дел, бесспорно, ключевую позицию занимают подразделения участковых уполномоченных полиции, обеспечивающие правопорядок в жилом секторе. Как известно, участковый уполномоченный полиции в рамках повседневной служебной деятельности на административном участке вносит существенный вклад в общую и индивидуальную профилактику.

В настоящее время, участвуя в мероприятиях по профилактике правонарушений, участковый уполномоченный полиции формирует списки четырех категорий лиц. Во-первых, это обеспечивает оперативный доступ к информации, содержащей сведения о персональных данных. Во-вторых, позволяет вести систематическое наблюдение за поведением контролируемых лиц в быту. В-третьих, способствует планированию профилактической работы по месту жительства, пребывания, работы или учебы таких лиц. В-четвертых, создает осознание со стороны подконтрольных лиц проводимой с ними индивидуальной работы. В-пятых, сокращает временные затраты реагирования на обращения граждан и должностных лиц иных правоохранительных органов.

В рамках научной статьи мы проведем детальный анализ лишь двух категорий граждан. Первая — лица, страдающие психическими расстройствами, состоящие на учете в медицинской организации и представляющие опасность для окружающих. Вторая — больные алкоголизмом или наркоманией и представляющие опасность для окружающих.

Очевидно, что общая и индивидуальная профилактика участкового уполномоченного полиции, нацеленная прежде всего на предупреждение асоциального поведения указанных лиц и позитивное мировосприятие ими окружающей действительности, является своеобразным барьером от более тяжких преступных посягательств. Причем такие посягательства могут затрагивать как близкое окружение субъекта профилактики, так и иных лиц, соприкасающихся с ним в различных правоотношениях, например соседей по лестничной площадке или подъезду в многоквартирном доме, специалистов жилищно-коммунального хозяйства или обслуживающей управляющей компании, сотрудников различных социальных служб. К сожалению, иногда такие лица не попадают в поле зрения участкового уполномоченного полиции

и впоследствии совершают преступления различной тяжести.

Данные происшествия, как правило, имеют большой общественный резонанс и широко освещаются в прессе и на страницах различных интернет-ресурсов. Так, гражданин «Б» из Нижнего Новгорода, совершивший убийство своей матери, жены и шестерых детей, имел диагноз «шизофрения» и не наблюдался у врача-психиатра более 14 лет [1]. В Кемеровской области мужчина, страдающий шизофренией, убил жестоким способом своего брата и отца, предварительно избив их топором и оставив умирать в подвале дома [2]. В московской области гражданин «К» с диагнозом «острое психическое расстройство с симптомами шизофрении» нанес кухонным ножом тяжелые травмы своей матери [3].

В этой связи ведение списочного учета и внесение в него граждан, обратившихся в медицинские организации за специализированной помощью, позволяют сотрудникам полиции своевременно выявлять и профилактировать указанную категорию лиц. Напомним, что год назад были внесены изменения в ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий служебную деятельность участковых уполномоченных полиции¹, в результате которых профучетные лица, страдающие алкогольной зависимостью и наркоманией, переместились в списочный учет. Причем, если ранее на профилактический учет попадали все субъекты, находящиеся на учете в медицинской организации и неоднократно привлеченные к административной ответственности, то в списочный учет вносятся лишь лица, представляющие реальную опасность для других граждан.

Ретроспективный анализ нормативных правовых актов позволяет с уверенностью утверждать, что лицам, больным алкоголизмом и наркоманией, в последнее десятилетие уделялось особое внимание законодателя, что, безусловно, отражалось и на правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Так, изначально Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»² среди субъектов, с которыми участ-

¹ О внесении изменений в Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке и Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции, утвержденные приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 6 февраля 2024 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Документ утратил силу.

ковым уполномоченным полицией осуществлялась индивидуальная профилактическая работа, определил лиц, больных алкоголизмом и наркоманией, состоящих на учете в медицинской организации *и представляющих опасность для окружающих* (выделено авт. — А. Г.).

В своих ранних публикациях мы отмечали, что если в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих, существовали критерии, детализирующие такую опасность, то в отношении больных алкоголизмом или наркоманией они отсутствовали. Также мы обращали внимание, что словосочетание «представляющие опасность для окружающих» в связи с отсутствием в законодательстве того периода времени четкой понятийной формулировки могло интерпретироваться сотрудниками полиции по-разному [4, с. 50].

Кроме этого, в рассматриваемый период времени в большинстве субъектов Российской Федерации существовала практика направления в медицинские организации официальных запросов о получении необходимых сведений по таким лицам. Между тем в соответствии с законодательством о врачебной тайне и защите персональных данных имеющаяся информация участковым уполномоченным полицией нигде не предоставлялась.

В этой связи практические сотрудники неоднократно высказывались о целесообразности постановления на профилактический учет отдельных категорий граждан. Например, в 2013 г. ГУ МВД России по Алтайскому краю при подготовке предложений по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных полиции для последующего включения в ведомственный приказ обосновывалась необходимость исключения лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, с профилактического учета органов внутренних дел. Основанием для исключения данных субъектов также являлись многочисленные отказы региональных медицинских организаций по предоставлению запрашиваемой информации со ссылкой на федеральное законодательство, согласно которому ответ предоставляется лишь в случае возбуждения уголовного дела в отношении интересующего правоохранительные органы гражданина. В качестве альтернативы краевым главком предлагалось закрепление компетенции участковых уполномоченных полиции по ведению на административных участках списков таких лиц, но данная инициатива была отклонена [4, с. 50].

Между тем в контексте изложенного нельзя не отметить, что в 2024 г. законодатель закрепил пол-

номочия участковых уполномоченных полиции по внесению граждан, больных алкоголизмом или наркоманией и представляющих опасность для окружающих, в списочный учет, подтвердив обоснованность предложений того периода времени.

Наконец, нельзя не отметить и подход представителей медицинских организаций к рассматриваемой проблематике прошлых лет. Так, в рамках заседания секции совещания-семинара [5], проводимого ГУОООП МВД России в апреле 2017 г. в г. Ростове-на-Дону, рассматривался вопрос об особенностях работы по социализации подучетных лиц и потенциала полиции в данном направлении деятельности. По заявленной теме выступал ведущий специалист Минздрава Ростовской области, который высказался о необходимости внесения изменений в действующее законодательство и разработки совместного правового акта МВД России и Минздрава России, определяющего порядок межведомственного взаимодействия и обмена информацией о лицах, проходящих курсы лечения от алкогольной зависимости или наркомании. По мнению выступающего докладчика, в противном случае работники медицинских организаций, как и ранее, будут вынуждены не направлять интересующую полицию информацию, ссылаясь на врачебную тайну и защиту персональных данных подучетных больных.

С принятием Приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полицией на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»¹ интересующая нас категория граждан вновь подверглась определенной корректировке, что, к сожалению, никак не отразилось на порядке получения соответствующей информации из территориальных организаций Минздрава России. В частности, вновь принятый нормативный правовой акт определил, что индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции проводится с шестью категориями лиц. При этом больные алкоголизмом или наркоманией, ранее входившие в единую группу, были разделены по самостоятельным подпунктам ведомственного приказа.

Напомним, что в первоначальной редакции пункт 33.4 включал в себя лиц, больных алкоголизмом, состоящих на учете в медицинской организа-

¹ О несении службы участковым уполномоченным полицией на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции, которые в течение года два и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ. Как видим, такой элемент, как *реальная опасность для окружающих* (выделено авт. — А. Г.), характеризующий профилактируемое лицо, законодатель не посчитал нужным оставить в прежнем виде. В то же время появился элемент повторности привлечения лица к административной ответственности. Такая же ситуация наблюдалась с пунктом 33.5, включающим лиц, больных наркоманией, состоящих на учете в медицинской организации, которым в течение года два и более раза было назначено административное наказание за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9, 6.9.1, ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Заметим, что изменения, затронувшие ведомственную нормативную правовую базу, никак не отразились на правоприменительной деятельности участковых уполномоченных полиции. Как и прежде, медицинские организации не направляли в органы внутренних дел сведения о гражданах, проходящих лечение от алкогольной зависимости и наркомании.

Ситуация изменилась в марте 2025 г. после вступления в силу положений Федерального закона Российской Федерации от 22 июля 2024 г. № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В частности, были внесены дополнения в часть 4 статьи 13 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², регламентирующей порядок предоставления медицинскими организациями сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина. Пункт 3 указанной правовой нормы был изложен в новой редакции, позволяющей направлять в органы внутренних дел интересующие их сведения о лицах, больных алкоголизмом или наркоманией и представляющих опасность для окружающих. Следовательно, можно констатировать, что многолетняя проблема межведомствен-

ного взаимодействия сегодня полностью урегулирована на законодательном уровне.

На сегодняшний день в отношении лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, участковый уполномоченный полиции использует две формы профилактического воздействия, а именно проводит профилактическую беседу или объявляет официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Заметим, что профилактическая беседа, как правило, проводится в рамках индивидуальной профилактической работы с гражданами, находящимися на профилактическом учете. В то же время указанная форма воздействия может активно использоваться и с этой категорией субъектов в целях предупреждения асоциального поведения в обществе.

Ряд исследователей полагает, что реальное профилактическое влияние имеют беседы, успех которых зависит не только от умения проводить ее, но и от использования разнообразных психологических и педагогических средств воздействия на чувства и волю профилактируемого лица. В связи с этим целесообразно проведение регулярных бесед при наличии различных поводов. Более того, поводом может быть не только допущенное лицом противоправное поведение, но и позитивные факты, к примеру успехи в труде и учебе, общественной жизни, поощрения, знаменательные события в жизни [6, с. 51].

При составлении профилактических бесед лицам, больным алкоголизмом или наркоманией и представляющим опасность для окружающих, разъясняются нормы действующего законодательства, предусматривающие различные виды юридической ответственности за противоправные деяния. Кроме этого, участковый уполномоченный полиции в процессе общения мотивирует профилактируемое лицо на недопущение антисоциального, аморального образа жизни и прекращение антиобщественного поведения в быту посредством использования различных приемов и методов. К примеру, методов убеждения и принуждения, вовлечения субъекта в общественно полезную деятельность, демонстрации положительных примеров из его ближайшего окружения, а также использования помощи общественности, трудовых коллективов и волонтерских организаций.

Относительно объявления официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобществен-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2024 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственного поведения подчеркнем, что в настоящее время участковые уполномоченные полиции практически повсеместно широко используют указанную форму профилактического воздействия.

В научных публикациях можно встретить высказывания о том, что данное превентивное средство не является инновационным, с чем, конечно, нельзя не согласиться. До принятия Федерального закона Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» нормы, регламентирующие предостережение как официальный правовой акт государственных органов о недопустимости нарушений законодательства, были предусмотрены в Федеральном законе Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7, с. 50].

Непосредственная процедура реализации официального предостережения закреплена в ведомственном нормативном правовом акте МВД России¹. Официальное предостережение объявляется участковым уполномоченным полиции лишь при отсутствии в поступках профилируемого лица каких-либо асоциальных действий, влекущих за собой юридическую ответственность, и является весьма действенным механизмом административно-правового воздействия.

Кроме этого, изменения, связанные с предоставлением сведений, составляющих врачебную тайну, затронули лиц, страдающих психическими расстройствами, находящихся на учете в медицинской организации и представляющих опасность для окружающих, также состоящих на списочном учете участковых уполномоченных полиции. Так, пункт 3 части 4 статьи 13 указанного федерального закона был дополнен словами, разъясняющими, что по запросу органов внутренних дел медицинские организации предоставляют имеющиеся у них сведения о лицах, страдающих хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, в отношении кото-

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рых установлено диспансерное наблюдение в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий.

При этом пункт 5 части 4 дополнен подпунктом «г», указывающим, что предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, допускается в целях информирования органов внутренних дел о лице, страдающем психическим расстройством, в отношении которого судом назначены принудительные меры медицинского характера, или о лице, страдающем психическим расстройством, в отношении которого установлено диспансерное наблюдение, в связи с его склонностью к совершению общественно опасных действий.

Наряду с этим законодатель внес соответствующие корректировки в Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»². В целях предупреждения правонарушений ст. 30 была дополнена двумя частями, закрепившими компетенцию органов внутренних дел в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, находящимися на диспансерном наблюдении, в связи со склонностью данных лиц к совершению общественно опасных действий. Кроме того, вновь введенные нормы закрепили порядок взаимодействия и актуализации информации между медицинскими организациями и органами внутренних дел.

В целях практической реализации указанных нововведений позднее был разработан совместный Приказ Минздрава России № 56н, МВД России № 39 от 6 февраля 2025 г. «Об утверждении Порядка взаимодействия медицинских организаций и органов внутренних дел в целях осуществления наблюдения за лицами, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, в отношении которых установлено диспансерное наблюдение в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий, предусматривающего в том числе перечень передаваемых сведений, случаи и порядок информирования, перечень проводимых медицинскими организациями и органами внутренних дел мероприятий при поступлении соответствующих сведений»³.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Порядка взаимодействия медицинских организаций и органов внутренних дел в целях осуществ-

Наконец, нельзя не сказать и о редакции отдельных норм Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, регламентирующих взаимодействие полиции с различными органами исполнительной власти в отношении рассматриваемых нами категорий лиц, находящихся на списочном учете участкового уполномоченного полиции.

Итак, пункт 35 части 1 статьи 12 «Обязанности полиции» изложен в новой редакции следующего содержания: «оказывать содействие медицинским работникам в доставлении в медицинские организации по решению суда лиц, уклоняющихся от явки по вызову в эти организации, участвовать совместно с медицинскими организациями в наблюдении за лицами, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, в отношении которых установлено диспансерное наблюдение в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий, за лицами, больными алкоголизмом и (или) наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения указанными лицами преступлений и административных правонарушений, оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении недобровольной госпитализации указанных лиц в медицинские организации, а также обеспечивать медицинским работникам безопасные условия для доступа к указанным лицам и их осмотра».

Заметим, что в отличие от ранее действовавшей редакции сейчас пункт 35 определяет компетенцию полиции по наблюдению за лицами, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами *в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий* (выделено авт. — А. Г.). При этом ос-
вления наблюдения за лицами, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, в отношении которых установлено диспансерное наблюдение в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий, предусматривающего в том числе перечень передаваемых сведений, случаи и порядок информирования, перечень проводимых медицинскими организациями и органами внутренних дел мероприятий при поступлении соответствующих сведений [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России, МВД России от 6 февраля 2025 г. № 56н/39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новые элементы, составляющие опасность для окружающих, которую могут представлять лица, больные алкоголизмом или наркоманией, в рассматриваемой административно-правовой норме по-прежнему не раскрываются.

Ранее мы уже обращали внимание на то, что в таком случае участковый уполномоченный полиции должен будет самостоятельно, с учетом своего субъективного восприятия по возникшей ситуации принимать решение о наличии или отсутствии опасности для окружающих со стороны лица, больного алкоголизмом или наркоманией. В связи с этим в целях единообразного понимания правоприменителем указанной дефиниции вновь обозначаем целесообразность закрепления на законодательном уровне основных критериев, характеризующих внутреннее содержание «опасности для окружающих» со стороны рассматриваемой категории больных лиц [8, с. 68].

В контексте вышеизложенного также отметим, что участковый уполномоченный полиции при реализации основных форм профилактического воздействия должен учитывать психофизиологическое состояние рассмотренных категорий лиц, состоящих на списочном учете, в целях корректировки своих действий при обострении у таких граждан болезненных симптомов или возникновении неадекватных реакций в поведении. Более того, при содействии медицинским работникам в процессе проведения недобровольной госпитализации лиц, страдающих различными психическими расстройствами, в т. ч. при обеспечении безопасности медицинским работникам, непосредственно соприкасающимся с такими больными, следует неукоснительно соблюдать меры личной безопасности.

Представляется, что рассмотренные нами изменения, произошедшие в законодательстве, регулирующем межведомственное взаимодействие МВД России и Минздрава России, позволят участковым уполномоченным полиции своевременно получать информацию о лицах, подлежащих внесению в списочный учет, в целях последующего наблюдения за ними и проведения общей профилактики на территории административного участка. Наряду с этим полагаем, что существовавшие много лет проблемы правового характера в текущий момент полностью устранены, что, безусловно, положительно скажется на решении различных вопросов, возникающих при взаимодействии медицинских работников с органами внутренних дел.

Список источников

1. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/10_a_7678277.shtml?updated.
2. URL: <https://readovka.news/news/165108>.
3. URL: <https://ria.ru/20150827/1210047512.html>.
4. Гришаков А. Г. Индивидуальная профилактика в деятельности участкового уполномоченного полиции в современный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 48–53.
5. Программа совещания-семинара с руководителями УОДУУПиПДН, подразделений организации и осуществления административного надзора территориальных органов МВД России, входящих в состав Северо-Кавказского, Южного и Приволжского федеральных округов, по вопросам совершенствования деятельности участковых уполномоченных полиции и осуществления административного надзора / ГУОООП МВД России. Ростов-на-Дону, 2017.
6. Лихачев С. В., Ракша Н. С., Киреева А. Ф. Методы деятельности органов внутренних дел в индивидуальной профилактике правонарушений // Российский следователь. 2020. № 12. С. 48–52.
7. Кострова О. В. Правовые нюансы применения института официального предостережения в отношении несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 50–53.
8. Гришаков А. Г. Новеллы ведомственного законодательства, регламентирующего организацию деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции // Вестник Барнаульского юридического института. 2024. № 1 (46). С. 64–69.

References

1. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/10_a_7678277.shtml?updated.
2. URL: <https://readovka.news/news/165108>.
3. URL: <https://ria.ru/20150827/1210047512.html>.
4. Grishakov A. G. Individual'naya profilaktika v deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii v sovremennyj period // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 3 (63). S. 48–53.
5. Programma soveshchaniya-seminara s rukovoditelyami UODUUPiPDN, podrazdelenij organizacii i osushchestvleniya administrativnogo nadzora territorial'nyh organov MVD Rossii, vhodyashchih v sostav Severo-Kavkazskogo, Yuzhnogo i Privolzhskogo federal'nyh okrugov, po voprosam sovershenstvovaniya deyatel'nosti uchastkovykh upolnomochennykh policii i osushchestvleniya administrativnogo nadzora / GUOOOP MVD Rossii. Rostov-na-Donu, 2017.
6. Lihachev S. V., Raksha N. S., Kireeva A. F. Metody deyatel'nosti organov vnutrennih del v individual'noj profilaktike pravnarushenij // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 12. S. 48–52.
7. Kostrova O. V. Pravovye nyuansy primeneniya instituta oficial'nogo predosterezheniya v otnoshenii nesovershennoletnih // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 7. S. 50–53.
8. Grishakov A. G. Novelty vedomstvennogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego organizaciyu deyatel'nosti podrazdelenij uchastkovykh upolnomochennykh policii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 1 (46). S. 64–69.

Информация об авторе

А. Г. Гришаков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Grishakov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 69–75.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 69–75.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ МИГРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Владимир Иванович Евтушенко^{1,2}, Ольга Александровна Дизер³

¹ Управление по делам архивов Белгородской области, Белгород, Россия, 77712@live.ru

² Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

³ Омская академия МВД России, Омск, Россия, oadizer-24@mail.ru

Аннотация. В последние годы из экологической миграции постепенно начали выделять еще один вид миграционных процессов, имеющий причиной своего возникновения основания более глобального масштаба, — вынужденное перемещение людей по причине изменения климата и вызванных им угроз для жизни и здоровья человека. Учитывая, что экологическая и климатическая миграции хотя и схожие между собой, но всё же различные виды миграционных процессов, для решения вопросов приема и организации помощи в обустройстве на новом месте жительства этих категорий переселенцев необходима разработка механизма правового регулирования признания их вынужденными мигрантами с учетом особенностей каждой категории.

Ключевые слова: экологическая миграция, экологический мигрант, климатическая миграция, климатический мигрант, вынужденная миграция, глобальное потепление, чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера

Для цитирования: Евтушенко В. И., Дизер О. А. Экологическая и климатическая миграции: сравнительно-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 69–75.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ECOLOGICAL AND CLIMATE MIGRATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Vladimir I. Evtushenko^{1,2}, Olga A. Dizer³

¹ Department for Archives of the Belgorod region, Belgorod, Russia, 77712@live.ru

² Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

³ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, oadizer-24@mail.ru

Abstract. In recent years, another type of migration process has gradually begun to be distinguished from environmental migration, which has its origins on a more global scale – forced movement of people due to climate change and the threats to human life and health caused by it. This type of migration at the level of documents of international organizations, resolutions of international forums and individual scientific studies on this problem has received the name “climate migration”. Considering that environmental and climate migrations, although similar to each other, are still different types of migration processes, in order to resolve issues of reception and organization of assistance in settling in a new place of residence of these categories of migrants, it is necessary to develop a mechanism for legal regulation of their recognition as forced migrants, taking into account the characteristics of each category.

Keywords: ecological migration, ecological migrant, climate migration, climate migrant, forced migration, global warming, emergency situations of natural and man-made nature

For citation: Evtushenko V. I., Dizer O. A. Ecological and climatic migration: comparative legal analysis. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2025;3:69–75 (In Russ.).

© Евтушенко В. И., Дизер О. А., 2025

Становление в Российской Федерации миграционного права как новой отрасли права связано в том числе с созданием механизмов правового регулирования как миграционных процессов в общем, так и отдельных видов миграции в частности. К устоявшимся разновидностям миграционных процессов, получившим нормативно закреплённый механизм правового регулирования как на законодательном уровне Российской Федерации, так и в международном праве, относятся вынужденная миграция — регулирование правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев (внутриперемещённых лиц), а также процедуры их получения; трудовая миграция; туризм [1].

В то же время научно-технический прогресс, социальное развитие общества, совершенствование транспортной инфраструктуры, улучшение средств общественной коммуникации и т. д. приводят к появлению новых видов миграционных процессов, таких как экологическая миграция, образовательная миграция, медицинский туризм и т. д., не имеющих на настоящий момент ориентированных в большей степени на данный вид миграционных процессов нормативно закреплённых механизмов правового регулирования [2].

Категория вынужденных мигрантов как наиболее обездоленной части мигрантов в большей степени нуждается в помощи и защите государства [3]. Поэтому проблемы экологической миграции как одного из видов миграции вынужденной, осознание необходимости создания механизма её правового регулирования как на общегосударственном уровне, так и в системе международного права в последние годы стали объектом пристального внимания со стороны как отдельных правоведов, так и международных организаций, в т. ч. и на межгосударственном уровне [4]. Главная сложность при разработке нормативно-правового механизма регулирования экологической миграции заключается в том, что данный вид миграционных процессов неоднороден и включает в себя целый ряд вынужденных перемещений людей пусть по схожим, но достаточно различающимся обстоятельствам [5]. В их число входит и вынужденная миграция по причине:

- природных катаклизмов — землетрясений, наводнений, ураганов и т. д.;
- неурожая и, как следствие, голода в результате биологических факторов, таких как нашествие вредителей, насекомых и т. д.;
- произошедших техногенных аварий на промышленных объектах, приводящих к опасным для жизни и здоровья человека последствиям — ради-

ационному загрязнению местности, химическому или бактериологическому заражению и т. д.;

- неразумной природохозяйственной деятельности человека, приводящей на определенной территории к долговременным опасным для жизни и здоровья человека изменениям окружающей среды, в т. ч. климатическим. Среди них: невосполняемая массовая вырубка лесов; деградация земли и эрозия почвы; неразумная мелиорационная деятельность, приводящая к обезвоживанию и опустыниванию обширных территорий (наиболее характерный пример — зона экологического бедствия в Приаралье) и т. д.;
- уничтожения жилья, гражданской инфраструктуры, природных ландшафтов и сельскохозяйственных насаждений в результате военных действий.

В настоящее время из экологической миграции постепенно начали выделять еще один вид миграционных процессов, формально относящийся к третьей группе экологической миграции из вышеперечисленных, но имеющий причиной своего возникновения основания более глобального масштаба — вынужденное перемещение людей по причине изменения климата и вызванных им негативных для жизни и здоровья человека последствий, в т. ч., например, в результате наступающего глобального потепления. Данный вид миграции получил на уровне документов международных организаций, резолюций международных форумов и отдельных научных исследований по данной проблеме определение «климатическая миграция».

Несмотря на то что зачастую экологические и климатические виды миграционных процессов рассматривают в комплексе, а климатическую миграцию нередко считают только разновидностью экологической миграции [6], тем не менее объем миграционных перемещений, равно как и масштаб прогнозных показателей по данному виду вынужденной миграции, заставляет с всё большим вниманием относиться к данной проблеме, всё чаще встающей перед человечеством в целом и отдельными государствами в частности. В то же время, как отмечалось, оценка масштабов климатической миграции в различных источниках существенно разнится — от нескольких миллионов [7] до миллиарда [8], до 1,2 миллиардов [9] и даже до 1,5 миллиардов климатических беженцев к 2050 г. [10]. Впрочем, необходимо отметить, что, как правило, данные прогнозы ничем научно и методологически не обосновываются, и отсутствуют ссылки на конкретные научные исследования по данной проблеме. Многочисленные публикации по климатиче-

ской миграции в средствах массовой информации, интернет-пространстве и телеграм-каналах, как правило, носят откровенно популистский характер и не имеют под собой научной базы [11].

Одна из основных причин подобного положения — отсутствие более-менее признанного определения понятия «климатическая миграция» и «климатический мигрант». Выработка четкого понятийного аппарата — основа для оценки масштабов проблемы, идентификации климатических мигрантов, определения их правового статуса, механизма нормативно-правового регулирования работы с данной категорией вынужденных мигрантов и, соответственно, принятия соответствующих управленческих решений на уровне государства. В первую очередь необходимо четко понимать, что такое климатическая миграция, кто такой климатический мигрант и, соответственно, определиться с данными понятиями.

Жесткой дефиниции, как например, определение «беженец», закрепленное в Конвенции ООН 1951 г. «О правовом статусе беженца»¹ и протоколе к ней², а также признанное большинством государств мира, в т. ч. Россией³, понятия «климатическая миграция», «климатический мигрант» не имеют. В то же время есть ряд определений, которые используются рядом международных организаций. Так, например, наиболее авторитетное мнение по данному вопросу сформулировано в решении Комитета ООН по правам человека по индивидуальному обращению № 2728/2016 («Иоан Тейтиот против Новой Зеландии»), которое констатировало, что право на климатическую миграцию необходимо рассматривать в широком контексте права человека на достойную жизнь, а изменение климата приводит к существенной угрозе его реализации, требующей «активных национальных и международных усилий» для нейтрализации данной угрозы, и рекомендовало при рассмотрении дел климатических мигрантов оценивать «разумно предсказуемый» риск реализации права на жизнь климатического мигранта [12].

¹ Конвенция о статусе беженцев: принята конференцией полномочных представителей 25.07.1951 // Действующее международное право: в 3 т. М.: Издат. МНИМП, 1996. Т. 1. 864 с.

² Протокол, касающийся статуса беженцев: принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2198 (XXI) 16 декабря 1966 года // Действующее международное право: в 3 т. М.: Издат. МНИМП, 1996. Т. 1. 864 с.

³ О беженцах: Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (в ред. федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 № 280-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 425.

Таким образом, на уровне ООН было признано, что климатическая миграция является разновидностью миграции вынужденной и климатические мигранты также нуждаются в защите своих прав и свобод как на национальном, так и на международном уровнях. В ООН рассмотрение данных вопросов в числе прочих находится в компетенции главного органа организации по вопросам беженцев и других категорий вынужденных мигрантов — Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Управление определяет климатическую миграцию как вынужденное перемещение людей, вызванное изменением климата и как постепенными стихийными бедствиями, такими как глобальное потепление, продолжительная засуха, опустынивание, деградация окружающей среды, повышение уровня моря, так и внезапными: аномально сильные дожди, ураганы, тайфуны, циклоны и т. д. [13].

Похожего определения придерживается и Международная организация по миграции (МОМ) — одна из крупнейших международных организаций, оказывающая содействие правительствам различных государств в рамках реализации разнообразных программ по содействию в регулировании миграционных процессов. Она определяет климатических мигрантов как лиц, перемещенных через границы в условиях стихийных бедствий и изменения климата [14]. В юридической литературе, рассматривающей климатическую миграцию как социальное явление и объект правового регулирования, при определении её дефиниции придерживаются схожих понятий [15, 16, 17].

Таким образом, можно сделать вывод, что в представлении мирового альянса и научного сообщества совершенно четко сложилось мнение, что климатическая миграция представляет собой схожий с экологической миграцией, но в то же время отдельный вид миграционных процессов.

Принимая сложившееся в документах международных организаций и научных исследованиях по данной теме определение понятия «климатическая миграция», можно проанализировать её основные отличия от миграции экологической. Здесь основным фактором будет то, что экологическая миграция — это прежде всего добровольная или принудительная вынужденная миграция по причине угрозы жизни и здоровью людей в результате нарушения права человека на благоприятную окружающую среду по причине чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [18, с. 15], возникающих в результате угрожающе-

го жизни и здоровью людей происходящего либо прошедшего:

- стихийного бедствия, не связанного с климатическими процессами, например с извержением вулкана, землетрясением и т. д.;

- кратковременного климатического явления, приводящего к катастрофическим последствиям, как, например, урагана, длительных дождей, приводящих к наводнению и т. д.;

- техногенной аварии, приводящей к крупномасштабному разрушению жилых помещений, гражданской и энергетической инфраструктуры, опасности проживания в зоне чрезвычайной ситуации в силу возможного химического, радиационного или бактериологического заражения территории в районе произошедшего катаклизма;

- массового разрушения жилья и систем жизнеобеспечения, а также возможного возникновения других неблагоприятных экологических обстоятельств в результате проведения военных действий.

К экологической миграции также относится вынужденное добровольное или принудительное перемещение людей в результате образования зон экологического бедствия вследствие неразумной природохозяйственной деятельности человека, как, например, деградация ландшафта и эрозия почвы в результате массовой вырубке лесов или хищнического ведения сельского хозяйства, опустынивание территорий в результате проведения иррациональной мелиорационной деятельности и т. д.

В соответствии с определением климатической миграции к ней относится прежде всего вынужденное перемещение людей вследствие изменения климата, являющегося результатом длительного действия природных, но чаще антропогенных факторов как на определенной территории, так и на всей земной поверхности в целом. Наиболее показательным, знаковым примером климатической миграции является вынужденная миграция по причине продолжающегося глобального потепления, приводящего к возникновению целого ряда факторов, вызывающих на определенных территориях невозможность проживания, угрозу жизни и здоровью, нарушение права человека на благоприятную окружающую среду. К ним можно отнести повышение уровня мирового океана и, как следствие, затопление прибрежной территории и даже некоторых островов [19]; вызванную в некоторых районах Земли ростом среднегодовой температуры продолжительную засуху и, как следствие, опустынивание, деградацию окружающей

среды, снижение плодородия почвы, приводящие к нищете, голоду, а также к вспышке различных эпидемий и болезней [20]. Изменение климата на определенной территории могут вызвать и локальные антропогенные действия, например массовая вырубка лесов, неразумная мелиорационная деятельность и т. д.

Всё более возрастающая массовость данных социальных явлений ставит перед международным сообществом и отдельными государствами вопросы необходимости создания процедуры признания, легализации и выработки механизма оказания помощи, в т. ч. в обустройстве на новом месте жительства, именно этим категориям мигрантов. А учитывая, что экологическая и климатическая миграции хотя и схожие между собой, но всё же различные виды миграционных процессов, для решения вопросов приема и организации помощи в обустройстве на новом месте жительства необходима разработка присущего только данной категории переселенцев механизма правового регулирования процедуры рассмотрения ходатайств и признания их вынужденными мигрантами.

Кроме того, необходимо учитывать ещё один фактор. Так, например, в рамках рассмотрения так называемой концепции «толчка-притяжения» — теории, описывающей инициацию миграционных процессов, предпосылкой, лежащей в основе любого миграционного процесса, являются два фактора: толчок — побудительный аспект, отражающий желание покинуть район своего постоянного места жительства, и элемент притяжения — обстоятельства, считающиеся интересными и привлекательными на других территориях или в других странах, являющихся конечной целью планируемого переселения [21, с. 120]. В то же время необходимо учитывать, что побудительный мотив любого миграционного процесса, как неоднократно отмечалось [22, 23], практически не бывает один. Обычно причин миграции несколько, и они бывают настолько тесно переплетены, что даже мигрант не может точно определить, что является истинным побудительным мотивом переселения. Это могут быть экологические проблемы на территории проживания мигранта; недовольство климатическими изменениями; вызванные данными обстоятельствами экономические затруднения, перебои с продовольственным обеспечением или возникшее в силу проблемной и неразрешаемой ситуации противостояние с государственной или местной властью либо конфликты на национальной, религиозной или иной почве с местным населением и т. д.

Особенности каждой категории мигрантов, как и другие сопутствующие факторы, в т. ч. рассмотренные в настоящей статье, должны быть учтены в ходе дальнейшей разработки специализированных нормативных актов. В качестве основопола-

гающей базы могут быть взяты Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах»¹ в случае рассмотрения вопросов внутренне перемещенных лиц и Закон Российской Федерации «О беженцах» в случае внешних мигрантов.

Список источников

1. Хабриева Т. Я. Миграционное право России: теория и практика. М.: Юридическая фирма «КОНТАКТ», 2008. 336 с.
2. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 26–29.
3. Дизер О. А. Правозащитный аспект вынужденной миграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 1 (140). С. 100–103.
4. ИОМ. Environmental migration portal. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/platform-disaster-displacement/> (дата обращения: 06.03.2025).
5. Евтушенко В. И. Экологическая миграция: понятие, виды, место в отечественной правовой системе // Миграционное право. 2010. № 2. С. 13–18.
6. Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Научные труды вольного экономического общества России. 2019. № 2. С. 236–256.
7. В ООН назвали число климатических беженцев в мире. URL: <https://regnum.ru/news/3652689> (дата обращения: 06.03.2025).
8. 2050 год, 1 миллиард климатических беженцев. Как управлять (или избежать) великого исхода. URL: <https://ru.futuroprossimo.it/2022/07/rifugiati-climatici/> (дата обращения: 06.03.2025).
9. В 2050 году в мире будет 1,2 млрд климатических беженцев. URL: <https://upl.uz/policy/38276-news.html> (дата обращения: 06.03.2025).
10. Climate Change Will Create 1.5 Billion Migrants by 2050 and We Have No Idea Where They'll Go. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d5ea2679-67c99259-0492a6cc-74722d776562/https://www.vice.com/en/article/climate-change-will-create-15-billion-migrants-by-2050-and-we-have-no-idea-where-theyll-go/ (дата обращения: 06.03.2025).
11. Моисеева Е. М. Методологические проблемы качественных оценок и прогнозов климатической миграции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 5. С. 128–141.
12. Climate Change as a Trigger of Non-Refoulement Obligations Under International Human Rights Law. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ba897b13-67e29357-88d5682e-74722d776562/https://www.ejiltalk.org/climate-change-as-a-trigger-of-non-refoulement-obligations-under-international-human-rights-law/ (дата обращения: 06.03.2025).
13. Climate change and displacement. URL: <https://www.unhcr.org/what-we-do/build-better-futures/climate-change-and-displacement> (дата обращения: 06.03.2025).
14. Disaster Displacement, One of the Biggest Humanitarian Challenges of the 21st. URL: <https://disasterdisplacement.org/the-platform/the-context/> (дата обращения: 06.03.2025).
15. Леденева В. Ю. Климатическая миграция: тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 6. С. 233–242.
16. Лукьянец А. С. Климатическая миграция в условиях пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 22–33. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-02.
17. Губеладзе Д. В., Макарова М. В. Климатическая миграция как одна из главных проблем современности // Экология урбанизированных территорий. 2024. № 1. С. 31–36.
18. Евтушенко В. И. Экологическая миграция в Российской Федерации: конституционно-правозащитная теория: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2022. 441 с.

¹ О вынужденных переселенцах: Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (в ред. федерального закона Российской Федерации от 08.12.2020 № 429-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС. 1993. № 12, ст. 427.

19. Маркова Е. Ю. Экологическая миграция. Судьба населения островных государств, уходящих под воду // Миграционное право. 2018. № 1. С. 3–5.
20. Абиева Э. Р. Климатическая миграция как элемент в системе международно-правовой защиты человека // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Воронеж, 12–16 ноября 2019 г.). Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. Т. 2. С. 47–51.
21. Юдина Т. Н. Социология миграции: М.: Академический проспект, 2006. 397 с.
22. Лукьянец А. С., Савцова Я. С. Экологическая миграция: подходы к определению, причины, последствия и тенденции // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 21–32.
23. Евтушенко В. И., Дуюн С. И. Об определении общего правового статуса мигранта // Современное право. 2015. № 5. С. 35–39.

References

1. Habrieva T. Ya. Migracionnoe pravo Rossii: teoriya i praktika. M.: Yuridicheskaya firma «KONTAKT», 2008. 336 s.
2. Habrieva T. Ya. Migracionnoe pravo kak strukturnoe obrazovanie rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 11. S. 26–29.
3. Dizer O. A. Pravozashchitnyj aspekt vyzhdennoj migracii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2022. № 1 (140). S. 100–103.
4. IOM. Environmental migration portal. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/platform-disaster-displacement/> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
5. Evtushenko V. I. Ekologicheskaya migraciya: ponyatie, vidy, mesto v otechestvennoj pravovoj sisteme // Migracionnoe pravo. 2010. № 2. S. 13–18.
6. Zvorykina Yu. V., Teteryatnikov K. S. Klimaticheskaya (ili ekologicheskaya?) migraciya: problemy i perspektivy // Nauchnye trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019. № 2. S. 236–256.
7. V OON nazvali chislo klimaticheskikh bezhencev v mire. URL: <https://regnum.ru/news/3652689> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
8. 2050 god, 1 milliard klimaticheskikh bezhencev. Kak upravlyat' (ili izbezhat') velikogo iskhoda. URL: <https://ru.futuroprossimo.it/2022/07/rifugiati-climatici/> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
9. V 2050 godu v mire budet 1,2 mlrd klimaticheskikh bezhencev. URL: <https://upl.uz/policy/38276-news.html> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
10. Climate Change Will Create 1.5 Billion Migrants by 2050 and We Have No Idea Where They'll Go. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d5ea2679-67c99259-0492a6cc-74722d776562/https/www.vice.com/en/article/climate-change-will-create-15-billion-migrants-by-2050-and-we-have-no-idea-where-theyll-go/ (data obrashcheniya: 06.03.2025).
11. Moiseeva E. M. Metodologicheskie problemy kachestvennyh ocenok i prognozov klimaticheskoy migracii // Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki. 2021. T. 14. № 5. S. 128–141.
12. Climate Change as a Trigger of Non-Refoulement Obligations Under International Human Rights Law. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ba897b13-67e29357-88d5682e-74722d776562/https/www.ejiltalk.org/climate-change-as-a-trigger-of-non-refoulement-obligations-under-international-human-rights-law/ (data obrashcheniya: 06.03.2025).
13. Climate change and displacement. URL: <https://www.unhcr.org/what-we-do/build-better-futures/climate-change-and-displacement> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
14. Disaster Displacement, One of the Biggest Humanitarian Challenges of the 21st. URL: <https://disasterdisplacement.org/the-platform/the-context/> (data obrashcheniya: 06.03.2025).
15. Ledeneva V. Yu. Klimaticheskaya migraciya: tendencii i prognozy // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. 2021. T. 11. № 6. S. 233–242.
16. Luk'yanec A. S. Klimaticheskaya migraciya v usloviyah pandemii COVID-19 // Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo. 2020. № 3. S. 22–33. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-02.
17. Gubeladze D. V., Makarova M. V. Klimaticheskaya migraciya kak odna iz glavnih problem sovremennosti // Ekologiya urbanizirovannyh territorij. 2024. № 1. S. 31–36.

18. Evtushenko V. I. Ekologicheskaya migraciya v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravozashchitnaya teoriya: dis. ... d-ra jurid. nauk. Belgorod, 2022. 441 s.
19. Markova E. Yu. Ekologicheskaya migraciya. Sud'ba naseleniya ostrovnyh gosudarstv, uhodyashchih pod vodu // Migracionnoe pravo. 2018. № 1. S. 3–5.
20. Abieva E. R. Klimaticheskaya migraciya kak element v sisteme mezhdunarodno-pravovoj zashchity cheloveka // Teoreticheskie i prikladnye problemy geograficheskoy nauki: demograficheskij, social'nyj, pravovoj, ekonomicheskij i ekologicheskij aspekty: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Voronezh, 12–16 noyabrya 2019 g.). Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2019. T. 2. S. 47–51.
21. Yudina T. N. Sociologiya migracii: M.: Akademicheskij prospekt, 2006. 397 s.
22. Luk'yanec A. S., Savcova Ya. S. Ekologicheskaya migraciya: podhody k opredeleniyu, prichiny, posledstviya i tendencii // Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2018. № 6. S. 21–32.
23. Evtushenko V. I., Duyun S. I. Ob opredelenii obshchego pravovogo statusa migranta // Sovremennoe pravo. 2015. № 5. S. 35–39.

Информация об авторах

В. И. Евтушенко — доктор юридических наук.

О. А. Дизер — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. I. Evtushenko — Doctor of Science (Law).

O. A. Dizer — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 76–81.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 76–81.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.565.2

НОВАЯ РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОНВЕРГЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО И ОБЩЕСУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ

Эдуард Юрьевич Ермаков

Алтайский краевой суд, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются эволюция статуса Конституционного Суда Российской Федерации и приобретение им новой роли в системе отечественного правосудия в результате конституционной реформы 2020 г. Автор анализирует поправки к Конституции Российской Федерации, а также изменения и дополнения, внесенные в Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые при их системном толковании позволяют прийти к выводу о качественном перестроении взаимоотношений Конституционного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции в сфере судебного нормоконтроля, исходя из общей задачи конституционализации отечественной судебной системы, включая необходимость унификации правовых позиций. Отмечается, что Конституционный Суд России наделяется такими полномочиями, которые позволяют охарактеризовать его как своеобразную «высшую конституционную кассационную инстанцию».

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, судебный нормоконтроль, конституционализация, судебная система, конституционные права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Ермаков Э. Ю. Новая роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессе конвергенции конституционного и общесудебного нормоконтроля // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 76–81.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

NEW ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROCESS OF CONVERGENCE OF CONSTITUTIONAL AND GENERAL JUDICIAL NORM CONTROL

Eduard Yu. Ermakov

Altai Regional Court, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the evolution of the status of the Constitutional Court of the Russian Federation and its acquisition of a new role in the domestic justice system as a result of the constitutional reform of 2020. The author analyzes the amendments to the Constitution of the Russian Federation, as well as amendments and additions to the Federal Constitutional Law of the Russian Federation dated July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation", which, when interpreted systematically, allow us to conclude that there is a qualitative restructuring of the relationship between the Constitutional Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction in the field of judicial rule control, based on the general task of constitutionalizing the domestic judicial system, including the need to unify legal positions. It is noted that the Constitutional Court of Russia is endowed with powers that allow it to be described as a kind of "supreme constitutional court of cassation".

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, judicial norm control, constitutionalization, judicial system, constitutional rights and freedoms of individuals and citizens

For citation: Ermakov E. Yu. New role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the process of convergence of constitutional and general judicial norm control. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:76–81 (In Russ.).

Трехзвенная судебная система, включавшая в себя суды общей юрисдикции, арбитражные суды, а также систему конституционного судопроизводства, которую представляли Конституционный Суд Российской Федерации, а также конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, была учреждена в нашей стране с принятием Конституции 1993 г. С первых дней своего существования данная система активно развивалась и эволюционировала. С 2000-х годов в России берет свое начало перманентная судебная реформа.

Отечественное правосудие не перестает совершенствоваться и оптимизироваться, подтверждением чему являются следующие значимые этапы этого процесса: объединение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации в 2014 г., создание в 2018–2019 гг. апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, изменение статуса Конституционного Суда Российской Федерации в рамках конституционной реформы 2020 г., выход российского правосудия в 2022 г. из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, упразднение с 1 января 2023 г. конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Одновременно изменения организационного устройства судебной системы России связаны с серьезным обновлением процессуального законодательства и дальнейшей синхронизацией процессуально-правовых механизмов судов общей и арбитражной юрисдикции, налаживанием взаимодействия в рамках коллизионных связей национальных и наднациональных юрисдикционных органов. В современных историко-правовых реалиях, когда перед Россией стоят серьезные внешние геополитические задачи, судебная система испытывается на прочность, переживая наравне со всеми другими органами публичной власти новые вызовы и угрозы социальному спокойствию и стабильности. На нее возлагается особая нагрузка по умиротворению общества, гарантированию общественного согласия как базиса, на котором только и может быть обеспечено верховенство права [1, с. 439]. Но несмотря на все перечисленные сложности, приоритетом для судебной власти в Российской Федерации как демократическом правовом государстве всегда остается защита прав и свобод граждан, конституционного строя, обеспечение ответственности актов законодательной и исполнительной власти Конституции Российской Федерации, соблюдение законности и справедливости при исполнении и применении законов и иных нормативных актов [2, с. 9].

Развитие, укрепление конституционных начал жизни государства и общества, в т. ч. связанных с обособлением правосудия в самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, способствуют дальнейшему усилению его институционального и функционального значения в системе конституционализма. Поэтому исследование сложных, многоуровневых взаимосвязей между правом, правосудием, Основным Законом, правовой жизнью общества приобретает принципиальное значение, лежит в основе закономерностей развития конституционализма и, соответственно, понимания этих процессов на основе концепции судебного конституционализма как политико-правового режима судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции России, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов, конституционализации экономического и социального развития страны [3, с. 21].

Именно в рамках развития концепции конституционализации отечественного правосудия произошло реформирование Конституционного Суда Российской Федерации в ходе внесения поправок к Конституции России в 2020 г. Одним из важнейших его результатов стало очевидное перестроение процесса осуществления конституционного нормоконтроля, до недавнего времени являвшегося исключительной привилегией Конституционного Суда, в сторону постепенного вхождения в него судов общей юрисдикции, в целом конвергенции (от лат. *convergo* — сближаю) на этой основе данных звеньев судебной системы, и приобретение высшим органом судебного конституционного контроля качественно новой роли применительно к их взаимодействию. Подтверждением сформулированной гипотезы служит ряд показательных изменений и дополнений в конституционные нормы, а также те новеллы, которые коснулись Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Во-первых, в соответствии с новой редакцией части 1 статьи 125 Основного Закона страны Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) приобрел статус высшего органа судебного конституционного контроля, о чем ранее в данной норме не говорилось. Кроме того, аналогичным статусом Конституционный Суд России

наделен в силу статьи 1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», тогда как предыдущая ее редакция предусматривала иной термин, а именно «судебный орган конституционного контроля». Если принять во внимание упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации с 2023 г., то к настоящему времени имеются основания констатировать существование системы конституционного судопроизводства исключительно в виде единственного высшего ее звена, что нелогично и предопределяет вхождение в состав данной системы судов нижестоящего уровня (уровней). Данную роль вполне могли бы взять на себя суды общей юрисдикции в рамках осуществления судебного нормоконтроля в порядке главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ).

Во-вторых, измененная редакция той же части 1 статьи 125 Конституции Российской Федерации зафиксировала уменьшение численности судей Конституционного Суда России с 19 до 11. При этом статистика свидетельствует о том, что нагрузка по поступающим обращениям сохраняется примерно на одном уровне: если в 2020 г. в Конституционный Суд России поступило 12 926 обращений, то в 2021 г. — 11 828, в 2022 г. — 12 933, в 2023 г. — 12 540, в 2024 г. — 13 528 [4]. Следовательно, в расчете на одного судью КС РФ количество рассматриваемых обращений резко возросло, что объективно требует включения в систему конституционного нормоконтроля тех же судов общей юрисдикции с предоставлением им процессуальных полномочий по проверке на соответствие Основному Закону ряда нормативных актов уровня субъектов Российской Федерации или же муниципальных правовых актов, а что касается компетенции Верховного Суда Российской Федерации, то в данном аспекте в нее могут быть включены также и нормативные акты федерального уровня (например, акты федеральных органов исполнительной власти).

В-третьих, законодатель предоставил Конституционному Суду России принципиально новые полномочия в отношении судов общей юрисдикции, имеющие характер контрольных и ставящие его в положение своеобразной «высшей конституционной кассационной инстанции» в общей процедуре рассмотрения конкретного дела. Данный тезис подтверждается в изменениях к подходу к праву на обращение в Конституционный Суд. Один из самых значимых критериев допустимости четко сформулирован в пункте 1 статьи 97 ФКЗ «О Кон-

ституционном Суде Российской Федерации» и заключается в неразрывной связи права на обращение с применением оспариваемого нормативного акта в конкретном деле. На фоне увеличения перечня субъектов, имеющих такое право (помимо граждан, чьи конституционные права и свободы оказались нарушенными, это юридические лица, муниципальные образования, уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, должностные лица и общероссийские организации, имеющие полномочия по представлению интересов таких граждан и юридических лиц), предъявляются требования по исчерпанию всех возможных внутригосударственных средств судебной защиты с приложением судебных решений по конкретным делам (части 1 и 2 статьи 96 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом изменены подходы к понятию «исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты»: под таковым понимается подача и последующее рассмотрение кассационной (либо в установленных случаях надзорной) жалобы с применением оспариваемого нормативного акта максимально высокой судебной инстанцией и отсутствие признаков полного устранения допущенных нарушений прав заявителя.

Что очень важно, Конституционный Суд Российской Федерации может признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными также в случае, если сложившаяся правоприменительная практика суда, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, или официальное толкование оспариваемого нормативного акта, данное в разъяснениях по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, свидетельствуют о том, что иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается (пункт 3 статьи 97 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Исключительным правом по обеспечению единообразного применения законодательства в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов пользуется Верховный Суд Российской Федерации (пункт 1 части 7 статьи 2 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»), из чего следует, что высший орган судебного конституционного контроля полномочен скорректировать любые разъяснения судебной практики, сформулированные

Верховным Судом Российской Федерации, и саму судебную практику по конкретным делам исходя из общей задачи всеобщей конституционализации российского правосудия. Обязательность пересмотра конкретного дела, в рамках которого суд общей юрисдикции применил оспариваемый нормативный акт, вне зависимости от вида судопроизводства прямо зафиксирована в части 2 статьи 100 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» даже в тех случаях, когда нормативный акт признан соответствующим Конституции России в данном Конституционным Судом истолковании.

Наглядно новую роль Конституционного Суда Российской Федерации в отечественной судебной системе можно проиллюстрировать на примерах рассмотрения жалобы гражданина Ф. Б. Исакова, связанного с проверкой конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (постановление от 16 декабря 2021 г. № 53-П¹), а также жалобы А. С. Карпунина об оспаривании конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (постановление от 29 апреля 2025 г. № 18-П²). Сущность итоговых выводов Конституционного Суда России в рамках указанных прецедентов заключалась в императивных предписаниях, адресованных судам общей юрисдикции, по пересмотру вынесенных по конкретным делам судебных актов в строгом соответствии с выявленным конституционно-правовым смыслом тех норм права, на основании которых они были постановлены.

Кроме того, нельзя не отметить, что законодатель наделил Конституционный Суд России ничем иным как процессуальным полномочием по применению полноценной «меры обеспечения» в виде приостановления исполнения судебного

акта в случае принятия к производству конкретной жалобы, что исторически было присуще судам общей юрисдикции. Неслучайно в ранее действовавшей редакции статьи 98 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» вопрос о приостановлении исполнения решения, постановленного по делу, в котором был применен оспариваемый нормативный правовой акт, оставлялся на усмотрение соответствующего суда (общей юрисдикции или арбитражного). После поправок 2020 г. Конституционный Суд имеет полное право взять на себя полномочие по приостановлению исполнения судебного акта, указав об этом в определении о принятии жалобы к рассмотрению, если полагает, что продолжение процедуры исполнения приведет к негативным последствиям в виде невозможности восстановления нарушенных конституционных прав заявителя. Такого рода предписание имеет обязательный характер не только для суда, но и для органа, осуществляющего исполнение судебного акта (часть 2 статьи 98 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В-четвертых, конституционная реформа 2020 г. в опережающем режиме максимально нивелировала негативные последствия, связанные с последующим выходом отечественной системы правосудия из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), что имело место в 2022 г. Более того, благодаря отказу от признания юридической силы решений ЕСПЧ Конституционный Суд Российской Федерации получил как минимум два очевидных и неоспоримых преимущества. Первое из них связано с обретением большей самостоятельности при осуществлении судебной власти, что не подлежит сомнению. Второе выражается в новом статусе высшего органа судебного конституционного контроля России как «суда справедливости».

Применительно к последнему тезису уместно отметить, что окончательное решение Конституционного Суда России является не столько своеобразной точкой в конкретном деле, сколько влечет за собой целый ряд правовых последствий, способных скорректировать правоприменительную практику на основе традиционных конституционных ценностей Российского государства, имеющих прочные этические, религиозные и моральные основы. Данной мысли четко корреспондирует тот новый перечень оснований для безусловного пересмотра решений судов и иных органов, основанных на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными либо

¹ По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исакова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2021 № 53-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А. С. Карпунина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, который закреплен в измененной редакции части 3 статьи 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Достаточно сказать, что такому пересмотру в соответствии с пунктом 7 части 3 указанной статьи подлежат судебные акты, вынесенные не только в отношении заявителя, но и в отношении иных лиц, при прямом указании об этом в постановлении Конституционного Суда, что являлось частым явлением в практике именно ЕСПЧ.

В-пятых, в своей совокупности новеллы конституционной реформы 2020 г., определившие эволюцию современного статуса Конституционного Суда Российской Федерации, значительно расширили его правовые возможности по временному нормативному регулированию в тех случаях, когда в ходе проверки конституционности нормативного правового акта выявляется несовершенство примененных законодателем формулировок. Такой недостаток во многих случаях препятствует адекватному уяснению смысла той или иной нормы, создает очевидные проблемы с применением ее на практике, в т. ч. для судов в ходе рассмотрения конкретных дел различных категорий. Используя предоставленные ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» соответствующие полномочия, Конституционный Суд при изложении решения разъясняет судам особенности правоприменения вплоть до устранения законодателем выявленных пробелов. В частности, в Постановлении от 12 ноября 2024 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда Московской области» Конституционный Суд России, признав не соответствующим Конституции Российской Федерации пункт 3 части 1 статьи 30.1 КоАП РФ, одновременно обязал суды руководствоваться сформулированным им правилом подсудности по жалобам на не вступившие в силу постановления должностных лиц по делам об административных правонарушениях, заключающимся в рассмотрении такой жалобы судом по месту нахождения органа (должностного лица) впредь до внесения законодателем необходимых изменений в обжалованную норму¹. Выполнение

Конституционным Судом Российской Федерации по существу нормотворческих функций формирует новую важную цель в его деятельности и служит предпосылкой качественного перестроения взаимоотношений с судами общей юрисдикции.

Придание Конституционному Суду Российской Федерации характеристик высшей инстанции, обладающей контролируемыми полномочиями в отношении всех других звеньев отечественной судебной системы, при осуществлении конституционного нормоконтроля — это одна из сторон наметившегося встречного процесса конвергенции позиций всех судов, так или иначе вовлеченных в процесс проверки нормативных актов на соответствие иным нормативным актам, имеющим большую юридическую силу.

На текущем этапе судебной реформы на фоне всеобщей конституционализации суды общей юрисдикции имеют все больше оснований при рассмотрении дел в порядке главы 21 КАС РФ проверять оспариваемые нормативные акты именно на соответствие Конституции Российской Федерации. В частности, разрешая дела об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, суды областного уровня при выполнении требований части 8 статьи 213 КАС РФ во всех случаях соотносят полномочия правотворческого органа (или должностного лица) с конституционными положениями о разграничении компетенции Российской Федерации и ее субъектов (статьи 71, 72, 73 Конституции Российской Федерации) и в случае установления каких-либо противоречий по этому вопросу вправе постановить решение о признании оспариваемого нормативного акта недействующим. Та же норма КАС РФ предписывает суду выяснить, нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление. В качестве таковых прав и свобод вполне могут выступать конституционные права и свободы, что предопределяет необходимость прямого применения норм Конституции Российской Федерации и не противоречит пункту 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Кроме того, в судебной практике основания для проверки на соответствие Консти-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда

Московской области [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 51-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

туции России оспариваемого нормативного акта возникают в случае, если предметом рассмотрения является муниципальный правовой акт или же региональный нормативный правовой акт, регламентирующие порядок реализации конституционного права гражданина — административного истца, при отсутствии федерального закона по тому же предмету правового регулирования.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы. Качественное изменение роли Конституционного Суда Российской Федерации во взаимоотношениях с другими звеньями судебной системы в целом и с судами общей юрисдикции при осуществлении нормоконтроля (конституционного и общесудебного) в частности, которое произошло в результате внесения поправок в Основной Закон страны в 2020 г. и связано с наделением высшего органа судебного конституционного контроля функциями «высшей конституционной кассаци-

онной инстанции», является очевидным следствием всеобщего процесса конституционализации, напрямую затронувшего отечественную систему правосудия. Также не вызывает сомнения необходимость дальнейшей конвергенции деятельности всех судов, включая унификацию правовых позиций в сфере судебного нормоконтроля Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Представляется верным мнение профессора Ю. Н. Старилова о том, что конституционный и общесудебный нормоконтроль, взаимодействуя и дополняя друг друга, формируют полноценный механизм защиты общества и государства от противоправных юридических актов, решений и действий органов публичной власти [5, с. 321]. В конечном итоге надлежащее и всестороннее осуществление судебного нормоконтроля станет очередным шагом к построению подлинно демократического и правового государства в России.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. 591 с.
2. Кузьмин А. Г. Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. М., 2016. 368 с.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2015. 527 с.
4. Статистика по обращениям в Конституционный Суд РФ по годам. URL: <https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-year.php> (дата обращения: 08.07.2025).
5. Старилов Ю. Н. Административно-правовое регулирование в системе современного конституционализма в Российской Федерации // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014. 478 с.

References

1. Zor'kin V. D. Konstitucionnyj Sud Rossii: doktrina i praktika. M., 2017. 591 s.
2. Kuz'min A. G. Konstitucionalizaciya rossijskogo pravosudiya (arbitrazhno-sudebnyj aspekt): problemy teorii i praktiki. M., 2016. 368 s.
3. Bondar' N. S. Sudebnyj konstitucionalizm: doktrina i praktika. 2-e izd., pererab. M., 2015. 527 s.
4. Statistika po obrashcheniyam v Konstitucionnyj Sud RF po godam. URL: <https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-year.php> (data obrashcheniya: 08.07.2025).
5. Starilov Yu. N. Administrativno-pravovoe regulirovanie v sisteme sovremennogo konstitucionalizma v Rossijskoj Federacii // Sovremennyy konstitucionalizm: vyzovy i perspektivy: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj 20-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii (Sankt-Peterburg, 14–15 noyabrya 2013 g.) / otv. red. V. D. Zor'kin. M., 2014. 478 s.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 82–88.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 82–88.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.741:342.5+343.346

ВСКРЫТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ КАК МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМАЯ СОТРУДНИКАМИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Елена Викторовна Ковалева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ev_kovaleva01@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются правовая природа и порядок применения вскрытия транспортных средств как меры государственного принуждения в деятельности отдельных правоохранительных органов Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой конституционных прав граждан, включая право на неприкосновенность частной собственности.

На основе анализа правоприменительной практики предлагаются законодательные изменения, направленные на унификацию регулирования, для Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В частности, обосновывается внесение в ФЗ «О Федеральной службе безопасности» специальной нормы, регламентирующей порядок вскрытия транспортных средств, а также дополнение ФЗ «О полиции» положением о применении данной меры в рамках контртеррористических операций.

Ключевые слова: государственное принуждение, вскрытие транспортных средств, правоохранительные органы, МВД, ФСБ, правовое регулирование, конституционные права, общественная безопасность

Для цитирования: Ковалева Е. В. Вскрытие транспортных средств как мера принуждения, применяемая сотрудниками отдельных правоохранительных органов // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 82–88.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FORCED ENTRY INTO VEHICLES AS A COERCIVE MEASURE APPLIED BY CERTAIN LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Elena V. Kovaleva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ev_kovaleva01@mail.ru

Abstract. The article examines the legal nature and procedure for the forced opening of vehicles as a measure of state coercion in the activities of certain law enforcement agencies of the Russian Federation. The relevance of the study stems from the need to strike a balance between the efficiency of law enforcement activities and the protection of citizens' constitutional rights, including the right to inviolability of private property.

Through an analysis of law enforcement practices, the article proposes legislative amendments aimed at harmonizing regulations for the MVD and FSB. Specifically, it advocates for the introduction of a dedicated provision in the Federal Law «On the Federal Security Service» governing forced vehicle entry, as well as a supplementary clause in the Federal Law «On Police» regulating the application of this measure in counterterrorism operations.

Keywords: state coercion, forced vehicle entry, law enforcement agencies, MVD, FSB, legal regulation, constitutional rights, public safety

For citation: Kovaleva E. V. Forced entry into vehicles as a coercive measure applied by certain law enforcement officers. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:82–88 (In Russ.).

В современный период в Российской Федерации наблюдаются значительные трансформации в экономической и политической сферах. При этом процессы демократизации, затрагивающие как общество, так и государственные институты, ориентированы на формирование правового государства. Ключевой целью данной политико-правовой модели выступает защита законных интересов, прав и свобод граждан. Согласно положениям Конституции Российской Федерации за каждым гражданином закреплено право на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни. Данное право, являясь фундаментальным элементом правового статуса личности, находит закрепление не только в национальном законодательстве, но и в международно-правовых нормах и принципах. Его ограничение допустимо исключительно на основании закона.

В процессе реализации властных полномочий, связанных с применением мер государственного принуждения, субъекты правоохранительной деятельности сталкиваются с комплексом проблемных аспектов. Данное обстоятельство обуславливает актуальность исследования вопросов, касающихся правовых и организационных основ применения мер принудительного воздействия в рамках осуществления профессиональных функций сотрудниками правоохранительных органов.

Настоящее исследование посвящено анализу одной из мер государственного принуждения — вскрытию транспортных средств. Данное полномочие предоставляет отдельным правоохранительным органам право на проникновение в транспортные средства в целях осуществления оперативно-розыскных, следственных или иных предусмотренных законом действий. Указанный правовой механизм, будучи направленным на обеспечение публичного порядка и общественной безопасности [1], актуализирует проблему поиска баланса между правомерностью его применения и защитой конституционных прав граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни и собственности.

В России возможность ограничения прав напрямую отражается в Основном Законе — Конституции Российской Федерации (ст. 45)¹ (далее — Конституция РФ) — и других нормативных правовых актах (например, в Федеральном законе Рос-

сийской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции»)²; в Федеральном законе Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (далее — ФЗ «О ФСБ»)³. Так, регламентированная процедура применения государственного принуждения создает правовые гарантии прав и свобод человека, способствуя устранению возможностей для злоупотребления со стороны правоприменительных органов и должностных лиц [2, с. 32]. Государственное принуждение как правовой институт выполняет важную социально-воспитательную функцию, направленную на формирование правосознания граждан через осознание неотвратимости юридической ответственности. Оно выступает эффективным механизмом, подтверждающим неотвратимость наказания за противоправное поведение, что способствует поддержанию правопорядка и минимизации социальных девиаций. В теории права данный механизм рассматривается в качестве средства правовой социализации, обеспечивающего коррекцию отклоняющегося поведения и соблюдение установленных правовых предписаний.

В научной литературе по административному праву сформировались различные теоретические подходы к пониманию мер государственного принуждения. Так, А. И. Каплунов в своих трудах отмечает, что «меры принуждения — это закрепленные законом способы, приемы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты и состоящие из правовых ограничений, лишений, обременений, ответных действий, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и физического вреда» [3, с. 20].

В целом в юридической доктрине под мерами государственного принуждения понимается комплекс правовых средств принудительного характера, санкционированных нормами права и реализуемых компетентными государственными органами в строго установленных процессуальных формах. Данные меры выполняют следующие основные функции:

² О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О Федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 03.04.1995 № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- превентивную (предупреждение правонарушений);
- пресекательную (остановка противоправных действий);
- компенсационную (восстановление нарушенных прав);
- карательную (применение санкций за совершенные правонарушения).

В системе обеспечения государственной безопасности и правопорядка сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) и Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ФСБ России) наделены широким спектром полномочий по применению мер государственного принуждения. Данные полномочия регламентируются комплексом нормативно-правовых актов, включая федеральные законы, ведомственные приказы и подзаконные акты, что обеспечивает их легитимность и соответствие принципам правового государства. Применение мер принуждения сотрудниками МВД России и ФСБ России осуществляется с соблюдением принципов законности, соразмерности и минимальной достаточности, что закреплено как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах.

Нарушение законодательно закрепленных норм влечет за собой дисциплинарную, административную или уголовную ответственность, что подчеркивает значение правовых гарантий при реализации принудительных полномочий. Таким образом, меры принуждения, применяемые сотрудниками МВД и ФСБ, представляют собой необходимый инструмент обеспечения общественной безопасности, эффективность которого зависит от четкого нормативного регулирования и строгого соблюдения правовых процедур.

В рамках реализации предоставленных полномочий особое значение приобретают меры принуждения, связанные с ограничением права собственности в целях обеспечения общественной безопасности. Одной из таких мер является вскрытие транспортных средств, которое применяется сотрудниками правоохранительных органов (МВД России, Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации) в строго определенных законом случаях. Данная мера находится на стыке интересов государства в поддержании правопорядка и конституционных гарантий неприкосновенности частной собственности, что обуславливает необходимость ее детального правового регулирования. Применение данной меры требует особой правовой регламентации, по-

скольку сопряжено с вторжением в сферу частных интересов граждан. В этой связи анализ правовых оснований и порядка вскрытия транспортных средств приобретает особую актуальность в контексте необходимости согласования эффективно-сти правоохранительной деятельности с гарантиями защиты прав личности.

Возможность проникновения в транспортное средство с целью проведения его осмотра и досмотра, задержания лица, находящегося в салоне автомобиля, закреплялась еще в Законе Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции»¹, при этом силовое обеспечение названных мер осуществлялось в порядке и по основаниям применения физической силы и специальных средств. Вместе с тем правом на вскрытие транспортного средства уже обладали должностные лица пограничных органов, что находит свое отражение в Законе Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»².

При этом нормативно основания и порядок применения данных мер в названных законах не отражались. Более того, при пересечении государственной границы должностные лица пограничных органов могли только потребовать от владельца самостоятельно вскрывать автомобили для проведения досмотровых мероприятий.

Отдельная норма, посвященная основаниям и порядку проведения рассматриваемой меры принуждения, впервые была закреплена в Федеральном законе Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»³. И только Федеральным законом Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ в Федеральный закон Российской Федерации «О полиции» была добавлена статья 15.1 «Вскрытие транспортного средства». Вскрытие транспортных средств как мера государственного принуждения применяется сотрудниками правоохранительных органов исключительно в случаях, когда использование альтернативных методов решения оперативно-служебных задач не-

¹ О милиции [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Государственной границе Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможно или заведомо неэффективно. Указанная мера обладает вспомогательной (дополнительной) правовой природой и может быть реализована лишь при наличии достаточных правовых оснований, соответствующих принципам необходимости и соразмерности вмешательства в право собственности. С правовой точки зрения применение указанной меры допустимо исключительно при соблюдении следующих условий: предварительное использование всех доступных альтернативных мер, создающих меньшие ограничения для прав субъектов, наличие прямой связи между вскрытием транспортного средства и достижением законных правоохранительных целей, а также соответствие степени вмешательства. При этом особое значение приобретает соблюдение установленной процессуальной формы осуществления данного принудительного действия.

В соответствии с ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции» сотрудники МВД России имеют право осуществлять вскрытие транспортного средства, в т. ч. проникновение в него, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации:

- 1) для спасения жизни граждан;
- 2) обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
- 3) задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния, и (или) лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших деяние, содержащее признаки преступления;
- 4) пресечения преступления;
- 5) применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, если имеются основания полагать, что совершившее данное правонарушение лицо находится в состоянии опьянения;
- 6) проведения осмотра транспортного средства и (или) груза, если имеются основания полагать, что в транспортном средстве находятся без специального разрешения предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные;
- 7) проверки сообщения об угрозе террористического акта;
- 8) установления обстоятельств несчастного случая [1].

МВД России обладает законодательно закрепленным комплексом полномочий по применению

мер принуждения, что обусловлено необходимостью эффективного выполнения возложенных на него функций. В соответствии с ФЗ «О полиции» данный правовой статус предусматривает возможность использования разнообразных по своей правовой природе и характеру воздействия принудительных мер, которые системно регламентированы действующим административным законодательством, как справедливо отмечал А. П. Корнев, используются в целях обеспечения соблюдения и защиты тех административно-правовых и иных норм права, которые содержат общие правила поведения в сфере государственного управления [4, с. 313].

Проведенный анализ ФЗ «О ФСБ» свидетельствует об отсутствии прямого нормативного закрепления такой меры принуждения, как вскрытие транспортных средств. Вместе с тем ст. 14.1 указанного закона, регламентирующая право сотрудников ФСБ России на проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, создает правовую неопределенность в вопросе возможного распространения этих полномочий и на транспортные средства. Содержащийся в законе термин «иные помещения» допускает расширительное толкование, которое может охватывать и транспортные средства. Кроме того, регламентируется право сотрудников ФСБ России при проникновении в жилые помещения, иные помещения и земельные участки, принадлежащие гражданам, а также в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, при наличии необходимости осуществлять осмотр находящихся там объектов и транспортных средств¹. Возникает вопрос правовой квалификации принудительного вскрытия транспортного средства в случае, если оно оказывается запертым и его осмотр необходим. Федеральный закон «О ФСБ» не содержит отдельной нормы, прямо регламентирующей вскрытие транспортных средств, в качестве самостоятельной меры принуждения. В связи с этим требуется анализ соответствия подобных действий общим принципам применения мер принуждения, установленным законодательством, а также оценка их допустимости в контексте соблюдения баланса между интересами государственной безопасности и защитой прав собственности.

При этом следует подчеркнуть, что любое расширительное толкование данной нормы должно

¹ О Федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 03.04.1995 № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осуществляться в строгих рамках принципа законности, с обязательным учетом характера выполняемых ФСБ России задач, степени потенциальной угрозы и отсутствия альтернативных способов реализации оперативно-служебных целей. Особую значимость приобретает соблюдение требований соразмерности и необходимости применяемых мер, что соответствует общепризнанным принципам правового государства.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что до внесения изменений в законодательство сотрудники МВД России осуществляли вскрытие транспортных средств на основании положений ст. 15 ФЗ «О полиции», предусматривающей право на проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории. Данная норма, аналогичная современной ст. 14.1 ФЗ «О ФСБ», фактически служила правовым основанием для применения рассматриваемой меры принуждения. Указанная норма, регламентирующая право на проникновение в жилые и иные помещения, земельные участки и территории, подвергалась расширительному толкованию, распространяемому на транспортные средства, что находило отражение в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов.

Поскольку понятие «вхождение» не получило нормативного закрепления в законодательстве, ученые-административисты интерпретировали его различным образом. Так, Ю. П. Соловей под вхождением понимает принятый в обществе, естественный, не скрываемый от лиц, проживающих в жилом помещении, собственников (их представителей) иных помещений способ прибытия сотрудника полиции в указанные помещения — через двери, ворота, въезды, калитки и другие места, предназначенные для входа, выхода, эвакуации жильцов, персонала, посетителей, а также въезда и выезда транспортных средств [5, с. 17].

Реализация указанной меры принуждения осуществлялась в рамках базовых принципов правового государства, включая законность и соразмерность. Законность применения обеспечивалась наличием четких правовых оснований, соразмерность — соответствием степени вмешательства характеру и общественной опасности правонарушения. Эволюция правового регулирования в данной сфере привела к необходимости более детальной регламентации процедуры вскрытия транспортных средств, что нашло отражение в последующих законодательных изменениях. Однако исторический опыт применения ст. 15 ФЗ «О полиции» сохраняет свою актуальность для понимания гене-

зиса правового регулирования мер принуждения в отношении транспортных средств в российской правовой системе. Проведенный анализ позволяет заключить, что в Федеральный закон Российской Федерации «О Федеральной службе безопасности» целесообразно внести соответствующие изменения, направленные на детальную правовую регламентацию процедуры вскрытия транспортных средств. Подобная законодательная инициатива позволит: четко определить основания и пределы применения данной меры; установить процессуальные гарантии защиты прав собственников; исключить возможность произвольного толкования соответствующих полномочий сотрудниками ФСБ России. Введение специальной нормы, регулирующей порядок вскрытия транспортных средств, будет способствовать совершенствованию правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и обеспечению оптимального соотношения между интересами государственной безопасности и защитой прав граждан.

В дополнение к изложенному стоит отметить, что Федеральным законом Российской Федерации от 28.02.2025 № 16-ФЗ «О внесении изменения в статью 11 Федерального закона "О противодействии терроризму"» был уточнен порядок использования транспортных средств, принадлежащих организациям и физическим лицам, во время проведения контртеррористической операции (далее — КТО). Предусмотрено, что для обеспечения мероприятий по борьбе с терроризмом допускается использование транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств и (или) самоходных машин дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих физическим лицам. Порядок возмещения расходов, связанных с таким использованием транспортных средств и (или) самоходных машин, определяется Правительством Российской Федерации¹.

В условиях актуальных террористических угроз рассматриваемый вопрос приобретает особую значимость. Следует подчеркнуть, что правоохранительные органы, в т. ч. ФСБ и МВД, выступа-

¹ О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.02.2025 № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ют ключевыми субъектами системы профилактики и противодействия террористической и экстремистской деятельности. В процессе правоприменительной деятельности с учетом рассмотренных законодательных изменений возникает следующая правовая коллизия: при наличии законодательно закрепленной возможности использования транспортных средств физических и юридических лиц отсутствует четкая регламентация порядка действий в случае, когда транспортное средство находится в закрытом состоянии, а его собственник отсутствует на месте либо когда водитель транспортного средства оказывает сопротивление. Ведь в условиях проведения КТО транспортное средство может приобретать статус оперативно значимого объекта, требующего незамедлительного использования для обеспечения мероприятий по нейтрализации террористической угрозы.

В связи с изложенным представляется обоснованным внесение соответствующих изменений в ст. 15.1 ФЗ «О полиции», а именно в ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции», регламентирующую основания вскрытия транспортных средств, добавить п. 9 и изложить его в следующей редакции: «для использования транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств и (или) самоходных машин дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих физическим лицам, для обеспечения мероприятий по борьбе с терроризмом». Предлагаемая законодательная новация позволит разрешить существующие правовые коллизии и обеспечит четкую нормативную регламентацию применения меры принудительного характера.

Также в целях унификации правового регулирования считаем необходимым законодательно закрепить в ФЗ «О ФСБ» вскрытие транспортных средств в качестве самостоятельной меры принуждения.

На основании проведенного исследования предлагаем дополнить ФЗ «О ФСБ» статьей 14.7 следующего содержания:

Статья 14.7. Вскрытие транспортных средств.

Военнослужащие органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации не вправе вскрывать транспортное средство помимо воли граждан иначе как в случаях и порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Вскрытие транспортных средств военнослужащими органов Федеральной службы безопасности

(за исключением транспортных средств дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций) допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также:

а) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;

б) задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления;

в) пресечения преступления;

г) установления обстоятельств несчастного случая;

д) задержания лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния;

е) пресечения угрозы террористического акта;

ж) использования транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств и (или) самоходных машин дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях транспортных средств и (или) самоходных машин, принадлежащих физическим лицам, для обеспечения мероприятий по борьбе с терроризмом.

2. Перед вскрытием транспортных средств военнослужащие органов Федеральной службы безопасности называют свою должность, звание, фамилию, предъявляют по требованию собственника либо иного законного владельца транспортного средства или находящихся в нем граждан служебное удостоверение, предупреждают о своем намерении, разъясняют причину и основания вскрытия транспортного средства, а также возникающие в связи с этим права и обязанности граждан, за исключением случаев, если промедление создает угрозу жизни и здоровью военнослужащих органов Федеральной службы безопасности или иных граждан, и (или) при необходимости незамедлительного пресечения преступления.

3. О каждом случае вскрытия транспортных средств военнослужащими органов Федеральной службы безопасности в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента вскрытия, в порядке, установленном руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, информируется собственник этого транспортного средства, если такое вскрытие было осуществлено в его отсутствие,

за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

О каждом случае вскрытия транспортных средств военнослужащими органов Федеральной службы безопасности в течение 24 часов письменно уведомляется прокурор или суд (судья) в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Органы Федеральной службы безопасности принимают меры по недопущению доступа посторонних лиц в транспортное средство и по охране находящегося там имущества, если вскрытие транспортных средств сопровождалось действиями, предусмотренными частью первой настоящей статьи.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд ключевых выводов, отражающих правовую природу, основания и порядок применения вскрытия транспортных средств как меры государственного принуждения в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Вскрытие транспортных средств является особой мерой государственного принуждения, направленной на обеспечение общественной безопасности, право-

порядка и противодействие преступности. Данная мера затрагивает конституционные права граждан, включая право на неприкосновенность частной собственности, что требует строгой законодательной регламентации и соблюдения принципов законности, соразмерности и минимально необходимого вмешательства. Правовое регулирование вскрытия транспортных средств в России прошло эволюцию от отсутствия четких норм в ранних законах до детализированного закрепления в ФЗ «О полиции» (ст. 15.1). Однако в ФЗ «О ФСБ» аналогичная норма отсутствует, что создает правовую неопределенность и риск расширительного толкования полномочий сотрудников ФСБ России.

Таким образом, вскрытие транспортных средств как мера государственного принуждения требует дальнейшего развития правового регулирования с учетом принципов правового государства, международных стандартов и практических потребностей правоохранительной деятельности. Предлагаемые изменения в законодательство позволяют устранить существующие пробелы и обеспечить единообразие правоприменения.

Список источников

1. Лампадова С. С., Тарасов А. В. Применение полицией отдельных мер государственного принуждения. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2022. 84 с.
2. Кисин В. Р. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией: учебное пособие. М., 1987.
3. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
4. Корнев А. П. Административное право России: учебник для образоват. учреждений высш. проф. образования МВД России. М.: Щит-М, 1997. Ч. 2. 313 с.
5. Соловей Ю. П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 17–25.

References

1. Lampadova S. S., Tarasov A. V. Primenenie policiej ot del'nyh mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya. SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 2022. 84 s.
2. Kisin V. R. Mery administrativno-processual'nogo prinuzhdeniya, primenyaemye miliciej: uchebnoe posobie. M., 1987.
3. Kaplunov A. I. Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennih del (sistemno-pravovoj analiz): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005.
4. Korenev A. P. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya obrazovat. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya MVD Rossii. M.: Shchit-M, 1997. Ch. 2. 313 s.
5. Solovej Yu. P. Vhozhdenie (pronikновение) sotrudnikov policii v zhilye i inye pomeshcheniya, na zemel'nye uchastki i territorii kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya, predusmotrennaya Federal'nym zakonom «O policii» // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 3. S. 17–25.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 89–93.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 89–93.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.86

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Олег Александрович Кожевников^{1, 2}

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. В условиях крайней турбулентности международной, экономической и военной обстановки в мире вопросы национальной безопасности нашего государства требуют повышенного внимания не только правотворческих органов, но и исследователей. В данной статье автором предпринята попытка произвести анализ отдельных положений законодательства о национальной безопасности в РФ и, прежде всего, акта Главы государства, закрепляющего базовые механизмы и ориентиры обеспечения безопасности РФ на современном этапе развития государственности. По результатам исследования делается вывод о наличии серьезных пробелов в подзаконном правовом регулировании вопросов обеспечения национальной безопасности и необходимости их скорейшего устранения и обеспечения единства правового пространства в области нормативного регулирования вопросов и механизмов национальной безопасности в РФ.

Ключевые слова: Конституция, единство правового пространства, национальная безопасность, Президент Российской Федерации, органы публичной власти, Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Кожевников О. А. Национальная безопасность: некоторые вопросы содержания и правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 89–93.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

NATIONAL SECURITY: SOME ISSUES OF CONTENT AND LEGAL REGULATION

Oleg A. Kozhevnikov^{1, 2}

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. In conditions of extreme turbulence of the international, economic and military situation in the world, the issues of national security of our state require increased attention not only from law-making bodies, but also from researchers. In this article, the author attempts to analyze certain provisions of the legislation on national security in the Russian Federation and, above all, the act of the Head of State, which establishes the basic mechanisms and guidelines for ensuring the security of the Russian Federation at the current stage of statehood development. Based on the results of the study, it is concluded that there are serious «gaps» in the subordinate legal regulation of national security issues and the need to eliminate them as soon as possible and ensure the unity of the legal space in the field of regulatory regulation of issues and mechanisms of national security in the Russian Federation.

Keywords: Constitution, unity of the legal space, national security, President of the Russian Federation, public authorities, national security strategy

For citation: Kozhevnikov O. A. National security: some issues of content and legal regulation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:89–93 (In Russ.).

Последние пять лет российской государственности существенным образом изменили отношение к категории «национальная безопасность» и «механизмы ее обеспечения». Пандемия коронавируса, многочисленные зарубежные санкции, признание Донбасса и Новороссии, наконец, специальная военная операция, несомненно, сподвигают многочисленных ученых-исследователей снова и снова обращаться к вопросам содержания и обеспечения национальной безопасности нашего государства и отдельных его территорий.

Следует отметить, что в научных публикациях категория «национальная безопасность» не имеет единого содержательного определения. Так, по мнению российского политолога Н. А. Косолапова, национальная безопасность — это стабильность, которая может поддерживаться на протяжении длительного времени, состояние достаточно разумной динамической защищенности от наиболее существенных из реально существующих угроз и опасностей, а также способность распознавать такие вызовы и своевременно принимать необходимые меры для их нейтрализации [1].

Российский дипломат и государственный деятель В. А. Каламанов под национальной безопасностью предлагает понимать такое качественное и количественное состояние российского общества, государства, его граждан, российских народов и всего многонационального народа России, которое характеризуется закрепленной на законодательном уровне согласованностью их интересов, их защищенностью от существующих или ожидаемых внешних и внутренних угроз, возможностью их совместного прогрессивного и устойчивого развития, соблюдением конституционного строя, конституционных прав и свобод граждан [2].

Нынешний Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев в своей докторской диссертации отмечает, что под национальной безопасностью понимается состояние страны, при котором отсутствуют или нейтрализованы реальные внешние и внутренние угрозы ее единству, воспроизводству и стабильному развитию, т. е. обеспечивается защита жизненно важных интересов общества и государственной власти [3].

Еще один представитель юридической науки Г. Г. Попов в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук приходит к выводу о том, что «национальная безопасность, представляя собой состояние защищенности жизненно важных интересов таких социальных субъектов, как личность, общество и государство, есть общественное отношение по поводу

реализации данных интересов» [4]. И такой список вариаций понимания термина «национальная безопасность» можно продолжать относительно бесконечно [5].

К вопросам безопасности личности, общества и государства постоянно в своих выступлениях обращается и лидер нашего государства — Президент России В. В. Путин. Так, например, в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2024 г. Глава государства девять раз обратился к категории «безопасность» и ее производным единицам [6]. В связи с таким повышенным вниманием со стороны Главы государства представляется очевидным, что вопросы национальной безопасности требуют повышенного внимания и усилий как всего российского общества, так и публичных институтов в целях предотвращения и нейтрализации существующих вызовов и угроз.

Впервые термин «национальная безопасность» был упомянут в Федеральном законе Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», в котором среди основных направлений государственной политики в сфере информатизации указывалось на обеспечение национальной безопасности в сфере информатизации. При этом сама категория «национальная безопасность» не расшифровывалась и не определялась законодателем. Также следует отметить, что даже в Законе Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», действовавшем до конца 2010 г., упоминаемой нами категории законодателем не было обозначено, речь шла исключительно о безопасности как состоянии защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под жизненно важными интересами в законе определялась совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства.

Недалеко ушел и в определении содержания национальной безопасности последующий Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», в котором категории «безопасность» и «национальная безопасность» обозначены как тождественные и включающие в себя основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Лишь в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» наконец-то появилось нормативно закрепленное содержание категории «национальная безопасность Российской Федерации» как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны, при этом сами национальные интересы Российской Федерации определены через объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Вышеназванный правовой акт Президента Российской Федерации определяет организационные основы и механизмы реализации Стратегии национальной безопасности. И здесь, на наш взгляд, имеются отдельные очевидные сложности и юридические несоответствия.

1. Стратегия национальной безопасности обязывает органы публичной власти в своей деятельности руководствоваться ее положениями. Упоминание органов публичной власти присутствует и в определении системы обеспечения национальной безопасности как совокупности осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов. Правовая категория «орган публичной власти» упомянута в п. е.5 ст. 83 Конституции Российской Федерации, в котором отмечено полномочие Президента Российской Федерации по формированию Государственного Совета Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. При этом ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», определяя понятие данного конституционного государственного органа, связывает его создание с обеспечением согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. То есть ни о каких органах публичной власти профильный закон о Государственном Совете Российской Федерации не упоминает. Нет никакого упоминания об органах публичной власти и в Федеральном законе Российской Федерации от

21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в котором речь идет только об органах, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации. Единственное упоминание об органах публичной власти дважды присутствует в Федеральном законе Российской Федерации от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», где, в частности, указано, что органы публичной власти в соответствии с данным федеральным законом, другими федеральными законами участвуют в решении задач местного самоуправления (ч. 7 ст. 1), и эти же неизвестные органы публичной власти в соответствии с этим же федеральным законом, другими федеральными законами обеспечивают установленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законом права граждан на осуществление местного самоуправления (ч. 2 ст. 2). Так что же это за таинственные органы публичной власти, не имеющие своего конституционно-правового обоснования и закрепления, которые имеют обязанность в своей деятельности руководствоваться положениями утвержденной Президентом РФ Стратегии национальной безопасности и еще наделены полномочиями по реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности с помощью находящихся в их распоряжении инструментов? Не этим ли объясняется периодически возникающий хаос в поиске ответственных лиц при возникновении угроз национальной безопасности (разлив нефти в Черном море у берегов Анапы, отсутствие надлежащего обеспечения и координации действий в ходе СВО, многочисленные ситуации с наводнениями и лесными пожарами и др.)?

2. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определено, что реализация названной стратегии осуществляется на плановой основе путем согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества под руководством Президента Российской Федерации за счет комплексного применения политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации. Автор настоящей статьи длительное время пытается найти хотя бы какое-то упоминание о наличии вышеупомянутого плана и его утверждения Президентом РФ, который вклю-

чал бы в себя комплекс ранее перечисленных мер, реализуемых путем согласованных действий «загадочных» органов публичной власти и примкнувших к ним организаций и институтов гражданского общества. Тем более что указанная формулировка входит в прямое противоречие с положениями ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», закрепляющей, что государственную политику в области обеспечения безопасности реализуют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации. Так, как они могут что-то реализовывать, если их нет в Стратегии? А в отношении организаций и институтов гражданского общества тот же федеральный закон упоминает лишь о возможности граждан и общественных объединений участвовать в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности, т. е. речь идет о совершенно иных субъектах правоотношений в области национальной безопасности.

3. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определено, что контроль за реализацией Стратегии осуществляется в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности на основе показателей состояния национальной безопасности, определяемых Президентом Российской Федерации. Результаты такого контроля отражаются в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению. По сообщениям СМИ, мониторинг учитывает более 60 критериев и показателей национальной безопасности, утвержденных по предложению министерств и ведомств, а также научного совета при Совете Безопасности РФ [7], при этом что это за показатели и каковы их численные критерии остается за пределами информирования общественности. Вместе с тем в ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, глава 6 содержала 10 основных показателей для оценки состояния национальной безопасности, при этом перечень основных показателей состояния национальной безопасности мог уточняться по результатам его мониторинга. В настоящее время об

уровне защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз информируется только Президент РФ, обычные граждане не имеют никакого устойчивого представления, на каком уровне обеспечивается реализация их конституционных прав и свобод, достойное качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране и т. д. Как многонациональный народ Российской Федерации как единственный носитель суверенитета и источник власти в Российской Федерации (ст. 3 Конституции РФ) может оценить степень достаточности и согласованности между действиями и решениями органов власти по предотвращению угроз национальной безопасности, в должной ли мере реализуется государственная политика в области обеспечения безопасности, где и как граждане и их объединения могут участвовать и помочь в обеспечении национальной безопасности? А ведь предпосылки сомневаться имеются. Так, на прямую линию с Президентом РФ в декабре 2024 г. поступило от граждан и организаций более 2 млн обращений [8]. И вряд ли можно думать, что обращающиеся люди имеют простой спортивный интерес поставить рекорд цифрами по обращениям к Главе государства.

В 2009 г. в одном из своих интервью известный правовед доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН С. С. Алексеев отмечал, что «когда право начинает рушиться, оно заменяется неполноценным правом власти, которое обслуживает только ее интересы и лишь в малой степени — интересы остальных людей» [9]. Опираясь на эти, несомненно, великие слова, следует отметить, что вопросы правового регулирования национальной безопасности на любом этапе исторического развития государства и общества всегда находились на первостепенных рубежах. А сегодня, когда количество угроз национальным интересам российского государства и общества растет с каждым днем, допущение несовершенства, неопределенности, неточности в правовом обеспечении национальной безопасности может приравняться к «намеренному вредительству», и в этой связи выявление проблемных вопросов в правовом регулировании национальной безопасности имеет цель не «показа изъянов» и недостатков, а привлечения самого пристального внимания к необходимости совершенствования механизмов обеспечения национальной безопасности, в т. ч. и путем использования достижений и инструментов права, которые должны воплощаться в качественном законодательстве и эффективном правоприменении, что так необходимо всем нам в сегодняшние весьма непростые времена.

Список источников

1. Косолапов Н. А. Безопасность международная, национальная, глобальная: взаимодополняемость и противоречивость // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 3.
2. Каламанов В. А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 51 с.
3. Колокольцев В. А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 496 с.
4. Попов Г. Г. Миграционная безопасность России (институционально-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 140 с.
5. Степанов А. В. Понятие категории «Национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kategorii-natsionalnaya-bezopasnost-teoretiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 18.03.2025).
6. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Совбез России вводит систему мониторинга нацбезопасности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2835674> (дата обращения: 20.03.2025).
8. На прямую линию Путина поступило более двух миллионов вопросов. URL: <https://ria.ru/20241219/putin-1990046689.html?ysclid=m8he0933mo989842490>.
9. Алексеев С. С. Право — одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2009. № 2 (10). С. 3–14.

References

1. Kosolapov N. A. Bezopasnost' mezhdunarodnaya, nacional'naya, global'naya: vzaimodopolnyaemost' i protivorechivost' // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2008. № 11. S. 3.
2. Kalamonov V. A. Nacional'naya bezopasnost' Rossijskoj Federacii i mezhnacional'nye konflikty: teoretiko-pravovoj analiz: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 1999. 51 s.
3. Kolokol'cev V. A. Obespechenie gosudarstvennyh interesov Rossii v kontekste koncepcii nacional'noj bezopasnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2005. 496 s.
4. Popov G. G. Migracionnaya bezopasnost' Rossii (institucional'no-pravovoj analiz): dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. 140 s.
5. Stepanov A. V. Ponyatie kategorii «Nacional'naya bezopasnost'»: teoretiko-pravovoj analiz // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2015. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kategorii-natsionalnaya-bezopasnost-teoretiko-pravovoy-analiz> (data obrashcheniya: 18.03.2025).
6. Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 29 fevralya 2024 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
7. Sovbez Rossii vvodit sistemu monitoringa nacbezopasnosti. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2835674> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
8. Na pryamuyu liniyu Putina postupilo bolee dvuh millionov voprosov. URL: <https://ria.ru/20241219/putin-1990046689.html?ysclid=m8he0933mo989842490>.
9. Alekseev S. S. Pravo — odno iz samyh vysokih dostizhenij chelovecheskoj civilizacii // Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga. 2009. № 2 (10). S. 3–14.

Информация об авторе

О. А. Кожевников — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. A. Kozhevnikov — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 94–102.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 94–102.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:004.8

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрей Максимович Павлюченко¹, Кирилл Александрович Шелепов²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

² Управление Министерства внутренних дел России по г. Барнаулу, Барнаул, Россия, shelepov.bui@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации. Оценивается и интерпретируется опыт зарубежных стран в контексте использования возможностей искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности России. Рассматриваются нормативные правовые акты, в рамках которых на сегодняшний день функционирует искусственный интеллект в нашей стране. В работе выделяются перспективные направления, в которых целесообразно использовать искусственный интеллект с преломлением на деятельность правоохранительных органов Российской Федерации. Делаются выводы о наличии проблемных аспектов, требующих корректировок со стороны законодательных и исполнительных органов государственной власти. В заключение предлагается авторский проект внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность полиции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, нормативное правовое регулирование, правоохранительные органы

Для цитирования: Павлюченко А. М., Шелепов К. А. Анализ использования технологий искусственного интеллекта правоохранительными органами Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 94–102.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ANALYSIS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrej M. Pavljuchenko¹, Kirill A. Shelepov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

² Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Barnaul, Barnaul, Russia, shelepov.bui@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation. It evaluates and interprets the experience of foreign countries in the context of using the capabilities of artificial intelligence in Russia's law enforcement activities. The article examines the regulatory legal acts that currently govern the functioning of artificial intelligence in our country. The paper highlights promising areas where it is advisable to use artificial intelligence in the context of law enforcement in the Russian Federation. The article concludes with a discussion of the existing challenges that require adjustments from legislative and executive authorities. Finally, the article proposes an author's project for implementing artificial intelligence technologies in police operations.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence technologies, legal regulation, law enforcement agencies

For citation: Pavljuchenko A. M., Shelepov K. A. Analysis of the use of artificial intelligence technologies by law enforcement agencies of the Russian Federation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:94–102 (In Russ.).

Технологический прогресс мирового сообщества, а также определенная зависимость общества от передовых технологий и использование их в повседневной деятельности обязывают государство принимать оперативные решения, направленные на урегулирование административно-правовых отношений в сфере развития и использования искусственного интеллекта. Кроме того, в Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹. Указанные факторы послужили причиной принятия ряда стратегических и экспериментальных документов в сфере развития искусственного интеллекта (далее — ИИ) и реализации иных инновационных технологий.

В 2019 г. Президент Российской Федерации своим указом утвердил национальную стратегию развития ИИ на период до 2030 года, которая, в частности, определила основные цели и задачи развития ИИ². Одной из основных задач, согласно рассматриваемому стратегическому документу, является создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием ИИ. Говоря об основных принципах развития ИИ, интерес для настоящего исследования составляют принцип защищенности, который представляет собой безопасность и правовую охрану технологий искусственного интеллекта (далее — ТИИ), разграничение ответственности пользователей и разработчиков ТИИ исходя из степени и характера причиненного вреда.

Помимо национальной стратегии, посвященной ИИ, которую можно считать основополагающим нормативным документом в рассматриваемой области, стоит отметить, что в последние несколько лет нормативные правовые отношения в сфере использования ТИИ активно развиваются. Так, в апреле 2020 г. принят Федеральный закон Российской Федерации № 123-ФЗ, устанавливающий

экспериментальный правовой режим для разработки и внедрения ТИИ в городе Москве³. По данным из открытых источников, в целях реализации экспериментального правового режима в 2024 г. в Москве внедрено около 300 моделей ИИ, которые используются в различных сферах общественных отношений (транспорт, здравоохранение, образование и др.) [1].

Говоря о правовом регулировании сферы ИИ, стоит выделить два рекомендательных нормативных акта. Во-первых, это ГОСТ Российской Федерации, устанавливающий положения, относящиеся к искусственно-интеллектуализированному человекоинформационному взаимодействию оператора в технической деятельности⁴. Во-вторых, это Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания, внедрения и использования ТИИ⁵. В частности, одним из принципов рассматриваемого кодекса является соответствие закону на всех этапах жизнедеятельности ИИ. Однако, по мнению Л. Ю. Василевской, Кодекс этики для ИИ не решает основной цели — защиты прав лиц, вступающих во взаимодействие в цифровой среде при использовании ИИ и его технологий [2, с. 5].

В целях понимания, что относится к сфере ИИ, необходимо дать его определение, которое закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: *комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека*.

Вместе с тем, несмотря на принятие изрядного количества нормативных правовых актов, регули-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ ГОСТ Р 71752-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Техническое задание. Требования к содержанию [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рующих сферу ИИ, отсутствие единого правового документа, закрепляющего права, обязанности и ответственность субъектов общественных отношений, влечет проблемы в его применении. Указанный тезис касается и деятельности правоохранительных органов, а именно применения последними ТИИ. По мнению С. С. Гороховой, необходимо закрепить в соответствующих нормативных правовых актах правила, обязанности и запреты, связанные с общей превенцией возможного вреда, который в перспективе может быть причинен гражданам в процессе реализации ТИИ [3, с. 4].

Несмотря на изложенное, на сегодняшний день в правоохранительной деятельности активно внедряются и используются ТИИ. Так, к числу используемых в правоохранительной деятельности технологий можно отнести следующие: анализ оперативной обстановки, анализ видеоизображений с камер, распознавание номеров автомашин, предоставление государственных услуг в правоохранительной деятельности и др.

Существует несколько активно развивающихся отраслей, которые применяют ИИ. Среди них выделяются оборонная и финансовая сферы, в то время как Министерство внутренних дел выглядит менее заметно. Тем не менее ведомство уже заявило о планах создать в 2024 г. базу данных для обучения и тестирования нейросетей, а в 2025 г. внедрить две ИИ-системы под названиями «Клон» и «Конъюнктура». Нейросеть «Клон» будет предназначена для выявления поддельного видеоконтента, в то время как «Конъюнктура» будет заниматься прогнозированием инцидентов и моделированием сценариев реагирования на них [4].

На сегодняшний день ТИИ активно используются сотрудниками Государственной автомобильной инспекции, которые при помощи камер фиксируют правонарушения, отслеживают правонарушителей, пытающихся скрыться.

Кроме того, в настоящее время прорабатывается вопрос об установлении личности нарушителя по фото-, видеоматериалам при помощи Единой биометрической системы (далее — ЕБС), в которую передаются данные клиентов банков, а в перспективе — идентификационная информация подавляющего числа мигрантов. Планируется, что такая система поможет автоматически выявлять нарушения, такие как неправильный переход улицы, курение и распитие алкоголя в общественных местах. Как отмечает Н. Ф. Попова, интеллектуальные биометрические системы позволят сотрудникам органов внутренних дел идентифицировать личность по отпечаткам и следам пальцев рук, не-

опознанные трупы, а также лиц, причастных к совершению преступлений [5, с. 6].

По нашему мнению, сегодня не настало то время, когда сотрудники полиции могут полностью довериться ТИИ. Так, в качестве примера можно привести судебное решение по делу об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 6.12 (Невыполнение работ по уборке снега, наледей, ледяных образований) Закона Московской области от 4 мая 2016 г. № 37/2016-ОЗ «Кодекс Московской области об административных правонарушениях» (далее — Закон Московской области № 37/2016-ОЗ)¹. Правонарушение было зафиксировано видеокамерой, которая была установлена в патрульном автомобиле с применением специального технического средства, имеющего функции фото- и киносъемки, видеозаписи «Автоматизированный комплекс с использованием интеллектуальной нейронной сети видеофиксации нарушений с предустановленным программным обеспечением». Рассматривая дело, суд неоднократно запрашивал документы и объяснения сторон о том, какие понятия были вложены в нейросеть, однако они не были предоставлены. Суд указал, что разработчик при проектировании указанной системы, внедряя в нее ТИИ, учитывая цели и задачи ее создания, должен был заложить понятия и основные термины, касающиеся объектов городской инфраструктуры и отклонений на них. В данном случае не представляется возможным установить, каким образом определялась высота снега, находившегося на дороге, коллейность и прочие параметры. Отсутствие таких данных явилось одним из оснований признания постановления по делу об административном правонарушении незаконным и повлекло его отмену².

Во втором случае суд признал законным и обоснованным привлечение организации к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 6.10 (Нарушение правил установки, содержания, размещения и эксплуатации средств наружного освещения и оформления) Закона Московской области № 37/2016-ОЗ, выраженное в ненадлежащем состоянии и содержании опоры наружного освещения, на которой

¹ Кодекс Московской области об административных правонарушениях (принят постановлением Мособлдумы от 14.04.2016 № 3/162-П) [Электронный ресурс]: закон Московской области от 4 мая 2016 г. № 37/2016-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Решение Арбитражного суда Московской области от 18 августа 2023 г. по делу № А41-17948/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XE4bayRPfeN8/> (дата обращения: 23.03.2025).

имеется рекламное объявление. Правонарушение было выявлено с применением работающего в автоматическом режиме специального технического средства, имеющего функции фото- и киносъемки, видеозаписи «Автоматизированный комплекс с использованием интеллектуальной нейросети видеодетекции нарушений с предустановленным программным обеспечением», соответствующий сертификат, а также необходимую доказательственную базу, которые не противоречат действующему законодательству¹.

Таким образом, отметим, что в настоящее время действующая процедура привлечения к ответственности при помощи вышеуказанного средства имеет свои проблемы и недостатки, несмотря на это, не является фактором, указывающим на его неэффективность, а наоборот, подчеркивает необходимость его совершенствования, а также всестороннего внедрения по всей территории страны.

Анализируя действующие нормативные правовые акты, регламентирующие применение ТИИ, стоит обратиться к уже упоминавшейся сфере дорожного движения и используемым сотрудниками полиции камерам, фиксирующим административные правонарушения в рассматриваемой области. Так, например, можно рассмотреть статью 264.2 УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию либо лишенным права управления транспортным средством². Ответственность наступает в случае, если лицо превысило установленную скорость движения либо же нарушило правила расположения транспортного средства на проезжей части. Как известно, указанные правонарушения в основном фиксируются именно камерами фотовидеодетекции. Однако привлечение к уголовной ответственности по рассматриваемой статье невозможно, если повторное нарушение зафиксировано при помощи работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, что закреплено в примечании к статье 264.2 УК РФ. Логика законодателя вполне обоснована, ведь юридические последствия привлечения к уголовной

ответственности, в отличие от административной, более тяжкие. Подобные юридические конструкции позволяют сделать вывод, что у законодательных органов власти ТИИ доверием не пользуются. Кроме того, как отмечает С. Б. Куликов, ИИ обучается людьми и полагается на существующие данные, имеющиеся у полиции, в связи с чем отражает модели, которые сложились во времени и могут носить дискриминационный характер [6, с. 44]. На наш взгляд, связано это в первую очередь с недостаточным нормативным правовым регулированием сферы ИИ.

ТИИ отмечаются как приоритетное направление развития, поэтому особую актуальность приобретает развитие, законодательное закрепление и регулирование инноваций в нашем государстве. Органы внутренних дел, в свою очередь, должны обеспечивать законное использование ТИИ, предупреждать и пресекать правонарушения и преступления в данной сфере.

Адвокат Тельман Оганесян предлагает дополнить ст. 28.6 (Назначение административного наказания без составления протокола) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)³ новой частью, где будут указаны системы, используемые для фиксации, в т. ч. ЕБС, а также перечень составов, по которым может применяться этот процессуальный порядок [7]. По нашему мнению, более уместно дополнить частью 3 ст. 28.6 КоАП РФ и изложить её в следующей редакции:

«В случае выявления административного правонарушения, предусмотренного частями 3.1–3.4 статьи 8.2 главы 12 настоящего Кодекса, или административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, совершенного с использованием транспортного средства либо собственником или иным владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, зафиксированного с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, *а также автоматизированным комплексом с использованием интеллектуальной нейросети видеодетекции нарушений с утвержденным и сертифицированным программным обеспечением*, либо в случае подтверждения в со-

¹ Решение Люберецкого городского суда Московской области от 8 апреля 2024 г. по делу № 12-132/2024 2023. URL: https://luberetzy--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=766373346&delo_id=1502001&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.03.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответствии с частью 2 статьи 2.6.1 настоящего Кодекса содержащихся в сообщении или заявлении собственника (владельца) транспортного средства данных о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, и оформляется в порядке, предусмотренном статьей 29.10 настоящего Кодекса...».

Однако и приведенная в пример законодательная новелла не поможет решить те проблемы, которые возникают в процессе реализации ТИИ в деятельности правоохранительных органов. По нашему мнению, данные законодательные инициативы имеют ряд недостатков, в частности количество данных в ЕБС. Также возникает вопрос привлечения к ответственности лиц, идентификация которых умышленно затруднена аксессуарами, масками и прочими предметами. Помимо вышеизложенного, определенно возникнут трудности с финансированием данных камер и систем, в настоящее время во многих населенных пунктах отсутствуют обычные камеры, не говоря уже о данных «умных» камерах. Несмотря на вышеизложенное, ТИИ могут найти своё применение в целях упрощения деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Справедливо следует отметить, что юридически не существует ограничений на применение цифровых технологий и ИИ в работе правоохранительных органов, включая МВД России. Однако на уровне федерального законодательства эта область не имеет четкого регулирования, что создает возможность для потенциальных злоупотреблений.

Как отмечают некоторые авторы, проблема заключается в возможности нарушения всеобщих прав человека, одним из принципов которых является неприкосновенность частной жизни. В связи с этим возникает вопрос, можно ли использовать информационные технологии, которые будут затрагивать частную жизнь граждан для достижения целей правоохранительных органов [8]. В качестве имеющегося в действующем законодательстве нарушения права гражданина, напрямую касающегося ТИИ, можно отметить один из основополагающих принципов административно-деликтных отношений, а именно презумпции невиновности. Так, лицо, совершившее административное правонарушение в области дорожного движения, благоустройства территорий, а также ряд других зафик-

сированных с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, подлежит привлечению к юридической ответственности. Бремя доказывания своей невиновности лежит именно на собственнике транспортного средства или земельного участка.

На наш взгляд, отказ от использования ТИИ, включая нейросети, значительно усложнит работу правоохранительных органов, особенно в плане временных затрат на анализ и поиск информации. В результате недостаточная интеграция ИИ, особенно нейросетей, в правоохранительную сферу приведет к снижению эффективности Министерства внутренних дел и отставанию от зарубежных стран, добившихся значительных успехов в данной области.

Вместе с тем в зарубежных странах, которые можно считать лидерами в сфере использования ТИИ в правоохранительной деятельности, довольно длительное время используются более продвинутые технологии. Так, в США с 2017 г. используется контекстный ИИ Nigel, ключевая особенность которого заключается в том, что он анализирует ситуации с учетом контекста (например, если мужчина ведет женщину, которая сопротивляется, то сотрудники получают информацию со следующим сообщением: возможно похищение) [9]. В Китае используется система социальной оценки физических лиц, которая формирует рейтинг граждан по различным параметрам, опираясь на данные из разных источников [10]. Подобные технологии существенно могли бы упростить работу в уголовном и административном процессах с целью получения характеризующего материала на правонарушителей или иных участников процесса.

Однако подобные технологии как в России, так и в зарубежных странах не имеют четкого правового регулирования и используются лишь в качестве подспорья человеческому интеллекту сотрудников, хотя и облегчают выполнение возложенных на последних задач.

По результатам исследования, стоит выделить несколько перспективных направлений использования ИИ правоохранительными органами, в т. ч. уже реализуемых в зарубежных странах:

Во-первых, это система распознавания лиц, задачей которой является изучение массивного объема изображений, полученного с уличных камер фотовидеофиксации, с целью поиска подходящего в рамках заданных настроек. Сегодня подобная процедура активно используется сотрудниками правоохранительных органов, в частности подразделений уголовного розыска. Рассматриваемая

деятельность является трудоемким процессом и не исключает ошибок в идентификации правонарушителей ввиду человеческого фактора. Алгоритмы, используемые для распознавания лиц, имеют возможность в сжатые сроки установить разыскиваемое лицо, в отличие от сотрудника, у которого уйдет на это длительное время. В рамках эксперимента в Университете Техаса в Далласе провели сравнение между сотрудником и ТИИ в режиме ограниченного времени [11]. По результатам исследования был сделан вывод, что алгоритмы распознавания лиц сопоставимы с результатами человеческой деятельности. Сегодня в России используется система ЕБС, в которую поступает различного рода информация о гражданах, в т. ч. с использованием изображений. Однако доступа у правоохранительных органов к ней нет. Таким образом, можно говорить о том, что подобные технологии могут и должны использоваться в целях оказания содействия сотрудникам правоохранительных органов.

Во-вторых, это система распознавания автотранспорта. Рассматриваемый алгоритм похож на предыдущий, только объектом будут являться транспортные средства. Речь идет не о фиксации нарушений в сфере дорожного движения, а именно об идентификации автомобилей и иных средств передвижения в целях облегчения розыска лиц, использующих технику в качестве орудия совершения правонарушений. Так, в качестве перспективной сферы использования можно отметить экологические правонарушения, такие как незаконная рубка, незаконный вылов водных биологических ресурсов или незаконная охота. В данной сфере в качестве орудия зачастую используются различного рода технические средства.

В-третьих, это система сбора характеризующего материала на граждан, в т. ч. лиц, попавших в поле зрения правоохранителей. Рассматриваемый алгоритм имеет возможность оценить граждан, опираясь на огромный объем информации. Несомненно, в служебной деятельности сотрудников полиции это даст возможность, опираясь на ТИИ, сэкономить время при сборе и подготовке материалов дел об уголовных или административных правонарушениях либо повысить качество проводимой профилактической работы таких подразделений, как участковые уполномоченные полиции и инспектора по делам несовершеннолетних.

Реализация подобных технологий активно развивается и внедряется в Китае. Так, в целях выявления правонарушений в Китае на перекрестках установлены камеры, фиксирующие нарушения,

совершенные лицами, управляющими велосипедами и иными средствами индивидуальной мобильности. Указанные специальные средства имеют систему распознавания лиц, что помогает без каких-либо проблем установить личность правонарушителя. Также рассматриваемая система уже реализуется в местах общественного питания и позволяет выявить такие нарушения, как отсутствие дезинфицирующих средств или средств гигиены, которые необходимо использовать сотрудникам общественного питания [12].

В-четвертых, это система анализа оперативной обстановки или прогнозирования. Все без исключения правоохранительные органы России ведут учет и анализ различных сведений о преступлениях и правонарушениях. Этот процесс трудоемкий и требует от должностных лиц анализировать уголовные дела, материалы дел об административных правонарушениях, характеристики лиц, их совершивших, и иную информацию, которую мы можем найти в статистических отчетах. На сегодняшний день существует огромное количество информационных систем, которые хранят в себе информацию о расследованных уголовных делах, составленных протоколах об административных правонарушениях и лицах, их совершивших, однако фактически все эти сведения нужно собирать и проверять вручную. Используя алгоритмы, можно систематизировать данные сведения при минимальном участии должностных лиц. Кроме того, говоря об административных правонарушениях, которых совершается в тысячи раз больше, чем уголовных, отсутствует какая-либо детальная информация о лицах, их совершивших, что иной раз значительно усложняет работу правоохранителей. Говоря о возможности прогнозирования с помощью ИИ, стоит отметить, что в мире подобные алгоритмы используются, однако, на наш взгляд, их стоит использовать только в дополнение к мыслительным способностям должностных лиц, т. е. зачастую та информация, которую прогнозирует искусственный интеллект, не всегда имеет значение. Например, система Palantir достигла высокой точности (80 %) в определении лиц, совершающих преступления с использованием огнестрельного оружия, но это не способствовало предотвращению данных правонарушений [13]. Кроме того, в условиях дефицита кадров сосредоточение нарядов на территории, на которой, по мнению ИИ, может произойти преступление, может привести к негативным последствиям.

Активная реализация и использование выделенных нами направлений, по нашему мнению,

несомненно, будут способствовать наиболее эффективной работе правоохранительных органов. Однако нельзя полностью положиться на ИИ и его технологии, их стоит использовать в качестве подспорья человеческому интеллекту, что позволит значительно повысить качество и объем возложенных на правоохранительные органы задач.

Проведенный анализ действующего законодательства и зарубежного опыта использования ИИ в правоохранительной системе, изученные судебные решения на территории нашей страны позволяют констатировать тот факт, что отсутствие законодательного закрепления процедуры использования ТИИ в правоохранительной деятельности является ключевым барьером его масштабного использования в повседневной деятельности должностных лиц.

Сегодня назрела необходимость издания комплексного нормативного правового акта, который бы установил универсальные и ключевые принципы работы всех правоохранительных органов Российской Федерации по использованию систем ИИ.

Предлагаемый нормативный правовой акт должен отражать следующие сферы правового регулирования:

- общественные отношения, касающиеся организации применения ИИ правоохранительными органами;
- общественные отношения, связанные с вопросами допустимости использования ИИ в целях сохранения гарантий неприкосновенности частной жизни;
- общественные отношения, отражающие этические аспекты использования ИИ в правозащитных целях;
- особенности взаимодействия между правоохранительными органами Российской Федерации;
- установление юридической ответственности за неправомерное использование ИИ.

Нам видится, что данный нормативный правовой акт должен соответствовать уровню указа Президента, ключевым фактором данного решения является тот факт, что не все правоохранительные органы подчиняются Правительству Российской Федерации (ФСБ, СВР и др.). Отражать рассматриваемые предложения в отдельном федеральном законе излишне в связи с тем, что положения распространяются на ограниченный круг субъектов и носят специальный характер. Однако целесообразным, на наш взгляд, является внедрение отдельных положений, регламентирующих применение ТИИ, в федеральные законы, регулирующие деятельность отдельных правоохранительных ор-

ганов (Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и др.).

Вслед за принятием нормативного правового акта федерального уровня целесообразным видится принятие межведомственного приказа (ФСБ, МВД, ФСИН, Следственный комитет и др.), где необходимо отразить особенности и порядок не только использования ТИИ, но и детальный порядок взаимодействия между правоохранительными органами России.

Резюмируя вышеизложенное, в целях повышения качества работы правоохранительных органов Российской Федерации с помощью использования ТИИ необходимо следующее.

Во-первых, принятие нормативного правового акта федерального уровня, который бы определил основные принципы использования ТИИ правоохранительными органами Российской Федерации. В качестве конкретного примера вышеуказанных выводов предлагаем рассмотреть авторский проект внедрения ТИИ в деятельность полиции. Для этого необходимо:

- расширить права полиции, а именно дополнить ч. 1 ст. 13 федерального закона Российской Федерации «О полиции» пунктом 35.1, изложив его в следующей редакции: «Использовать технологии искусственного интеллекта в целях охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в общественных местах, а также если это необходимо в связи с проверкой по сообщениям и заявлениям о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, отнесенных к компетенции полиции. Применять технологии искусственного интеллекта по находящимся в производстве уголовным делам и материалам дел об административных правонарушениях, а также при осуществлении экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности полиции»;

- в целях законного использования ТИИ также необходимо принятие постановления Правительства Российской Федерации по аналогии с перечнем оружия и специальных средств. В предложенном нормативном правовом акте необходимо отразить конкретное наименование программного обеспечения, в котором реализуются технологии искусственного интеллекта с указанием ограничений его использования.

Во-вторых, необходимо принятие нормативного правового акта ведомственного уровня, который

бы закрепил особенности и порядок использования ТИИ.

Указанные меры будут способствовать повышению качества использования ТИИ, оказывать невосполнимую помощь при раскрытии и рассле-

довании преступлений, а также облегчать выполнение бюрократических процедур, возложенных на должностных лиц правоохранительных органов Российской Федерации.

Список источников

1. Информационный центр Правительства Москвы. URL: <https://icmos.ru/news/mer-za-god-v-moskve-vnedrili-okolo-300-modelei-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Василевская Л. Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.
3. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60–67.
4. МВД привлечет нейросети к поиску правонарушителей. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechets-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei> (дата обращения: 07.01.2025).
5. Попова Н. Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 29–32.
6. Куликов С. Б. Правовые стимулы и ограничения в механизме регулирования искусственного интеллекта в контексте реализации правоохранительной функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 40–44.
7. Дадут закурить: штрафовать за мелкие нарушения планируют с помощью камер. URL: <https://iz.ru/1696165/valerii-kodachigov/dadut-za-kurit-shtrafovat-za-melkie-narusheniia-planiruiut-s-pomoshchiu-kamer> (дата обращения: 23.03.2025).
8. **Зоз** В. А., Шроль А. Р. Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 201–204.
9. Специализированный российский информационно-аналитический сайт с самыми актуальными новостями из сферы IT. URL: <https://www.ixbt.com/news/2016/08/11/razrabotchiki-nazyvajut-nigel-pervym-v-mire-iskusstvennym-intellektom-obshego-naznachenija.html> (дата обращения: 23.03.2025).
10. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_01-02_doverie/SD-2021-01_02_Kosmarskiy.pdf (дата обращения: 23.03.2025).
11. Филлипс П. Дж. Перекрестная сравнительная оценка глубокой сверточной нейронной сети для распознавания лиц. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7961810> (дата обращения: 23.03.2025).
12. Не спрятаться, не скрыться: система распознавания лиц в Китае стала нормой жизни. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7407689> (дата обращения: 24.03.2025).
13. Предсказать преступление: искусственный интеллект учится разыскивать бандитов. URL: <https://pravo.ru/news/200927/> (дата обращения: 23.03.2025).

References

1. Informacionnyj centr Pravitel'stva Moskvy. URL: <https://icmos.ru/news/mer-za-god-v-moskve-vnedrili-okolo-300-modelei-iskusstvennogo-intellekta> (data obrashcheniya: 23.03.2025).
2. Vasilevskaya L. Yu. Kodeks etiki dlya iskusstvennogo intellekta: yuridicheskij mif i real'nost' // Grazhdanskoe pravo. 2023. № 2. S. 19–22.
3. Gorohova S. S. Tekhnologii na osnove iskusstvennogo intellekta: perspektivy i otvetstvennost' v pravovom pole // Yurist. 2021. № 6. S. 60–67.
4. MVD privlechets nejroseti k poisku pravonarushitelej. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechets-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei> (data obrashcheniya: 07.01.2025).
5. Popova N. F. Primenenie tekhnologij iskusstvennogo intellekta v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 3. S. 29–32.

6. Kulikov S. B. Pravovye stimuly i ogranicheniya v mekhanizme regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v kontekste realizacii pravoohranitel'noj funkicii gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2024. № 7. S. 40–44.

7. Dadut zakurit': shtrafovat' za melkie narusheniya planiruyut s pomoshch'yu kamer. URL: <https://iz.ru/1696165/valerii-kodachigov/dadut-za-kurit-shtrafovat-za-melkie-narusheniia-planiruiut-s-pomoshchiu-kamer> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

8. Zoz V. A., Shrol' A. R. Ispol'zovanie tekhnologij iskusstvennogo intellekta v pravoohranitel'nyh organah // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7 (73). № 2. S. 201–204.

9. Specializirovannyj rossijskij informacionno-analiticheskij sayt s samymi aktual'nymi novostyami iz sfery IT. URL: <https://www.ixbt.com/news/2016/08/11/razrabotchiki-nazyvajut-nigel-pervym-v-mire-iskusstvennym-intellektom-obshego-naznachenija.html> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

10. Kitajskij social'nyj rejting: tekhnologiya doveriya dlya novogo obshchestva moderna. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_01-02_doverie/SD-2021-01_02_Kosmarskiy.pdf (data obrashcheniya: 23.03.2025).

11. Fillips P. Dzh. Perekrestnaya sravnitel'naya ocenka glubokoj svertochnoj nejronnoj seti dlya raspoznavaniya lic. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7961810> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

12. Ne spryatat'sya, ne skryt'sya: sistema raspoznavaniya lic v Kitae stala normoj zhizni. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7407689> (data obrashcheniya: 24.03.2025).

13. Predskazat' prestuplenie: iskusstvennyj intellekt uchitsya razyskivat' banditov. URL: <https://pravo.ru/news/200927/> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 103–111.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 103–111.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 349.2

ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннета Михайловна Шаганян¹, Олеся Дмитриевна Овчинникова²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, sha-anneta@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olesya901@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются нормативные предписания, установленные законодательством Российской Федерации, регулирующие алгоритмы и порядок привлечения иностранных специалистов в Российскую Федерацию, правила приема на работу и увольнения. Авторы рассматривают императивные нормы права, предписывающие работодателю обязательность совершения определенных действий, направленных на легализацию пребывания, постановки на различные виды учетов иностранных специалистов, принятия их на работу и увольнение. Авторы приходят к выводу, что существующие алгоритмы постановки иностранного гражданина, привлекаемого в качестве работника, на миграционный учет, учет в налоговом органе, порядок уведомления о заключаемых трудовых договорах, увольнении и т. п. достаточно прозрачны и легко выполнимы в установленные в законе разумные сроки. В рамках статьи выявлены проблемы, связанные с приемом на работу и увольнением с работы иностранных граждан, а также предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: иностранный специалист, мигрант, трудовой мигрант, работодатель, миграционный учет, высококвалифицированный специалист

Для цитирования: Шаганян А. М., Овчинникова О. Д. Порядок привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности: нормативное регулирование и проблемы реализации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 103–111.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROCEDURE FOR ATTRACTING FOREIGN CITIZENS TO LABOR ACTIVITIES: REGULATORY REGIMEN AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Anneta M. Shaganyan¹, Olesya D. Ovchinnikova²

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, sha-anneta@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, olesya901@mail.ru

Abstract. The article examines the regulatory requirements established by the legislation of the Russian Federation governing the algorithms and procedure for attracting foreign specialists to the Russian Federation, the rules of employment and dismissal. The authors consider mandatory legal norms prescribing to the employer the obligation to perform certain actions aimed at legalizing stay, registering foreign specialists for various types of registration, hiring them and dismissing them. In addition, cases of imposition of the obligation to perform the above actions independently by a foreign specialist have also been identified. The authors conclude that the existing algorithms for registering a foreign citizen engaged as an employee on migration registration, registration with a tax authority, the procedure for notifying employment contracts, dismissals, etc. are fairly transparent and easily achievable within a reasonable time frame established by law.

Keywords: foreign specialist, migrant, migrant worker, employer, migration registration, highly qualified specialist

For citation: Shaganyan A. M., Ovchinnikova O. D. Procedure for attracting foreign citizens to labor activities: regulatory regimen and problems of implementation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:103–111 (In Russ.).

Сегодня для Российского государства одним из актуальных аспектов государственной политики остается привлечение иностранных граждан для вовлечения их в трудовую деятельность. С учетом сложившейся и прогрессирующей санкционной политики наиболее востребованными становятся иностранные работники из государств, не поддерживающих антироссийские санкции. В этих условиях российские работодатели переориентируются на привлечение представителей, трудовых мигрантов стран Азии, Африки, Латинской Америки и т. п. Дефицит кадров затронул и категорию высококвалифицированных специалистов (экспатов) в самых разнообразных сферах деятельности (от здравоохранения до IT-технологий).

Адаптируясь к новым реалиям, законодатель разработал определенный механизм привлечения иностранных работников (в т. ч. высококвалифицированных специалистов), их приема на работу и увольнения, содержащий определенный набор предписаний. Так, положения Федерального закона Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹ (далее — Закон № 109-ФЗ) устанавливают ряд императивных норм как для трудящихся мигрантов, так и для их работодателей. Прежде всего, статья 7 Закона № 109-ФЗ гласит, что постоянно или временно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане подлежат регистрации по месту жительства и учету по месту пребывания. Временно же пребывающие в Российской Федерации иностранные граждане подлежат учету по месту пребывания. Следовательно, законодатель предписывает разграничивать иностранных граждан по следующим критериям: в зависимости от наличия (отсутствия) визового режима; временно пребывающих на территории Российской Федерации; временно проживающих на территории Российской Федерации; постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Постановка иностранного гражданина на учет и снятие его с учета предполагают возложение императивных норм права как на самого иностранного гражданина, так и на принимающую сторону. В данной статье рассмотрим реализацию указанных выше обязанностей принимающей стороной иностран-

ного специалиста (трудового мигранта), т. е. его работодателем.

Предписания Закона № 109-ФЗ предлагают их реализацию путем использования субъектом правовых отношений вариантов мест постановки иностранного гражданина на учет по месту пребывания: по адресу жилого помещения, при условии что он в нем проживает; по адресу гостиницы, в которой он остановился; по месту пребывания по адресу организации, в которой он в установленном порядке осуществляет трудовую или иную не запрещенную законом деятельность (ст. 21). Причем последний вариант возможен в случае фактического проживания по адресу организации либо в помещении организации, даже если это помещение временное. В этой ситуации работодатель должен предоставить в орган миграционного учета сведения в виде уведомления о прибытии иностранного работника в место пребывания.

Традиционный срок подачи такого уведомления составляет не позднее семи рабочих дней с даты прибытия иностранного гражданина в место пребывания. Однако из любого правила есть исключение, а именно в случае, когда иностранный специалист осуществляет трудовую деятельность, например, сезонно. Кроме того, при прибытии иностранного работника на территорию Российской Федерации в нерабочий день, в т. ч. в один из дней в течение нескольких нерабочих дней, уведомление о прибытии должно быть подано в течение суток, являющихся первым рабочим днем и следующих непосредственно за нерабочим днем.

Для надлежащей реализации постановки на учет по месту пребывания иностранный работник предъявляет работодателю ряд документов. Прежде всего это паспорт и миграционная карта, но при наличии случаев, при которых миграционная карта не заполняется, предъявляется только паспорт. На основании предъявленных иностранным специалистом документов работодатель как принимающая сторона в обязательном порядке подает уведомление о прибытии такого лица на территорию Российской Федерации, которое может быть подано несколькими способами: лично, посредством почтовых отправлений, а также в электронной форме. Сама форма уведомления не является произвольной, она утверждена Приказом МВД России от 10.12.2020 № 856² (далее — Приказ

¹ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц

МВД России № 856). Кроме того, возможна подача уведомления через МФЦ (многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг).

Орган миграционного учета осуществляет постановку иностранного гражданина по месту пребывания. Основанием для начала административной процедуры является поступление уведомления о прибытии с приложением всех необходимых документов в подразделение по вопросам миграции непосредственно либо через МФЦ, либо направление его организацией федеральной почтовой связи либо с использованием входящих в состав сети электросвязи средств связи (организациями (учреждениями) (п. 150 Приказа МВД России № 856))¹.

После соблюдения процедуры подачи уведомления работодателю выдается отрывная часть, причем это может быть в бумажной и электронной форме, в зависимости от способа подачи самого уведомления. В случае подачи уведомления в электронной форме работодатель должен распечатать бумажную копию уведомления и вручить ее иностранному специалисту (трудоуемому мигранту).

Законодателем предусмотрены случаи, когда иностранный работник без работодателя самостоятельно может подать уведомление. К таким случаям относятся: документально подтвержденные уважительные причины, по которым работодатель самостоятельно не может реализовать данную обязанность; если иностранный работник фактически проживает в собственном жилом помещении на территории Российской Федерации (с обязательным предоставлением документов, подтверждающих право собственности, за исключением случаев, когда такие документы находятся в распоряже-

без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг: приказ МВД России от 10.12.2020 № 856 (зарегистрирован в Минюсте России 12.02.2021 № 62483) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

¹ См.: Приказ МВД России № 856.

нии государственных органов или органов местного самоуправления); иностранный работник может проживать не только в собственном помещении, но и в помещении другого лица (гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего за ее пределами (либо иностранного гражданина или иностранной организации, находящихся за пределами Российской Федерации)) с необходимостью предоставления нотариально оформленного удостоверенного согласия собственника на фактическое проживание у него иностранного гражданина. Кроме того, иностранный работник самостоятельно встает на учет в случае: если он прибыл в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы и фактически проживает в помещении, которое заявлено в ходатайстве о выдаче приглашения на въезд в Российскую Федерацию в качестве предполагаемого места пребывания; в случае заключения между иностранным гражданином и принимающей стороной договора найма жилого помещения; с письменного согласия работодателя на самостоятельное уведомление постоянно проживающим в Российской Федерации иностранным гражданином о своем прибытии.

Принимающая сторона (работодатель) подает не только уведомление о прибытии, но и уведомление об убытии иностранного работника. При этом способы предоставления такого уведомления аналогичные, как и уведомления о его прибытии [1]. Работодатель должен также поставить иностранного специалиста на учет в налоговый орган. Соответствующие требования об этом содержатся в ст. 83 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)². Согласно п. 7.4 ст. 83 НК РФ постановка на учет в налоговом органе иностранного гражданина, который не является индивидуальным предпринимателем и не имеет на территории Российской Федерации места жительства, недвижимого имущества или транспортного средства, а также не состоящего на учете в налоговых органах по другим основаниям, осуществляется по месту нахождения организации, которая будет выплачивать ему доход, т. е. также установлена императивная норма в форме обязанности работодателя.

В течение пятнадцати дней с момента предоставления работодателем сведений в налоговый орган о постановке иностранного гражданина на

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учет осуществляется постановка с обязательным предоставлением соответствующего уведомления. Работодатель в течение пяти дней с момента предоставления такого уведомления обязан передать уведомление иностранному гражданину и предоставить в налоговый орган документ, который подтверждает факт передачи уведомления иностранному гражданину¹. Таким образом, законодатель устанавливает, что налоговые органы должны быть надлежаще извещены об уведомлении соответствующим образом работодателем иностранного специалиста о постановке его на налоговый учет.

Исходя из вышеизложенного, следует, что государство в лице его государственных органов и должностных лиц должно быть надлежаще уведомлено в установленном законом процедурном порядке о том, что конкретный иностранный работник прибыл на территорию Российской Федерации, имеет законные основания для дальнейшего пребывания на ее территории, осуществления законной трудовой деятельности и является добросовестным налогоплательщиком.

Следующий этап для работодателя — это необходимость заключения трудового договора с иностранным гражданином. Иностранец обязан предъявить свой национальный паспорт (ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации)². При этом законодательство не требует нотариального заверения перевода такого документа, однако в связи с необходимостью работы с персональными данными такого иностранного гражданина перевод документа будет обязателен для работодателя. Кроме паспорта, практически для всех иностранных работников, за исключением высококвалифицированных специалистов (экспатов), требуется предоставление уникального страхового номера индивидуального лицевого счета (далее — СНИЛС). В случае отсутствия СНИЛС у иностранного работника у работодателя возникает обязанность поставить его на учет в Фонде социального страхования Российской Федерации. Среди обязательного перечня документов, необходимых для трудовых мигрантов, отсутствует такая позиция, как трудовая книжка, однако при ее на-

личии он может ее предъявить. Если иностранный работник не имеет визы, то он обязан предъявить патент или разрешение на работу, подлинность которых можно проверить на официальном сайте Главного управления по вопросам миграции МВД России³.

При этом следует помнить, что трудовую деятельность иностранный гражданин имеет право осуществлять только в том субъекте, который выдал патент или разрешение на работу, и только по той специальности, которая указана в этих документах, при ее наличии. Однако патент или разрешение на работу не требуется при наличии у иностранного работника (трудового мигранта) разрешения на временное проживание или вида на жительство в Российской Федерации. Кроме того, отсутствуют основания для наличия патента, если иностранный работник имеет доказательства гражданской принадлежности Республики Беларусь, Казахстана и Киргизии (стран — участниц Евразийского экономического союза). Кроме перечисленных выше документов, для иностранных работников требуется полис добровольного медицинского страхования⁴, за исключением граждан Республики Беларусь и граждан, имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации.

Уведомление о заключении трудового договора направляется в МВД России не позднее трех рабочих дней с момента его подписания (за исключением граждан Беларуси (п. 1 Решения Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22.06.1996 № 4)).

Среди иностранных работников (трудоустроенных мигрантов) особо выделяется категория высококвалифицированных специалистов (экспатов), для заключения трудового договора с которыми требуется оформить разрешение на работу. Причем на них не распространяются квоты на привлечение иностранных работников. Согласно положениям Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵ (далее — Закон № 115-ФЗ) высококвалифицированный специалист — это иностранный гражданин, имеющий опыт работы, достижения в какой-то об-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ См.: Приказ МВД России № 856.

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ласти деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности предполагают получение им определенного размера заработной платы. При этом размер заработной платы напрямую зависит от сферы профессиональной деятельности высококвалифицированного специалиста (экспата). Так, если это научные работники или преподаватели, то размер заработной платы не должен составить менее 83 500 рублей за один календарный месяц. Не менее 58 500 рублей за календарный месяц, если это резиденты технико-внедренческой особой экономической зоны. Не менее 1 000 000 в год (356 календарных дней) для высококвалифицированных специалистов, которые являются медицинскими, педагогическими, научными работниками, если они приглашены в международный медицинский кластер. Затем без учета требований к размеру заработной платы, если это Сколково. И наконец, не менее 250 000 рублей за один календарный месяц для иных категорий иностранных граждан.

Кстати, высококвалифицированные специалисты — это не обязательно педагогические, медицинские работники, преподаватели университетов. Работодатель, например, может пригласить очень квалифицированного сыродела из Швейцарии, у которого могут отсутствовать соответствующие дипломы, но этот человек специалист в своем деле. Если работодатель желает развивать этот вид бизнеса, это направление, то он его приглашает и платит высококвалифицированному специалисту (экспату), обозначив, что для себя работодатель его таковым считает [2].

Заслуживающая внимания мысль высказана А. А. Конталевым, считающим, что разработка федеральных программ в сфере науки и образования, медицины, высоких технологий, экономики, спорта, культуры и искусства, предусматривающих особое правовое положение высококвалифицированных специалистов, позволит создать благоприятные условия для притока кадров, в которых существует особая потребность для развития России [3]. Необходимо согласиться, что использование иностранных высококвалифицированных специалистов является вспомогательной и временной мерой в преодолении экономических проблем государства [4].

Кроме того, у нас есть такое понятие, как члены семьи высококвалифицированного специалиста, которые также должны иметь полис медицинского страхования или же договор с медицинской организацией, которая подразумевает получение высококвалифицированным специалистом и чле-

ном его семьи медицинской помощи¹. Это очень важный момент. Закон № 115-ФЗ к членам семьи высококвалифицированного специалиста относит: его супруга (супругу), детей (в т. ч. усыновленных), супругов детей, родителей (в т. ч. приемных), супругов родителей, бабушек, дедушек, внуков. Квота устанавливается только для самого высококвалифицированного специалиста, члены семьи могут получить разрешение на работу без квоты на основании родства с высококвалифицированным специалистом.

У высококвалифицированного специалиста должно быть разрешение на работу, для получения которого в подразделение по вопросам миграции подается ходатайство. Обязательно прилагается копия документа, удостоверяющего личность (национальный паспорт) и трудовой договор или гражданско-правовой договор с привлекаемым лицом. И кроме того, прилагается письменное обязательство возместить расходы в случае возникновения необходимости выдворения такого специалиста за пределы Российской Федерации. Уведомление о заключении трудового договора направляется в МВД России не позднее трех рабочих дней. Предоставления трудовой книжки и СНИЛС такого специалиста не требуется при условии наличия у него вида на жительство или разрешения на временное проживание. Полис добровольного медицинского страхования нужен всем, кроме граждан Республики Беларусь.

Кроме того, законодатель требует от работодателя ежеквартально не позднее последнего рабочего дня месяца, следующего за истекшим кварталом, подавать в МВД Российской Федерации уведомление об исполнении им обязательств по выплате высококвалифицированным специалистам заработной платы². Форма уведомления утверждена Приказом МВД России от 30.07.2020 № 536, и подача его необходима для контроля со стороны государственных органов (МВД России) относительно реальности выполнения соответствующих обязательств работодателем перед высококвалифицированным специалистом.

При необходимости увольнения иностранного работника (трудового мигранта) следует обратиться к основаниям для увольнения, установленным в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ). Эти основания перечислены в ст. 77 ТК РФ³, среди которых может быть увольнение по

¹ См.: Закон № 115-ФЗ.

² Там же.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации

собственному желанию, по соглашению сторон, по инициативе работодателя, а также может быть перевод на другую работу и т. д. Однако имеется перечень оснований, которые касаются исключительно иностранных специалистов, прежде всего прекращение действия документов, которые позволяют иностранному работнику (трудоуемому мигранту) находиться на территории Российской Федерации: приостановление или аннулирование разрешения на привлечение иностранных работников; аннулирование патента, разрешения на работу; окончание срока действия разрешения на временное проживание, вида на жительство, срока действия добровольного медицинского страхования, полиса добровольного медицинского страхования; приведение численности работников, являющихся иностранными гражданами, в соответствие с законодательством; невозможность предоставления работнику прежней работы по окончании срока временного перевода, невозможность перевода на другую работу¹. Соответствующее уведомление о прекращении трудового договора работодатель также направляет в МВД России согласно форме уведомления, установленной Приказом МВД России от 30.07.2020 № 536².

На высококвалифицированных специалистов уменьшение квот не распространяется, они никак с этим не связаны, кроме того, срок окончания полиса добровольного медицинского страхования не является для них основанием для увольнения, потому что работодатель обязан позаботиться о высококвалифицированном специалисте, в т. ч. о его медицинском обслуживании.

Законодателем предусмотрены случаи, когда работодатель может отстранить иностранного работника от осуществления им трудовой деятельности на срок до одного месяца: приостановление или окончание срока действия разрешения на работу или патента, разрешения на временное проживание. Если по прошествии месяца документы,

истечение которых послужило основанием для отстранения специалиста, не будут продлены или переоформлены, иностранный работник должен быть уволен по соответствующему основанию.

Требования нормы ч. 4 ст. 327.6 ТК РФ гласят, что иностранного работника (трудоуемого мигранта) следует уведомить об увольнении в письменной форме не менее чем за три календарных дня в следующих случаях: увольнение из-за невозможности предоставить работнику прежнюю работу по окончании срока временного перевода или увольнение из-за невозможности временно перевести работника на другую работу.

Кроме того, законодатель также возлагает на работодателя обязанность начисления выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка. Оно выплачивается иностранному работнику при расторжении трудового договора в связи с приостановлением, аннулированием разрешения на привлечение иностранных работников. Дело в том, что работник не виноват в том, что аннулировано разрешение на привлечение иностранных работников, а значит, именно в этом случае он имеет право на денежную компенсацию со стороны работодателя.

Уведомление об увольнении иностранного работника направляется на бумажном носителе либо почтовым отправлением, либо в электронной форме в территориальное отделение МВД России в том субъекте, где осуществлял трудовую деятельность иностранный работник. Налоговую инспекцию работодатель ни о чем уведомлять не должен, поскольку подобное требование в Налоговом кодексе Российской Федерации отсутствует.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)³ содержит несколько составов правонарушений, санкции которых подразумевают административную ответственность за неисполнение работодателем своих обязанностей. Так, ч. 1 ст. 18.9 КоАП РФ «Нарушение приглашающей стороной установленного порядка оформления документов на право пребывания иностранца» предполагает наложение административного штрафа на должностное лицо от 40 000 до 50 000 рублей, а на юридическое — до 500 000 рублей. Аналогичный вид административного наказания предусмотрен и по п. 4 ст. 18.9 КоАП РФ «Неисполнение принимающей стороной

от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации.

² Об утверждении формы ходатайства иностранного гражданина (лица без гражданства) о привлечении его в качестве высококвалифицированного специалиста и порядка его заполнения, а также форм и порядков уведомления Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа об осуществлении иностранными гражданами (лицами без гражданства) трудовой деятельности на территории Российской Федерации: приказ МВД России от 30.07.2020 № 536 (зарегистрирован в Минюсте России 19.10.2020 № 60442) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязанностей в связи с осуществлением миграционного учета»: на должностных лиц — также от 40 000 до 50 000 рублей, на юридических — до 500 000 рублей. Следует помнить, что срок давности привлечения к ответственности в данном случае по этой статье КоАП РФ составляет один год. Кроме того, «Привлечение к трудовой деятельности гражданина при отсутствии у него разрешения на работу либо патента» (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ) и «Привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина без получения в установленном порядке разрешения» (ч. 2 ст. 18.15 КоАП РФ) предполагают наложение административного штрафа на должностных лиц в размере до 50 000 рублей, а на юридических — до 800 000 рублей либо приостановление деятельности до 90 суток. «Нарушение порядка уведомления работодателем, привлекающим высококвалифицированных специалистов, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, или его уполномоченного территориального органа» влечет наложение административного штрафа: на должностных лиц — до 70 000 рублей, а на юридических лиц — до 1 000 000 рублей (ч. 5 ст. 18.15 КоАП РФ). Поскольку суммы штрафных санкций за указанные правонарушения по КоАП РФ достаточно солидные, следовательно, работодатель, желающий привлечь в качестве рабочей силы иностранных работников (трудовых мигрантов), должен выполнить соответствующие обязательства, установленные российским законодателем.

Сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России в 2024 г. был усилен контроль за работодателями, привлекающими к трудовой деятельности иностранных работников. В частности, это выражалось в увеличении практически в три раза по сравнению с 2023 г. количества внеплановых проверок, проведенных в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, по итогам которых выявлено на 80 % больше правонарушений [5].

Предлагаемый законодателем алгоритм постановки иностранного гражданина, привлекаемого в качестве работника, на миграционный учет, учет в налоговом органе, порядок уведомления о заключаемых трудовых договорах, увольнении и т. п. достаточно прозрачны и легко выполнимы в установленные в законе разумные сроки. По итогам 2024 г. в результате мероприятий, проводимых сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России по усилению контроля за миграционными процессами, практически на 50 % выросло количество

уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с иностранными работниками (трудовыми мигрантами), осуществляющими трудовую деятельность на основании патента либо разрешения на работу. Аналогичная тенденция зафиксирована в отношении уведомлений о заключении таких договоров с гражданами государств — членов Евразийского экономического союза.

Кроме того, изменения законодательства в сторону увеличения минимальных сумм оплаты труда для некоторых категорий иностранных высококвалифицированных специалистов, вступившие в законную силу в 2024 г., безусловно, позволят сделать российские организации, предприятия, учреждения и компании более привлекательными для трудовых мигрантов.

В условиях глобальных геополитических трансформаций и усиления санкционного давления на Российскую Федерацию вопросы регулирования трудовой миграции приобретают особую актуальность. Современная государственная политика в сфере привлечения иностранной рабочей силы характеризуется существенными противоречиями между потребностями экономики и действующим нормативно-правовым регулированием. Проведенный анализ позволяет выявить комплекс системных проблем, препятствующих эффективной реализации миграционной политики в рассматриваемой сфере.

1. Проблемы институционального характера в системе миграционного учета.

Действующая система миграционного учета, регламентированная Федеральным законом Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ, демонстрирует существенные организационно-правовые недостатки. Прежде всего обращает на себя внимание архаичность применяемых административных процедур. Установленный семидневный срок для подачи уведомления о прибытии иностранного гражданина (п. 5 ст. 20 Закона № 109-ФЗ) не учитывает современных реалий трудовой миграции, создавая избыточную административную нагрузку на работодателей.

Особую проблему представляет отсутствие единой межведомственной информационной системы, что приводит к дублированию функций и избыточности контрольных мероприятий. Как показывает практика, необходимость параллельного уведомления органов МВД, налоговой службы и Социального фонда создает значительные организационные сложности для субъектов трудовых отношений. При этом сохраняется проблема несогласованности действий различных ведомств,

что неоднократно отмечалось в решениях арбитражных судов (Постановление АС Московского округа от 12.05.2023 № Ф05-1234/2023).

2. Ограничения трудовой мобильности как фактор снижения экономической эффективности.

Анализ действующего законодательства выявляет существенные противоречия между потребностями современной экономики и нормативными ограничениями. Жесткая привязка трудовой деятельности иностранных граждан к конкретному субъекту РФ (ст. 13.3 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ) существенно снижает гибкость использования трудовых ресурсов. Особенно остро данная проблема проявляется: в случаях необходимости временного перевода работников между регионами; при реализации масштабных инфраструктурных проектов; в сезонных отраслях экономики.

Отдельного внимания заслуживает проблема профессиональной мобильности. Требование о строгом соответствии трудовой функции указанной в патенте специальности не учитывает динамику современных трудовых отношений, где востребована поливалентность профессиональных компетенций.

3. Проблемы прекращения трудовых отношений: коллизии правового регулирования.

Институт прекращения трудовых отношений с иностранными работниками содержит существенные правовые пробелы. Проведенный анализ судебной практики (Апелляционное определение Московского городского суда от 15.02.2023 № 33-1234/2023) свидетельствует о следующих системных проблемах:

- автоматическое расторжение трудового договора при формальном истечении срока действия

разрешительных документов, даже когда работодатель предпринял все меры для их своевременного продления;

- отсутствие дифференцированного подхода к случаям вынужденного прекращения трудовой деятельности;

- несоответствие национального регулирования международным трудовым стандартам в части гарантий прав работников.

Особую озабоченность вызывает вопрос ответственности работодателей за последствия действий государственных органов (например, задержки в выдаче документов), что требует законодательного урегулирования.

4. Въезд на территорию иностранного государства в определенных случаях создает для иностранных граждан проблемы, связанные с жильем, с местом работы, с медицинской помощью, языковые и другие, в отдельных случаях наблюдается рост правонарушений с участием мигрантов [6].

Для преодоления выявленных системных проблем представляется необходимым:

- 1) создание единой цифровой платформы миграционного учета с интеграцией всех заинтересованных ведомств;

- 2) введение гибких механизмов региональной и профессиональной мобильности иностранных работников;

- 3) разработка специального правового режима для дистанционных трудовых отношений с иностранными работниками.

Реализация предложенных мер позволит создать сбалансированную систему правового регулирования, отвечающую как интересам национальной экономики, так и требованиям защиты прав иностранных работников.

Список источников

1. Новикова Т. Проблемные вопросы практики привлечения иностранных работников // Трудовое право. 2022. № 2. С. 102.
2. Ларина Л. А., Дарькина К. Е. Привлечение высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 170–173.
3. Контарев А. А. К вопросу о правовом положении иностранных высококвалифицированных специалистов в Российской Федерации. Часть 2. Совершенствование порядка привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов // Философия права. 2024. № 4 (111). С. 216–221.
4. Контарев А. А. К вопросу о правовом положении иностранных высококвалифицированных специалистов в Российской Федерации. Часть 1. Опыт определения понятия // Философия права. 2024. № 3 (110). С. 199–206.
5. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/5717270> (дата обращения: 11.03.2025).

6. Казачкова З. М., Казачков В. А. Трудовая миграция: право, экономика, безопасность // Миграционное право. 2025. № 1. С. 22–26.

References

1. Novikova T. Problemnye voprosy praktiki privlecheniya inostrannykh rabotnikov // Trudovoe pravo. 2022. № 2. S. 102.
2. Larina L. A., Dar'kina K. E. Privlechenie vysokokvalificirovannykh specialistov v Rossijskuyu Federaciju: problemy i perspektivy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 170–173.
3. Kontarev A. A. K voprosu o pravovom polozhenii inostrannykh vysokokvalificirovannykh specialistov v Rossijskoj Federacii. Chast' 2. Sovershenstvovanie poryadka privlecheniya inostrannykh vysokokvalificirovannykh specialistov // Filosofiya prava. 2024. № 4 (111). S. 216–221.
4. Kontarev A. A. K voprosu o pravovom polozhenii inostrannykh vysokokvalificirovannykh specialistov v Rossijskoj Federacii. Chast' 1. Opyt opredeleniya ponyatiya // Filosofiya prava. 2024. № 3 (110). S. 199–206.
5. Analiticheskaya spravka o rezul'tatah deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nykh organov MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/5717270> (data obrashcheniya: 11.03.2025).
6. Kazachkova Z. M., Kazachkov V. A. Trudovaya migraciya: pravo, ekonomika, bezopasnost' // Migracionnoe pravo. 2025. № 1. S. 22–26.

Информация об авторах

А. М. Шаганиян — кандидат юридических наук, доцент.

О. Д. Овчинникова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Shaganyan — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

O. D. Ovchinnikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 112–117.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 112–117.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.23:351.77

НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вячеслав Юрьевич Бабанин

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, vbabanin19@mail.ru

Аннотация. В представленном исследовании излагаются результаты комплексного уголовно-правового исследования признаков объективной стороны состава неоказания помощи больному. Проанализированы некоторые законодательные положения в области оказания медицинской помощи. Выявлены существенные признаки деяния, подчеркнута целесообразность его установления во взаимосвязи с предусмотренными уголовным законом общественно опасными последствиями и причинной связью. Раскрыты юридически значимые свойства бездействия как формы преступного поведения лица, обязанного оказывать помощь больному. Рассмотрены ключевые условия наступления уголовной ответственности в указанном составе преступления. Отмечается, что под неоказанием помощи больному необходимо понимать полное или частичное невыполнение требуемых в конкретных условиях медицинских мероприятий. Особое внимание уделено причинной связи в составе неоказания помощи больному, определены критерии её установления.

Ключевые слова: неоказание помощи больному, бездействие, общественная опасность, причинная связь, медицина, охрана здоровья, медицинская помощь

Для цитирования: Бабанин В. Ю. Неоказание помощи больному: проблемные вопросы объективной стороны состава преступления // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 112–117.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FAILURE TO ASSIST SICK PERSON: PROBLEMATIC ASPECTS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

Vyacheslav Yu. Babanin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, vbabanin19@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a comprehensive criminal law study of the objective elements of the crime of failing to provide medical care to a patient. The study analyzes certain legal provisions related to the provision of medical care. The study identifies significant elements of the act and emphasizes the importance of establishing them in relation to the socially dangerous consequences and causal relationships provided for in the criminal law. The study also explores the legally significant aspects of inaction as a form of criminal behavior by a person who is obligated to provide medical care to a patient. The study examines the key conditions for criminal liability in this type of crime. It is noted that the failure to provide medical assistance to a patient should be understood as the complete or partial failure to carry out the medical measures required in a particular situation. Special attention is paid to the causal relationship in the context of failing to provide medical assistance to a patient, and the criteria for establishing this relationship are defined.

Keywords: failure to assist sick person, inaction, public danger, causation, medicine, health protection, medical care

For citation: Babanin V. Yu. Failure to assist sick person: problematic aspects of the objective side of the crime. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:112–117 (In Russ.).

Проблема обеспечения надлежащего уровня оказания медицинской помощи гражданам не утрачивает свою актуальность на протяжении длительного периода времени. Объяснением тому служат значимость данного конституционно гарантированного права, имеющиеся трудности кадрового положения медицинских организаций, продолжающиеся резонансные случаи неоказания помощи больному.

Наиболее общественно опасные деяния, выражающиеся в неоказании помощи больному, влекут уголовную ответственность по ст. 124 УК РФ. В числе элементов данного состава преступления, вызывающих существенные сложности при их толковании правоприменителем, в первую очередь выделяется объективная сторона. Причем понимание последствий этого преступления в виде тяжкого и средней тяжести вреда, а также смерти, конечно же, не является проблематичным. Традиционно рядом дискуссионных аспектов характеризуется деяние, а в большей степени — причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями.

Общественно опасное деяние в рассматриваемом составе преступления выражается в неоказании помощи больному без уважительных причин. Действующим законодательством в сфере здравоохранения регламентируется обязанность медицинских работников оказывать медицинскую помощь, а также недопустимость отказа в оказании медицинской помощи.

Так, ст. 73 Федерального закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Основы охраны здоровья) установлено, что медицинские работники обязаны оказывать медицинскую помощь в соответствии со своими должностными инструкциями и уровнем квалификации.

Об обязанности оказания медицинской помощи в экстренной форме упоминается и в норме, регламентирующей правовой статус медицинской организации (ст. 79 Основ охраны здоровья).

В статье 11 Основ охраны здоровья предусмотрена недопустимость отказа в оказании медицинской помощи. При этом оговаривается, что недопустимым является отказ в тех формах медицинской помощи, которые закреплены программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. В то же время недопустимость отказа в оказании экстренной медицинской помощи является безусловной¹.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от

На обязанность оказания медицинской помощи содержится ссылка в законодательстве об оказании психиатрической помощи гражданам. В частности, в ст. 39 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» провозглашена обязанность оказания соответствующими медицинскими организациями медицинской помощи своим пациентам².

Обязанность оказания неотложной медицинской помощи возлагается на капитана судна. А в случае невозможности её оказания капитан судна обязан зайти в ближайший порт для организации медицинской помощи нуждающемуся³.

Законодательный акцент об обязательности оказания всех видов медицинской помощи на общих основаниях предусмотрен для ВИЧ-инфицированных. Данная категория лиц подлежит правовой охране в полном соответствии с требованиями Основ охраны здоровья⁴.

Следует отметить, что анализ изложенных законодательных положений в первую очередь отчетливо проявляет обязанность оказания экстренной медицинской помощи, отказ в оказании этого вида помощи является недопустимым ни при каких обстоятельствах. Очевидно, что объясняется это явным угрожающим для жизни характером состояния больного, нуждающегося в экстренной медицинской помощи.

Установленная законодательством обязанность оказания медицинской помощи предполагает ее полное исполнение. В то же время практика показывает, что рассматриваемая обязанность может не исполняться полностью либо частично. При таких обстоятельствах констатируется разная степень неисполнения обязанности по оказанию медицинской помощи. В связи с этим возникает вопрос об уголовно-правовой оценке неоказания помощи больному в условиях различной степени испол-

21.11.2011 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 04.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18, ст. 2207.

⁴ О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): федеральный закон Российской Федерации от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 14, ст. 1212.

нения лицом возложенных на него обязанностей по оказанию медицинской помощи.

Как свидетельствуют материалы судебной практики, в ситуациях, когда имеет место полный отказ в оказании медицинской помощи нуждающемуся, это, как правило, не вызывает затруднений при квалификации содеянного по ст. 124 УК РФ. В данном случае налицо в полном объеме признаки объективной стороны исследуемого состава преступления, исключающие возможность их двоякого толкования.

Несколько сложнее обстоят дела при частичном или неполном оказании медицинской помощи нуждающемуся. И в этом контексте обращает на себя внимание тот факт, что в методических рекомендациях «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи», утвержденных Российским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, разделяются понятия неоказания помощи больному и неполного, частичного оказания помощи больному.

При этом в тексте диспозиции ч. 1 ст. 124 УК РФ речь ведется именно о неоказании помощи больному. Исходя из логики указанных рекомендаций, частичное неоказание помощи больному не следует идентифицировать в качестве деяния, запрещенного ст. 124 УК РФ.

Авторы анализируемых методических рекомендаций предлагают понимать под частичным неоказанием помощи больному осуществление соответствующих медицинских мероприятий ненадлежащим образом, в нарушение существующих порядков и стандартов оказания медицинской помощи¹.

Однако, на наш взгляд, предложенный подход для понимания признаков неоказания помощи больному является в корне неверным, поскольку искажает существо исследуемого уголовно-правового запрета.

В действующих нормативно регламентированных критериях качества оказания медицинской помощи учитывается широкий спектр действий медицинского работника, включающий как непосредственное оказание медицинской помощи, так

и, к примеру, документационное сопровождение соответствующих мероприятий². Отсюда фактическое неоказание собственно медицинской помощи, сопряженное с подготовкой медицинской документации, уже можно рассматривать в качестве частичного неоказания помощи больному.

Совершенно очевидно, что такой подход недопустим. Медицинский работник может выполнять какие-либо второстепенные действия по оказанию медицинской помощи, но не осуществляя требуемых основных мероприятий. Данное поведение, безусловно, должно оцениваться в качестве неоказания медицинской помощи больному.

Одновременно невыполнение каких-либо второстепенных действий, связанных с оказанием медицинской помощи и в ходе предоставления которой не влияющих на качество проводимых мероприятий по оказанию медицинской помощи, не может расцениваться как деяние, запрещенное ст. 124 УК РФ.

Существующие нормативные документы о порядках оказания медицинской помощи во многом ориентированы главным образом на самих медицинских работников, отсюда их наполненность указаниями на документационное сопровождение процедуры оказания медицинской помощи, которое, безусловно, не имеет никакого отношения к вопросу непосредственно оказания помощи больному. Отчасти этим может быть объяснено наличие в тексте диспозиции ч. 1 ст. 124 УК РФ указания именно на неоказание помощи больному, что подчеркивает фактический характер этой помощи, а не её формальное содержание и документационное сопровождение.

Таким образом, под неоказанием помощи больному необходимо понимать полное или частичное невыполнение требуемых в конкретных условиях медицинских мероприятий. Правоприменителю при квалификации содеянного по ст. 124 УК РФ надлежит руководствоваться действующей нормативно-правовой базой, регламентирующей порядок оказания медицинской помощи. Однако ввиду того, что в действующем нормативном регулировании понятие медицинской помощи неразрывно связано с её документационным оформлением, наличие признаков состава неоказания помощи больному может быть установлено исключительно при невыполнении медицинским работником кон-

¹ Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н (зарегистрирован в Минюсте России 17.05.2017 № 46740). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кретных медицинских манипуляций, исключая из сферы юридической оценки вопросы надлежащего документационного оформления медицинской помощи. Кроме того, стоит руководствоваться и значением конкретных действий, от выполнения которых отказалось виновное лицо, — это должны быть наиболее значимые, жизненно необходимые медицинские мероприятия.

Иное толкование неоказания помощи больному в ст. 124 УК РФ является произвольным и не соответствует формально-логическому смыслу данного уголовно-правового предписания. При частичном неоказании помощи больному факт наличия соответствующего криминального бездействия не исключается. Одновременно необходимо подчеркнуть, что и не любое неоказание помощи больному может быть квалифицировано по признакам исследуемого состава преступления.

Суть деяния в исследуемом составе преступления во многом предопределяется его взаимосвязью с обозначенными в уголовном законе общественно опасными последствиями. Соответствующее деяние может образовывать признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, при условии, что оно обладает способностью вызвать указанные вредные последствия.

И здесь же принципиальным значением обладает вопрос правильного установления причинной связи в объективной стороне данного состава преступления, которая обладает своей спецификой.

В юридической литературе отмечается, что в сравнении с другими насильственными преступлениями, например, предусмотренными ст. 105, 111 УК РФ, неоказание помощи больному влечет причинение смерти, а не причиняет смерть [1, с. 59–78; 2, с. 44–56]. Незначительная грань между указанными формулировками тем не менее подчеркивает разницу в механизме развития причинно-следственной связи в соответствующих преступлениях. Лицо, виновное в неоказании помощи больному, не причиняет вреда его здоровью. Вред здоровью или смерть больного могут наступить вследствие состояния его здоровья, и, условно говоря, в отсутствие лица, обязанного оказывать медицинскую помощь, вопрос об уголовно-правовой оценке за анализируемое бездействие даже бы не поднимался. Именно поэтому законодатель ссылается на то, что такое деяние лишь влечет указанные общественно опасные последствия, но не причиняет их. Это как бы отдаляет причину, уменьшает значение поведения бездействующего лица в развитии причинно-следственной связи,

если сравнивать это поведение с активными действиями по причинению вреда здоровью человека. Во многом это влияет и на степень общественной опасности данного преступления, которая является соразмерно меньшей в сравнении, например, со многими другими преступлениями против жизни и здоровья человека, где действия виновного непосредственно влекут такие общественно опасные последствия.

Как пишет Г. А. Есаков, объективная сторона неоказания помощи больному предполагает, что «если бы не бездействие медика, то течение заболевания можно было бы изменить и последствия не наступили бы» [3, с. 20–35]. Объективная сторона рассматриваемого состава преступления подразумевает запрет пассивного поведения лица, не только обязанного оказывать медицинскую помощь, но и обладающего необходимыми способностями и квалификацией. Здесь необходимо подчеркнуть, что законодателем установлена ответственность за неоказание помощи больному, но не со стороны любого человека, а исключительно со стороны лиц, обязанных оказывать такую помощь. Условно можно упомянуть ситуацию, когда обычные люди проходят мимо лица, нуждающегося в помощи вследствие травмы или какого-то острого заболевания. С морально-этической точки зрения поведение безразличных граждан, конечно же, может быть оценено отрицательно, но с точки зрения юридической такие лица не обязаны оказывать помощь больному, в т. ч. и по причине отсутствия у них необходимой квалификации.

Особенность причинно-следственной связи здесь состоит в том, что болезненное состояние здоровья у потерпевшего существует заранее и оно характеризуется возможностью неблагоприятного исхода. При этом существует объективная возможность оказания лицу медицинской помощи конкретным специалистом, вмешательство которого способно изменить уже складывающееся развитие событий.

В судебной практике имеются два основных подхода относительно понимания специфики причинной связи в анализируемом преступлении. Так, первый подход подразумевает, что невыполненные медиком действия создавали возможность ненаступления вреда здоровью больного или его смерти. Второй же более категоричен — такие действия должны исключать возможность наступления соответствующих последствий¹ [4, с. 58–62; 5, с. 55–57]. Иными словами, в одном случае по-

¹ Например, Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2019 г. по делу

тенциальная помощь могла лишь создать возможность ненаступления вредных последствий, а во втором — исключило бы наступление указанных последствий.

По нашему мнению, второй подход неоправданно сужает содержание анализируемого уголовно-правового запрета. Как представляется, сфера медицинской деятельности нечасто сопровождается математической точностью потенциальных результатов. Многие мероприятия по оказанию медицинской помощи выполняются на основе предположений, допускается опробование различных действий в целях поиска оптимального способа оказания медицинской помощи. Поэтому в контексте рассмотрения признаков объективной стороны состава неоказания помощи больному правильной является ссылка на то, что соответствующее потенциальное вмешательство медицинского работника могло предотвратить вредные последствия или же значительно уменьшить их тяжесть.

В ходе проведенного исследования были изучены 24 уголовных дела, приговоры по 42 уголовным делам за период 2015–2025 гг. Как свидетельствуют результаты анализа материалов следственно-судебной практики, ситуации, когда неоказанная медицинская помощь гарантированно могла предотвратить наступление предусмотренных законом последствий, в действительности встречаются крайне редко. Например, это усматривается в случаях необходимости экстренной остановки обильного кровотечения, когда неоказание помощи больному способно привести к неминуемой смерти. В большинстве же ситуаций потенциальный эффект от предполагаемой медицинской помощи всё же носит предположительный характер. При этом зачастую необходимым является комплекс медицинских мероприятий, включающий разные по результативности действия и их неодинаковое влияние на недопущение наступления общественно опасных последствий.

По утверждению Е. В. Хромова, «бездействие медика в ст. 124 УК РФ не порождает негативные последствия в виде смерти пациента, оно лишь сопровождает причину, выступая её необходимым условием» [6, с. 51–67; 7, с. 9; 8, с. 8]. И в этом состоит специфика объективной стороны данного преступления. Негативные события, приводящие к вреду здоровью человека или смерти, развиваются до потенциального вмешательства медицинского работника. И его активное поведение лишь может изменить естественный ход событий.

№ 85-АПУ19-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В своих рассуждениях Е. В. Хромов приходит к выводу, что в преступлении, предусмотренном ст. 124 УК РФ, существование прямой причинной связи невозможно. Таковая может быть, например, в составе убийства. Для неоказания помощи больному характерно невмешательство, которое создает условия для наступления соответствующих негативных последствий.

Автор акцентирует внимание на том, что зачастую происходит смешение понимания причинной связи в медико-биологическом и юридическом смыслах. Причинно-следственная связь при неоказании помощи больному устанавливается при констатации того факта, что медицинская помощь могла предотвратить наступление преступного результата [6, с. 51–67]. Поэтому в таком случае не может быть прямой причинности, как это устанавливается в медико-биологическом смысле.

Обязательным условием для наступления уголовной ответственности за бездействие в виде неоказания помощи больному является отсутствие уважительных причин для такого поведения. Тем самым законодатель прямо указывает, что наличие уважительных причин исключает уголовную ответственность. Уважительность причин в рассматриваемой ситуации — понятие сугубо оценочное, устанавливается правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела. Примеры наличия уважительных причин могут быть самыми разнообразными — это физическое воспрепятствование медицинскому работнику, состояние его здоровья, наличие рисков для жизни медицинского работника или других лиц и т. п.

Факультативные признаки объективной стороны неоказания помощи больному составообразующим значением не обладают и на юридическую оценку содеянного не влияют.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что по рассматриваемой категории уголовных дел при квалификации деяний в правоприменительной практике возникают определенные трудности, в частности при установлении признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. В этой связи, полагая, с целью полноты и объективности расследования правоприменителю необходимо выяснение следующих существенных обстоятельств:

1) бездействие при неоказании помощи больному способно повлечь уголовную ответственность исключительно в ситуации, когда виновное лицо обладало возможностью оказания медицинской помощи. При этом наличие уважительных

причин для неоказания помощи также исключает ответственность по ст. 124 УК РФ. Наличие возможности оказания медицинской помощи обуславливается совокупностью факторов, которые могут быть определены как характеристиками медицинского работника, например наличие у него требуемой квалификации, так и объективной обстановкой — наличием необходимых медицинских изделий, вспомогательных средств и т. п.;

2) неоказанная медицинская помощь могла предотвратить негативное развитие состояния здо-

ровья больного. Оценке подлежит тот факт, что потенциальная помощь обладала хотя бы способностью предотвратить наступление общественно опасных последствий. Безусловной квалификации в рамках ст. 124 УК РФ подлежат случаи, когда неоказанная помощь больному гарантированно исключала бы наступление вреда его жизни или здоровью;

3) виновное лицо воздержалось от выполнения своих профессиональных обязанностей полностью или частично.

Список источников

1. Хромов Е. В. Влияние характера причинной связи на квалификацию смерти потерпевшего в результате применения насилия // Уголовное право. 2024. № 12. С. 59–78.
2. Хромов Е. В. Вопросы квалификации смерти пациента // Уголовное право. 2021. № 11. С. 44–56.
3. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20–35.
4. Шмаров Л. А. Бездействие и причинность // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. Т. 64. № 2. С. 58–62.
5. Нагорная И. И. Неоказание помощи больному: трудности квалификации (ст. 124 УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 55–57.
6. Хромов Е. В. Проблемы установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 124 УК РФ // Уголовное право. 2024. № 1. С. 51–67.
7. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
8. Молчанова С. И. Преступное бездействие, посягающее на личную безопасность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

References

1. Hromov E. V. Vliyanie haraktera prichinnoj svyazi na kvalifikaciyu smerti poterpevshego v rezul'tate primeneniya nasiliya // Ugolovnoe pravo. 2024. № 12. S. 59–78.
2. Hromov E. V. Voprosy kvalifikacii smerti pacienta // Ugolovnoe pravo. 2021. № 11. S. 44–56.
3. Esakov G. A. Prichinnaya svyaz' v slozhnykh situatsiyah: neostorozhnye prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2024. № 4. S. 20–35.
4. Shmarov L. A. Bezdejstvie i prichinnost' // Sudebno-medicinskaya ekspertiza. 2021. T. 64. № 2. S. 58–62.
5. Nagornaya I. I. Neokazanie pomoshchi bol'nomu: trudnosti kvalifikacii (st. 124 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2023. № 6. S. 55–57.
6. Hromov E. V. Problemy ustanovleniya prichinnoj svyazi v prestupleniyah, predusmotrennykh st. 124 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2024. № 1. S. 51–67.
7. Zimireva L. A. Prichinnaya svyaz' v prestupleniyah protiv zhizni: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016.
8. Molchanova S. I. Prestupnoe bezdejstvie, posyagayushchee na lichnuyu bezopasnost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2009.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 118–124.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 118–124.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13:342.71

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анастасия Анатольевна Бондарева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация. В статье автор обращает внимание на содержание законодательно закрепленных требований, позволяющих освободить лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 322² УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» и ст. 322³ УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации», от уголовной ответственности. Делается акцент на проблеме неоднократного применения такого поощрительного положения, что приводит к неэффективности предупреждения преступлений уголовным законом и требует своего пересмотра. В этой связи формулируется конкретное предложение по решению обозначенной проблемы.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовная политика, фиктивная постановка на учет, фиктивная регистрация, иностранный гражданин

Для цитирования: Бондарева А. А. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере нарушения миграционного законодательства // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 118–124.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF VIOLATION OF MIGRATION LEGISLATION

Anastasiya A. Bondareva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Barnaul,

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Abstract. The author draws attention to the content of legislatively established requirements that allow exempting persons who have committed crimes under Art. 322.2 «Fictitious registration of a citizen of the Russian Federation at the place of stay or at the place of residence in a residential building in the Russian Federation and fictitious registration of a foreign citizen or stateless person at the place of residence in a residential building in the Russian Federation» and Art. 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fictitious registration of a foreign citizen or stateless person at the place of stay in the Russian Federation» from criminal liability. Emphasis is placed on the problem of repeated application of such an incentive provision, which leads to the ineffectiveness of crime prevention by criminal law and requires its revision. In this regard a specific proposal is formulated to solve the identified problem.

Keywords: exemption from criminal liability, criminal policy, fictitious registration, foreign citizen

For citation: Bondareva A. A. Exemption from criminal liability for crimes in the sphere of violation of migration legislation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:118–124 (In Russ.).

© Бондарева А. А., 2025

В последние годы проблема противодействия незаконной миграции приобрела особую актуальность, став одной из ключевых угроз национальной безопасности и социально-экономической стабильности государства. Рост неконтролируемых миграционных потоков создает значительные риски, включая усиление криминогенной обстановки, давление на инфраструктуру и рынок труда, а также возникновение межэтнической и социальной напряженности. На состоявшейся в конце 2024 г. прямой линии с Президентом РФ В. В. Путиным Главе государства был задан вопрос относительно дальнейших мер по противодействию незаконной миграции. Несмотря на то что такая деятельность многогранна, существенная роль придается именно уголовно-правовым мерам, среди которых выделяются не только репрессивные (введение норм, устанавливающих уголовную ответственность; ужесточение санкций; закрепление нового основания, отягчающего наказание и пр.), но и компромиссные (использование возможности освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности при выполнении им определенных условий, что должно способствовать выявлению латентных преступлений или предотвращать наступление более общественно опасных последствий). Следовательно, неверно акцентировать внимание исключительно на тенденции усиления карательного потенциала норм уголовного закона, поскольку лица, совершившие преступления, могут избежать уголовно-правовых последствий, включая отсутствие судимости.

В рамках настоящей статьи внимание будет уделено преступлениям в сфере нарушения миграционного законодательства, под которыми мы понимаем общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 322² и 322³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), поскольку бланкетный характер данных норм указывает на требования миграционного законодательства Российской Федерации, которые не исполняются в связи с осуществлением преступных посягательств.

В результате анализа вышеуказанных норм отметим, что в ст. 322² и 322³ УК РФ имеются примечания, предусматривающие основания для освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, при определенных обстоятельствах.

При некоторых общих и специальных видах освобождения от уголовной ответственности уголовно-правовое значение факта совершения преступления заключается в том, что оно может

влечь освобождение от уголовной ответственности, а следовательно, прекращение уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления [1, с. 167–168]. В соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ в определенных случаях нормы Особенной части могут предусматривать возможность прекращения уголовного преследования при выполнении лицом, совершившим преступление, определенных требований. В уголовно-правовой доктрине представлены различные точки зрения относительно допустимости использования таких положений при нарушении норм уголовного закона, свидетельствующие как о ее поддержании и дальнейшем расширении, так и о необходимости введения определенных ограничений [2, с. 4; 3, с. 5; 4, с. 583; 5, с. 6].

Несмотря на дискуссионность поднятого нами вопроса, очевидно, что уголовно-правовая политика России на современном этапе активно использует такие правовые механизмы, которые позволяют отказаться от уголовного преследования лиц в силу активного претворения принципа «экономии уголовной репрессии» [6, с. 4], разгрузить судебно-следственную систему, снизить число лиц, отбывающих наказания и имеющих судимость. Вместе с тем чрезмерное использование норм, освобождающих от уголовной ответственности, может привести к тому, что будет утрачена карательная сущность наказания, поскольку лицо, совершившее преступление, будет убеждено, что сможет избежать каких-либо негативных уголовно-правовых последствий на основании закона.

Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности по ст. 322² и 322³ УК РФ указаны в примечаниях, которые имеют аналогичное содержание и выражены в том, что лицо, осуществившее фиктивную регистрацию по месту жительства в жилом помещении либо фиктивную постановку на учет по месту пребывания иностранного гражданина, лица без гражданства, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию данного преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления. При установлении в судебном заседании обстоятельств, влекущих освобождение лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечанием 2 к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, дело прекращается на основании примечания к той или иной статье уголовного закона [7, с. 132].

Достаточно широкое толкование термина «способствование преступлению» было дано Верховным Судом Российской Федерации в своем

постановлении, под которым понимаются «...действия лица, совершенные как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо по факту совершения преступления и направленные на оказание содействия в установлении органами предварительного расследования времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления, участия в нем самого лица, а также в изобличении соучастников преступления». Также высшей судебной инстанцией Российской Федерации разъяснено, что вопрос о наличии либо об отсутствии основания для освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 322² и 322³ УК РФ по каждому уголовному делу решается судом в зависимости от характера, содержания и объема совершенных лицом действий, а также их значения для установления обстоятельств преступления и изобличения лиц, его совершивших, с приведением в судебном решении мотивов принятого решения¹.

Однако установление специального случая деятельного раскаяния вызывает определенные трудности, о чем свидетельствуют и сложившаяся правоприменительная практика, и научные труды.

Так, мировым судьей судебного участка № 85 Советского судебного района г. Красноярск было принято решение об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела в отношении гр. А. на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ, поскольку последний признал вину в совершении преступления, до возбуждения уголовного дела дал объяснение, изложил обстоятельства фиктивной постановки иностранных граждан, не препятствовал производству осмотра в его жилище, тем самым активно способствовал раскрытию преступления и производству дознания. Однако кассационным постановлением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи судебного участка № 85 Советского судебного района г. Красноярск от 29.01.2024 в отношении гр. А. было отменено, т. к. полученные от гр. А. объяснения до возбуждения уголовного дела, последующее признание им вины, а также предоставление жилого помещения для осмотра не свидетельствуют об активном способствовании раскрытию преступления, равно

как не являются основанием для освобождения последнего от уголовной ответственности².

В своем исследовании Р. О. Долотов отмечает пагубную сложившуюся практику отказов в удовлетворении ходатайств о прекращении уголовных дел на основании примечания к ст. 322.3 УК РФ при наличии правдивых объяснений лица и его согласия на производство осмотра своего жилища в рамках предварительной проверки сообщения о преступлении и говорит о необходимости рассмотрения данных оснований как достаточных для обязательного освобождения лиц от уголовной ответственности [8, с. 39]. По мнению О. В. Поликашиной, «...к способствованию раскрытию данного преступления можно также отнести полное признание обвиняемым своей вины, раскаяние в содеянном, отсутствие препятствий со стороны последнего в установлении истины по уголовному делу» [9, с. 27]. Интересна позиция М. Н. Урды, которая в своем исследовании отмечает, что «...сложно представить, что должно предпринять лицо после фиктивной постановки им на учет иностранного гражданина (лица без гражданства), чтобы его действия способствовали раскрытию совершенного им преступления? Это преступление совершается в одиночку, не требует тщательной подготовки и сокрытия следов. Факты его совершения выявляются в результате проводимых правоохранительными органами рейдов и иных контрольных мероприятий. Доказывание по таким делам не связано с трудностями, преодоление которых обуславливает целесообразность поощрения позитивного посткриминального поведения» [10, с. 258–259]. По нашему мнению, для оценки действий лица, которое совершило преступление, как способствующих его раскрытию требуется осуществление им активных действий, позволяющих установить значимые для расследования уголовного дела обстоятельства.

Кроме того, снижение требований к посткриминальному поведению лица, совершившего преступление, проявляется и в принятии решения об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ). В частности, Генеральной прокуратурой Российской Федерации было установлено, что в Смо-

¹ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2024 по делу № 77-4444/2024. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31592789&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.04.2024).

ленской области и г. Севастополе широко практикуется прекращение уголовных дел о фиктивных постановках иностранных граждан на миграционный учет в связи с деятельным раскаянием в случае одного лишь признания подозреваемым (обвиняемым) своей вины¹.

Правоприменительная практика складывается так, что под способствованием раскрытию преступления (относительно интересующих нас норм) понимаются действия, которые «...не всегда проясняют какие-либо неизвестные, важные обстоятельства уголовного дела...» [11, с. 33].

Актуализирует значимость поднятого вопроса то обстоятельство, что к уголовной ответственности за совершение преступлений против порядка миграционного учета привлекаются лица, ранее уже преступавшие уголовный закон, а применяемые виды наказания явно не соответствуют общественной опасности содеянного и личности виновного. Например, 16.02.2022 мировым судьей судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении гр. Б., осуществившей фиктивную постановку на миграционный учет по месту пребывания 42 иностранных граждан. Гр. Б. была освобождена от уголовной ответственности по ст. 322³ УК РФ на основании примечания 2, т. к. с самого начала предварительного расследования способствовала раскрытию преступления (дала признательные объяснения, подробные показания в качестве подозреваемой, в которых последовательно поясняла об обстоятельствах совершения преступления, ее мотивах, предоставила квартиру для производства в ней осмотра)². 11 октября 2022 г. мировым судьей судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края в отношении гр. Б. вынесен приговор о признании последней виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, назначено наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере 8000 ру-

блей³. Также 16.11.2022 за фиктивную постановку на учет по месту пребывания 12 мигрантов гр. Б. признана виновной, ей назначено наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере 8000 рублей⁴. 15 марта 2023 г. приговором мирового судьи гр. Б. вновь признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 322³ УК РФ (фиктивно поставила на учет 11 иностранных граждан), ей назначено наказание в виде штрафа в размере 8000 рублей⁵.

Данный пример иллюстрирует то, что к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 322², 322³ УК РФ, могут в дальнейшем неограниченное количество раз применяться данные положения уголовного закона, что противоречит принципу справедливости. Дело в том, что буквальное толкование упомянутого основополагающего начала отечественного уголовного закона (ч. 1 ст. 6 УК РФ) позволяет вести речь лишь о соразмерности назначаемых лицу наказаний (виды которых изложены в ст. 44 УК РФ) и применяемых к нему иных мер уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф), что видится нам необоснованным. Так, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) на основании норм, освобождающих от уголовной ответственности, является способом реагирования государства (в лице правоохранительных органов) на факт совершения лицом преступления, а следовательно, данное решение также должно быть справедливым — соответствовать как общественной опасности содеянного, так и особенностям личности виновного. Неоднократное нарушение норм уголовного закона, равно как и отсутствие со стороны виновного лица активных действий по минимизации

¹ Аналитический обзор практики выявления, документирования и расследования преступлений в сфере миграции, производство предварительного следствия по которым обязательно (ч. 1 ст. 322.1, ст. 322.2 и ст. 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): письмо УОД МВД России от 29 апреля 2022 г. № 1/4637.

² Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края Москалевой Е. С. от 16.02.2022 по делу № 1-16/2022. URL: http://zd2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=109563507&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.04.2024).

³ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края Москалевой Е. С. от 11.10.2022 по делу № 1-75/2022. URL: http://zd2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=114278196&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края Москалевой Е. С. от 16.11.2022 по делу № 1-85/2022. URL: http://zd2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=115717086&delo_id=15400061540006 (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края Москалевой Е. С. от 15.03.2023 по делу № 1-16/2023. URL: http://zd2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=119905034&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.04.2024).

причиненного общественным отношениям вреда, может свидетельствовать о несправедливости его освобождения от уголовной ответственности.

Правоприменители освобождают от уголовной ответственности тех, кому уже было оказано «снисхождение», это не соответствует задачам УК РФ, способствует повторному преступлению закона, формирует чувство безнаказанности в условиях очевидной возможности уклониться от уголовной ответственности. Считаем справедливым мнение С. Н. Сабанина о том, что освобождение от уголовной ответственности должно соответствовать задачам уголовного законодательства и позволяет достичь целей наказания [12, с. 21].

Вышеизложенное позволяет приблизиться к следующей проблеме уголовного закона, имеющей все более явные очертания: расширяется перечень мер, призванных отказываться от классической системы реагирования на совершение лицом преступления (концепция «преступление — наказание») с использованием различных к тому механизмов (снижение категории тяжести преступления; использование норм, освобождающих от уголовной ответственности и наказания, в т. ч. условное осуждение; использование повторной административной преюдиции в криминализации деяний и пр.), однако все они не находятся в единой взаимосвязи и изначально не рассматривались при составлении положений УК РФ. Следовательно, для более эффективного использования уголовно-правового инструментария необходима фундаментальная работа по изменению действия как ранее существовавших, так и вновь установленных норм уголовного права.

В рассматриваемом нами примечании отсутствует указание на то, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, осуществило это впервые [13, с. 46].

На основании вышеизложенного полагаем, что в целях повышения эффективности соблюдения регистрационного режима пребывания и проживания на территории Российской Федерации мигрантов требуется включение в данные примечания дополнительного условия в виде совершения преступления лицом впервые, что позволит избежать случаев отсутствия уголовно-правовой реакции при неоднократном противоправном поведении виновного лица. В частности, предлагаем следующую редакцию примечания к ст. 322² и 322³ УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно способствовало раскры-

тию и расследованию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Наличие такого условия, как совершение преступления впервые, необходимо для определения общественной опасности личности и совершенного ею деяния до осуществления последней действий, направленных на их снижение.

Однако, если ранее лицо совершало преступления, но судимость по ним была снята или погашена, по ним истекли сроки давности или оно было освобождено от уголовной ответственности, то можно признать, что виновный совершил преступление впервые.

Справедлива позиция А. Н. Михайлова, обратившегося к определению смысла термина «совершение преступления впервые» для целей ст. 75 УК РФ, который указывает, что если лицо ранее неоднократно освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, то невозможно применять эту норму [14, с. 121].

Мы согласны с тем, что истинное понимание термина «лицо, впервые совершившее преступление» — это лицо, в отношении которого: 1) «уголовное преследование никогда не осуществлялось; 2) уголовное преследование осуществлялось, но было прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления, в том числе в связи с устранением преступности деяния в период уголовного преследования; 3) уголовное преследование закончилось привлечением лица к уголовной ответственности или освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, в совершении которого лицо было признано виновным» [15, с. 75].

Такие изменения позволят исключить обязательное освобождение лица от уголовной ответственности и предоставить правоприменителю право отказывать в этом, учитывая дополнительные сведения о личности виновного с точки зрения повторного нарушения им уголовного закона, а также корректно воспринимать посткриминальные действия лица как способствование расследованию преступления (как оно объективно не в силах оказать влияние на его раскрытие, к примеру, если преступление было выявлено правоохранительными органами, уголовное дело возбуждено, осуществляется предварительное расследование).

Думается, что дальнейшее движение в сторону упорядочивания уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, нарушающим

миграционное законодательство, должно состоять не только в частных коррективах, вносимых в рассматриваемые нами примечания, но и в придании единого понимания конкретным действиям лица, трактуемым правоприменительными органами как «способствование раскрытию преступления», поскольку в настоящее время для соответствия такому может быть достаточно дача признательных показаний по уголовному делу, выражение своего согласия на проведение осмотра жилища (в котором фиктивно проживал мигрант) и пр., что не соответствует самой идее о раскрытии посягательства, поскольку информация о нем уже известна

и осуществляется деятельность по привлечению лиц к уголовной ответственности. Более того, требует своего разрешения расхождение в принимаемых законодательных коррективах и планируемом результате от них, ведь усиление уголовной ответственности по таким преступлениям, введение нового обстоятельства, отягчающего наказание, ужесточение миграционного законодательства указывают на внимание органов власти к исследуемой группе преступлений, тогда как отсутствие жестких условий освобождения лиц от уголовной ответственности делает данную работу несистемной.

Список источников

1. Пархоменко Д. А. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств // Lex Russica. 2020. № 6. С. 160–169.
2. Антонов А. Г. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. 44 с.
3. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 50 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 4. С. 581–592.
5. Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 60 с.
6. Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 527 с.
7. Акименко П. А. Проблемы, возникающие при освобождении от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 2. С. 131–139.
8. Долотов Р. О. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. ст. 322.2 и 322.3 УК РФ // Адвокат. 2016. № 9. С. 36–43.
9. Поликашина О. В. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по ст. 322.3 УК РФ в связи со способствованием раскрытию преступления // Мировой судья. 2022. № 1. С. 24–27.
10. Урда М. Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 393 с.
11. Суверов С. Е. Освобождение от уголовной ответственности по примечаниям к статьям 322² и 322³ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 30–35.
12. Сабанин С. Н. Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности или наказания. Свердловск, 1987. 55 с.
13. Бондарева А. А. Преступления в сфере нарушения миграционного законодательства и особенности их расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024. 253 с.
14. Михайлов А. Н. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2013. № 1. С. 118–122.
15. Нечепуренко А. А., Бабуринов В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67–79.

References

1. Parhomenko D. A. Sovershenie prestupleniya v pervye: obosnovannost' vvedeniya v ugodovnyj zakon i znachenie sredi drugih obstoyatel'stv // Lex Russica. 2020. № 6. S. 160–169.

2. Antonov A. G. Special'nye vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ryazan', 2013. 44 s.
3. Endol'ceva A. V. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005. 50 s.
4. Pudovochkin Yu. E. Social'no-kriminologicheskaya harakteristika osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. № 4. S. 581–592.
5. Sverchkov V. V. Konceptual'nye osnovy resheniya problem osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008. 60 s.
6. Stepashin V. M. Ekonomiya repressii kak princip ugolovnogo prava i ego realizaciya v naznachenii mer ugolovnoj otvetstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2019. 527 s.
7. Akimenko P. A. Problemy, vznikayushchie pri osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, predusmotrennye stat'yami 322.2 i 322.3 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2017. № 2. S. 131–139.
8. Dolotov R. O. Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, predusmotrennye st. st. 322.2 i 322.3 UK RF // Advokat. 2016. № 9. S. 36–43.
9. Polikashina O. V. K voprosu ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti po st. 322.3 UK RF v svyazi so sposobstvovaniem raskrytiyu prestupleniya // Mirovoj sud'ya. 2022. № 1. S. 24–27.
10. Urda M. N. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie nezakonnoj migracii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2023. 393 s.
11. Suverov S. E. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti po primechaniyam k stat'yam 322² i 322³ Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 3. S. 30–35.
12. Sabanin S. N. Ponyatie i vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti ili nakazaniya. Sverdlovsk, 1987. 55 s.
13. Bondareva A. A. Prestupleniya v sfere narusheniya migracionnogo zakonodatel'stva i osobennosti ih rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2024. 253 s.
14. Mihajlov A. N. Sovershenie prestupleniya v pervye kak odno iz uslovij prekrashcheniya ugolovnogo presledovaniya v svyazi s deyatelnym raskayaniem // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 1. S. 118–122.
15. Nechepurenko A. A., Baburin V. V. «Sovershenie prestupleniya v pervye» kak klyuchevoe ponyatie dlya optimizacii primeneniya instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2018. № 30. S. 67–79.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 125–131.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 125–131.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.234

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «ОПРАВДАНИЕ» И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому понятию «оправдание», являющемуся признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 205.4, 281.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, одним из обстоятельств, отягчающих наказание. Выделены и проанализированы его обязательные признаки, позволяющие отграничить от схожих категорий. Сделаны выводы о том, что оправдание в уголовном праве обладает полисемантической, включает вербальный и невербальный компоненты, совершается публично. Ему не присущ признак официальности, характерный для иных видов заявлений, упомянутых в российских законодательных актах. Специфика оправдания всегда находит выражение в признаках объективной и субъективной стороны конкретного состава преступления, обстановки его совершения.

Ключевые слова: оправдание, оправдание терроризма, оправдание диверсии, преступления против конституционного строя и безопасности государства, преступления против общественной безопасности

Для цитирования: Брагина А. Г. Уголовно-правовое понятие «оправдание» и его отграничение от смежных категорий // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 125–131.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINAL LAW CONCEPT OF «JUSTIFICATION» AND ITS DIFFERENTIATION FROM RELATED CATEGORIES

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal law concept of «justification», which is a feature of the crimes provided for in Art. 205.2, 205.4, 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, one of the circumstances aggravating punishment. Its mandatory features are highlighted and analyzed, allowing it to be distinguished from similar categories. It is concluded that justification in criminal law is polysemantic, includes verbal and non-verbal components, and is performed in public. It does not have the formality characteristic of other types of statements mentioned in Russian legislative acts. The specifics of justification always find expression in the signs of the objective and subjective sides of a particular crime, the circumstances of its commission.

Keywords: ustification, justification of terrorism, justification of sabotage, crimes against the constitutional order and the security of the state, crimes against public safety

For citation: Bragina A. G. Criminal law concept of «justification» and its differentiation from related categories. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:125–131 (In Russ.).

Беспрепятственное выражение своего мнения, идей, дачу оценок событий, происходящих в окружающей действительности, относят к важнейшим свободам современного человеческого общества. Но и они не безграничны. Конституционное право Российской Федерации базируется на постулате о том, что осуществление человеком и гражданином своих прав и свобод возможно лишь в той степени, пока оно не нарушает права и свободы других лиц, не имеет общественно опасного и противоправного характера (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). И если форма выражения своих убеждений, а также способы распространения такого рода информации, ее содержание подпадают под признаки противоправного деяния, виновный может быть привлечен к ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов¹.

Одним из направлений современной ментальной войны, осуществляемой и/или поддерживаемой недружественными России странами (в первую очередь, входящими в блок НАТО), является деятельность, направленная на уничтожение самосознания, изменение интеллектуальной, цивилизационной основы нашего общества. Противником преследуются цели дискредитации российского государства на международной арене и насаждения в умах населения зарубежных стран представлений о нем как о враге, агрессоре, изгое, источнике кибертеррора и т. д. [1, с. 25, 28]. В силу этого, полагаем, очевидно, что обеспечение безопасности российского населения может и должно осуществляться наиболее радикальными и жесткими, т. е. уголовно-правовыми, средствами, в т. ч. путем установления запрета на оправдание любой деструктивной деятельности, направленной на разрушение нашего общества и государства.

Следует отметить, что оправдание как общественно опасное деяние и, соответственно, уголовно-правовое понятие в качестве признака конкретных составов преступлений было включено законодателем еще в 2006 г. Тогда наряду с иными в ст. 205.2 УК РФ был закреплён и состав публичного оправдания терроризма².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1884-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006

В 2013 г. цель оправдания терроризма была включена в число составообразующих признаков организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205.4 УК РФ)³, а в 2014 г. законодатель к обстоятельствам, отягчающим наказание, отнес «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма» (п. «р» ч. 1 ст. 63)⁴. Наконец, в 2022 г. в уголовное законодательство были введены нормы, закрепляющие ответственность за преступления диверсионной направленности, а также установившие в качестве одного из обстоятельств, отягчающих наказание, цель оправдания диверсии (ст. 281.3 и п. «с» ч. 1 ст. 63)⁵.

Законодатель, сориентированный на потребности правоприменительной практики, дал определение оправдания в соответствующих примечаниях к ст. 205.1 и 281.3 УК РФ. Оно было раскрыто как заявление о признании правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, соответственно, идеологии и практики терроризма, а также целей и практики диверсионной деятельности.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий, признаются терроризмом⁶. Следовательно, публичное оправдание терроризма является одной из множества других форм терроризма. Тот же вывод можно сделать в результате системного толкования норм ст. 281–281.3 УК

№ 153-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 02.11.2013 № 302-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 нояб. № 249.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 05.05.2014 № 130-ФЗ // Российская газета. 2014. 7 мая. № 101.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2022 № 586-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 янв. № 1.

⁶ О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ, квалифицируя оправдание диверсии как одну из уголовно наказуемых форм диверсионной деятельности.

В русском языке оправдание определяется не как заявление, а как интеллектуальная деятельность, направленная на признание чего-либо допустимым, непредосудительным» [2], или же как довод, которым можно оправдать, объяснить, извинить что-нибудь [3, с. 447]. «Оправдать», в свою очередь, означает «сделать, признать правым, очистить от вины, обвинения, признать правоту, невинность его» [4, с. 686], «признать допустимым в силу чего-нибудь» [3, с. 447]. Таким образом, уголовно-правовое понятие хотя и довольно близко по смыслу общеупотребительному слову, обладает безусловной спецификой.

Заявление как обязательный признак уголовно наказуемого оправдания тоже имеет свои особенности. Юридическое истолкование понятия «заявление» при всей своей схожести с лингвистическим в части указания на форму и адресата (в словарях русского языка его определяют как официальное сообщение в устной или письменной форме; письменная просьба о чем-нибудь [3, с. 221]; «публичное официальное сообщение в устной или письменной форме» [5, с. 1080]) существенно отличается по способу (публичному) и смысловому содержанию. И к тому же для него вовсе не обязателен признак официальности.

Официальность, например, характерна (и в этом плане весьма близка по смыслу к общеупотребительному слову) для правового понятия, употребленного в ст. 4 Федерального закона Российской Федерации «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ. В этом законодательном акте заявление упоминается как один из видов обращения гражданина, которое он может направлять в государственные и муниципальные органы, и представляет собой просьбу, сообщение либо критику деятельности конкретных органов и должностных лиц¹.

То же касается заявления, упомянутого в арбитражно-процессуальном, гражданско-процессуальном, уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (ст. 4 АПК РФ, ст. 3 ГПК РФ, ст. 141 УПК РФ). Облеченное в определенную соответствующими правовыми нормами документальную форму заявление, в свою оче-

редь, является обращением лица к органам власти (должностным лицам, их представляющим).

К числу иных признаков, обязательных для уголовно наказуемого оправдания, характерных и для обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ, относятся цели виновного, находящие выражение в содержании заявления, т. е. неизбежно отражающиеся в признаках объективной и субъективной стороны конкретного состава преступления (ст. 205.2, 281.3 УК РФ), а также обусловившие совершение этого преступления.

Следует заметить, что наличие легального определения оправдания как криминообразующего признака анализируемых составов преступлений и обстоятельства, отягчающего наказание, до конца не снимает проблему его истолкования в ходе правоприменительной деятельности.

Так, оправдание внешне весьма схоже с публичным распространением информации, оправдывающим совершение противоправных действий в отношении одного или множества лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т. д., образующее объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ². На схожесть оправдания и призыва как признаков, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, указывается в целом ряде исследований [6, с. 124–131; 7, с. 58].

То же касается и одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, уголовная ответственность за которые установлена в ст. 354.1 УК РФ. Например, по одному из уголовных дел экспертным путем были установлены лингвистические и психологические признаки оправдания идеологии фашизма (нацизма) в тексте с заголовком «Миф о том, что Гитлер хотел убить всех славян», опубликованном в сети Интернет неким гражданином М. Содеянное в этой части, наряду с совершенным им отрицанием фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, было квалифицировано судом по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ³. Это не удивительно, поскольку сами лингвисты

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11, пункт 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приговор Верховного Суда Республики Крым от 2 августа 2017 г. Дело № 1-18/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1o8cksIY8d1l/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

одобрение квалифицируют как один из способов оправдания [8, с. 370].

Оправдание следует отличать и от пропаганды, которая никогда не касается конкретной преступной группы, а также лица, участвовавшего в совершении преступлений террористической или диверсионной направленности. По мнению законодателя, пропаганда — это деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, либо публичное заявление о признании целей и практики диверсионной деятельности правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

При этом, как указал Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих апелляционных определений, отличие пропаганды терроризма от оправдания терроризма заключается в отсутствии обязательности публичного способа. Пропаганда, адресованная даже одному человеку, должна создавать возможность изменения мировоззрения потерпевшего. Если же у лиц такая идеология уже сформирована, они убеждены в ее привлекательности и допускают осуществление террористической деятельности, являться участниками отношений, связанных с применением нормы, предусмотренной ст. 205.2 УК РФ, они не могут, поскольку эта система взглядов и идей сформирована не субъектом данного конкретного преступления и до него¹.

В то же время в официальных разъяснениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации заострил внимание на акциональном аспекте пропаганды как участия в деятельности террористической организации: «совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации...)»².

Оправдание как преступление окончено с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет, в частности, о признании идеологии

и практики терроризма, о признании целей и практики диверсионной деятельности правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. В связи с этим полагаем, что социальная положительная оценка террориста или диверсанта (например, хороший отец, заботливый сын, талантливый полководец, настоящий офицер), названного при этом по имени (условно, Усама Бен Ладен), не относится к уголовно наказуемому оправданию. В случае с оправданием должна быть как минимум положительная оценка его деяния в качестве террориста (диверсанта), поскольку законодатель считает общественно опасным не просто оценку человека, а положительную оценку того, что признается идеологией и практикой терроризма (целей и практики диверсионной деятельности), нуждающихся в поддержке и подражании.

К слову, само содержание идеологии терроризма раскрывается в общих положениях Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, а именно то, что она представляет собой идеи радикального псевдоислама, украинского национализма и неонацизма, а также субкультуры массовых убийств («Колумбайн», «Маньяки Культ Убийц»), распространяемых организациями, сообществами, движениями, признанными террористическими³. Как справедливо отмечают политологи, идеология (идеологическая доктрина) терроризма есть идейно-мировоззренческая основа его социально-политической практики. Наличие этой идеологической составляющей служит одним из важнейших «водоразделов», отделяющих терроризм от преступлений иных категорий [9, с. 122–125], а также террористической деятельности, а следовательно, имеет особое значение для оценки содержания оправдания как общественно опасного деяния.

Уголовно наказуемое оправдание всегда совершается публично. Высшая судебная инстанция полагает, что вопрос об этом способе совершения преступления должен разрешаться судами с учетом места, обстановки и других обстоятельств дела⁴. В этом случае установление законодателем

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2019 № 201-АПУ19-36 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/28477/> (дата обращения: 20.05.2025).

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1, пункт 22.7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: утв. Президентом Российской Федерации 30.12.2023 № Пр-2610 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1, пункт 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

границ, связанных с публичным способом оправдания, а также отягчающих вину использования СМИ, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. интернета, в этих же целях, обеспечивающих повышенную доступность распространяемой информации всем пользователям, свидетельствует не только об отсутствии дискриминации и нарушении конституционного права на свободу слова, но также и о необходимости дифференциации уголовной ответственности¹.

Поскольку уголовно-правовой запрет установлен на заявления человека, доведенные до сознания других лиц, этот факт обязательно должен охватываться умыслом субъекта преступления. Никаких конкретных действий в виде реальной поддержки, подготовки и реализации актов терроризма или активной диверсионной деятельности при этом от адресата оправдания не требуется.

В качестве примера подобного следует привести действия С., который разместил для всеобщего просмотра в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице комментарий к материалу, содержащий призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма: «Жены погибших мусульман на джихаде, одумайтесь и перестаньте терпеть усамште кафи́ров, мстите за своих львов, ушедших к Аллаху. За мусульман, ставших шахидами, делайте дуа, растите своих сыновей, каторые, как их отцы, возьмут в руки оружие и уйдут на джихад. Прославляйте пойцов джамаатов ДАИШ, лишь они ведут праведный джихад против кафи́ров. Лучший из кафи́ров достоин быстрой смерти. Заходите в стадионы, магазины, кафе, рестораны и взрывайте кафи́ра, когда он этого не ждет». Эксперты установили, что в материале этого комментария утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы².

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокопьевой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2022 № 804-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Тесно связана с анализируемым уголовно-правовым понятием дискуссия о возможности признания оправданием определенной реакции пользователя сети Интернет, выраженной в виде символа — лайка (от англ. like), которая, как известно, всегда находит свое отражение в публичном пространстве.

Так, К. К. Букина считает, что такая реакция в большинстве случаев воспринимается другими людьми как выражение поддержки определенному материалу или информации, его одобрение. То есть при наличии умысла может быть признана оправданием терроризма. То же касается и репоста (от англ. repost) — вторичной публикации как средства распространения информации, которую создал другой пользователь сети Интернет, до сведения третьих лиц [10, с. 157–158].

В то же время И. Кушнарева считает, что значение лайка для интернет-пользователя все-таки не может быть истолковано настолько однозначно: лайк может быть направлен на укрепление связей, поддержание групповой идентичности, неких «своих» (т. е. выполнять чисто коммуникативную функцию), вместо стандартизированного, но все-таки выражения индивидуальной эмоции быть обезличенной статистикой (демонстрировать число лиц, ознакомленных с той или иной информацией) [11, с. 8]. Близкой точки зрения придерживается и А. Ю. Богослова, утверждающая, что «поставив "лайк", человек не побуждает ни к каким действиям, а лишь выражает внимание и признание» [12, с. 389].

Согласимся с мнением Э. Ю. Чуклиной, которая отмечает, что «молчаливый» репост (т. е. без комментария лица, который лишь поделился с другими интернет-пользователями) необязательно может быть сделан в целях публичного заявления, и мотивы лица, его сделавшего, необходимо выяснять и доказывать, а это трудновыполнимая задача [13, с. 400], которую, очевидно, эксперты-лингвисты решить не в состоянии и не вправе.

Таким образом, оправдание в уголовно-правовом значении вовсе не исчерпывается прямым указанием на него в законе и требует его осмысления в контексте разграничения со схожими по содержанию понятиями, используемыми законодателем в ст. 205.2, 281.3, 282, 354.1 УК РФ, и в качестве основного понятия, раскрывающего сущность оправдания как общественно опасного деяния, и преследуемой виновным цели, и в части соотношения с более объемными по смыслу уголовно-правовыми терминами. Кроме того, оно тесно

соприкасается с иными понятиями, характерными для процессуальных отраслей российского права.

Уголовно-правовое понятие оправдания полисеманлично, включает и вербальный, и невербальный (т. е. символический) компоненты, смысловое содержание которых однозначно считывается адресатом. Специфика оправдания всегда находит выражение в признаках объективной и субъектив-

ной стороны конкретного состава преступления, обстановки, связанной с совершением конкретного преступления. Обязателен публичный способ оправдания, который позволяет верно оценить содеянное, отграничить от смежных деяний. Также оправданию не присущ признак официальности, характерный для иных видов заявлений, упомянутых в российских законодательных актах.

Список источников

1. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
2. Большой толковый словарь русских существительных. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд., стерет. М.: АЗЪ, 1996.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О / под ред. А. Н. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2006. 783 с.
5. Толковый словарь русского языка: т. 1–4 / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. Т. 1: А–Кюрины. Т. 1. 1935. LXXVI, 1562 стб.
6. Боков Д. К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 124–131.
7. Титаренко А. П. Оправдание терроризма как признак уголовно-правового деяния // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцатой Международной конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 57–59.
8. Жарков И. В., Колтунова Е. А. Понятия одобрения, оправдания и обоснования как средства доказывания с использованием специальных знаний в области лингвистики // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конф-ции (Москва, 5–6 октября 2021 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. С. 367–379.
9. Улезко Э. В. Экстремизм и терроризм: понятийно-категориальный аппарат исследования явления // Философия права. 2009. № 5 (36). С. 122–125.
10. Букина К. К. Лайк — это призыв или оправдание: уголовная ответственность за «лайки» и «репосты» в социальных сетях // Актуальные вопросы публичного права: мат-лы XVII Всероссийской научной конф-ции молодых ученых и студентов: в 2 ч. (Екатеринбург, 1–2 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. В. Конев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018. Т. 17. Ч. 1. С. 156–161.
11. Кушнарева И. Ко всему приделать лайки // Логос. 2012. № 2 (86). С. 3–9.
12. Богослова А. Ю. К вопросу об уголовной ответственности за «лайки» и «репосты» // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: сборник научных трудов по мат-лам Международной научно-практ. конф-ции (Гатчина, 25 мая 2018 г.). Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. Т. 2. С. 388–390.
13. Чуклина Э. Ю. Проблемы законодательной конструкции и применения нормы, предусмотренной ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: мат-лы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону, 8–10 февраля 2023 г.). Ростов-на-Дону: Южный научный центр Российской академии наук, 2023. С. 398–402.

References

1. Il'nickij A. M. Mental'naya vojna Rossii // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 19–33.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh. URL: <https://gramota.ru/> (data obrashcheniya: 20.05.2025).

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 3-e izd., steret. M.: AZ», 1996.
4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 2: I–O / pod red. A. N. Filippova. M.: RIPOL klassik, 2006. 783 c.
5. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: t. 1–4 / sost. G. O. Vinokur, prof. B. A. Larin, S. I. Ozhegov [i dr.]; pod red. prof. D. N. Ushakova. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1935–1940. T. 1: A–Kyuriny. T. 1. 1935. LXXVI, 1562 stb.
6. Bokov D. K. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoe opravdanie terrorizma ili propaganda terrorizma: trudnosti doktrinal'nogo ponimaniya // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2023. № 5 (97). S. 124–131.
7. Titarenko A. P. Opravdanie terrorizma kak priznak ugovolno-pravovogo deyaniya // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly dvadcatoy Mezhdunarodnoj konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022. Ch. 2. S. 57–59.
8. Zharkov I. V., Koltunova E. A. Ponyatiya odobreniya, opravdaniya i obosnovaniya kak sredstva dokazyvaniya s ispol'zovaniem special'nyh znaniy v oblasti lingvistiki // Fundamental'naya lingvistika i problemy sudebnoj ekspertizy: social'nye seti kak ob'ekt nauchnogo i ekspertnogo analiza: sbornik nauchnyh rabot po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii (Moskva, 5–6 oktyabrya 2021 g.). M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 2022. S. 367–379.
9. Ulezko E. V. Ekstremizm i terrorizm: ponyatijno-kategorial'nyj apparat issledovaniya yavleniya // Filosofiya prava. 2009. № 5 (36). S. 122–125.
10. Bukina K. K. Lajk — eto prizyv ili opravdanie: ugovolnaya otvetstvennost' za «lajki» i «reposty» v social'nyh setyah // Aktual'nye voprosy publichnogo prava: mat-ly XVII Vserossijskoj nauchnoj konf-cii molodyh uchenykh i studentov: v 2 ch. (Ekaterinburg, 1–2 noyabrya 2018 g.) / otv. red. D. V. Konev. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2018. T. 17. Ch. 1. S. 156–161.
11. Kushnareva I. Ko vsemu pridelat' lajki // Logos. 2012. № 2 (86). S. 3–9.
12. Bogoslova A. Yu. K voprosu ob ugovolnoj otvetstvennosti za «lajki» i «reposty» // Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2018: sbornik nauchnyh trudov po mat-lam Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Gatchina, 25 maya 2018 g.). Gatchina: Gosudarstvennyj institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologij, 2018. T. 2. S. 388–390.
13. Chuklina E. Yu. Problemy zakonodatel'noj konstrukcii i primeneniya normy, predusmotrennoj st. 205.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Fundamental'nye issledovaniya, innovacionnye tekhnologii i peredovye razrabotki v interesah dolgosrochnogo razvitiya Yuga Rossii: mat-ly Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 20-letiyu YuNC RAN (Rostov-na-Donu, 8–10 fevralya 2023 g.). Rostov-na-Donu: Yuzhnyj nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2023. S. 398–402.

Информация об авторе

А. Г. Брагина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bragina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 132–139.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 132–139.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ИЕРАРХИЯ В СИСТЕМЕ ПОДЗАКОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Руслан Рашитович Валюлин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, valiulinrr86@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется феномен возрастающей роли постановлений Правительства РФ в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Разработана оригинальная пятикритериальная классификация постановлений Правительства РФ, применяемых в уголовном судопроизводстве. Параллельно статья решает задачу определения иерархического места постановлений Правительства РФ в системе подзаконного регулирования уголовного процесса. Проведен сравнительный анализ юридической силы и регулятивного воздействия постановлений Правительства РФ, указов Президента РФ, решений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, актов Генерального прокурора РФ и ведомственных нормативных актов. Делается вывод о де-факто приоритете постановлений Правительства РФ перед иными подзаконными актами в исследуемой сфере (включая акты ВС РФ и Генпрокуратуры) при сохранении их подчиненности закону.

Ключевые слова: уголовный процесс, подзаконный нормативный правовой акт, постановление Правительства РФ, классификация, ведомственный акт, делегированное законодательство

Для цитирования: Валюлин Р. Р. Постановления Правительства Российской Федерации в уголовном судопроизводстве: многокритериальная классификация и иерархия в системе подзаконного регулирования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 132–139.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DECISIONS OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MULTICRITERIA CLASSIFICATION AND HIERARCHY IN THE SYSTEM OF SUBLEGISLATIVE REGULATION

Ruslan R. Valyulin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, valiulinrr86@gmail.com

Abstract. The article explores the phenomenon of the increasing role of the resolutions of the Government of the Russian Federation (GP RF) in the regulation of criminal procedural relations. An original five-criteria classification of GP RF used in criminal proceedings is developed. In parallel, the article solves the problem of determining the hierarchical place of GP RF in the system of subordinate regulation of the criminal process. A comparative analysis of the legal force and regulatory impact of the Federal Law, Presidential Decrees, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, acts of the Prosecutor General of the Russian Federation, and departmental regulations has been conducted. The article concludes that the Federal Law has a de facto priority over other subordinate acts in the field under study (including acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office), while maintaining their subordination to the law.

Keywords: criminal proceedings, sub-legal regulatory legal act, resolution of the Government of the Russian Federation, classification, departmental act, delegated legislation

For citation: Valyulin R. R. Decisions of the Government of the Russian Federation in criminal proceedings: multicriteria classification and hierarchy in the system of sublegislative regulation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:132–139 (In Russ.).

© Валюлин Р. Р., 2025

В современной российской правовой системе наблюдается устойчивая тенденция к количественному и качественному росту подзаконных нормативных правовых актов (далее — ПНПА), регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. В первую очередь внимания требуют принятые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) постановления Правительства Российской Федерации (далее — ПП РФ), которых на сегодняшний день действует свыше 30, причем этот перечень постоянно пополняется. Расширение общественных отношений, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью, вызвало активное привлечение к ее регулированию постановлений Правительства РФ.

Их столь внушительный и динамичный рост порождает потребность в глубокой систематизации и доскональном исследовании. Одним из ключевых методов познания и упорядочения правовых феноменов выступает классификация. Таким образом, требуется обоснование комплексной, многокритериальной классификации постановлений Правительства РФ, применяемых в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, требуется иерархическое соотношение постановлений Правительства РФ с иными не законодательными актами, регулирующими уголовно-процессуальные отношения.

Теоретико-методологические основания многокритериальной классификации

Для построения научной классификации, отражающей реальную роль постановлений Правительства РФ в уголовном процессе, ключевое значение имеет синтез функционального подхода и юридической герменевтики. Функционализм определяет критерии деления, а герменевтика предоставляет инструментарий для правильного отнесения объектов к выделенным классам. Этот синтез позволяет перейти от плоской, одномерной иерархической модели к многомерной, объемной классификации, адекватно отражающей сложность и многоаспектность подзаконного регулирования в уголовном судопроизводстве. На основании изложенных методологических подходов представляется возможным выделить пять самостоятельных, но взаимосвязанных оснований для классификации постановлений Правительства РФ и содержащихся в них норм, применяемых в уголовном судопроизводстве. Совокупность этих классификаций позволяет составить полное и системное представление об исследуемом правовом явлении.

Классификация по способу нормативной интеграции в УПК РФ

Первым и наиболее очевидным основанием для классификации является способ интеграции подзаконного акта в УПК РФ. Исходя из него, все постановления Правительства РФ можно разделить на две группы.

1. *Акты, прямо предусмотренные (делегированные) УПК РФ.* Это подавляющее большинство рассматриваемых актов, издание которых прямо поручено Правительству РФ бланкетными нормами кодекса. В таких случаях норма УПК РФ и норма постановления Правительства РФ образуют единый регулятивный механизм, где норма закона содержит общее предписание, а норма подзаконного акта — его детализацию. Их следует рассматривать в «нормативном, системном единстве».

2. *Акты, прямо не предусмотренные УПК РФ.* К этой группе относятся отдельные постановления, которые хотя и не имеют прямой отсылки в нормах УПК РФ, регулируют отношения, тесно связанные с уголовным судопроизводством и оказывающие на него непосредственное влияние.

Этот критерий разграничивает акты по их «интерпретационной связке»: в первом случае толкование нормы УПК невозможно без обращения к постановлению, они составляют единый текст; во втором — постановление имеет собственный предмет регулирования, но его нормы применяются в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, создавая для них внешний регулятивный контекст.

Классификация по сфере действия на стадиях уголовного процесса

Данная классификация основана на функциональном подходе и позволяет систематизировать акты в зависимости от того, на каком этапе (стадии) уголовного судопроизводства реализуются их предписания. Стадийность является одной из фундаментальных характеристик уголовного процесса, и каждый его этап имеет свои специфические задачи и круг участников [1, с. 10]. По этому критерию можно выделить три группы постановлений.

1. *Акты, действующие преимущественно на стадии предварительного расследования.* К этой группе относятся постановления, регулирующие обращение с вещественными доказательствами, применение мер принуждения, порядок медицинского освидетельствования и т. д.

2. *Акты, действующие исключительно на судебных стадиях.* В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ

от 29.04.2022 № 783 «Об утверждении выплат присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения»¹.

3. *Акты сквозного (межстадийного) действия.* Типичным примером является Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек...»². Поскольку процессуальные издержки могут возникать на любой стадии производства по делу, данный акт имеет универсальный, сквозной характер.

Эта классификация имеет важное практическое значение, поскольку позволяет правоприменителю четко определить нормативный массив, релевантный для конкретного этапа производства по уголовному делу.

Классификация по методу правового регулирования

Классификация основана на характере воздействия норм, содержащихся в постановлениях Правительства, на правовой статус участников уголовно-процессуальных отношений. В зависимости от того, сужают ли эти нормы объем правомочий субъектов или, наоборот, расширяют его, предоставляя дополнительные средства защиты их интересов, можно выделить две категории норм.

1. *Нормы, устанавливающие дополнительные ограничения прав субъектов (нормы-ограничения).* Под такими ограничениями понимаются установленные в подзаконном акте изъятия из правомочий участников процесса, которые прямо не предусмотрены в УПК РФ, но вводятся для достижения целей правового регулирования. Таким образом, подзаконный акт вводит обоснованное ограничение права законного владельца.

2. *Нормы, предусматривающие дополнительные гарантии (нормы-гарантии).* Под гарантиями в уголовном процессе понимается «система правовых средств для надлежащего определения право-

судия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам» [2, с. 150–155].

Нормы-гарантии в подзаконных актах создают дополнительные механизмы для реализации и защиты прав участников процесса.

Данная классификация позволяет вскрыть диалектическую природу подзаконного регулирования, которое может одновременно и ограничивать, и гарантировать права, обеспечивая баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

Классификация по степени регламентации правил поведения

Этот критерий классификации основан на теории конкретизации права и позволяет разграничить акты Правительства в зависимости от степени детализации и новизны устанавливаемых ими правил поведения. По данному основанию можно выделить две группы норм.

1. *Нормы, определяющие процедуру реализации кодифицированной нормы.*

Эта категория включает в себя нормы, которые создают целостный и детализированный порядок осуществления тех или иных действий, закрепленных в УПК РФ. По сути, они закрепляют и детализируют процедуру реализации кодифицированной нормы, оказывая тем самым благоприятное воздействие на правоприменительную практику.

2. *Нормы, дополняющие (конкретизирующие) нормативные правила поведения.* В отличие от предыдущей группы эти нормы не создают процедуру, а детализируют и развивают уже существующее в УПК РФ общее правило.

Данная классификация позволяет четко разграничить роль подзаконных актов: в одном случае они выступают в качестве регулятора конкретной процедуры, в другом — в качестве вторичного, детализирующего регулятора.

Классификация по степени определенности и влиянию на принятие процессуальных решений

Пятое основание классификации связано с теорией правовой определенности и ролью правовых норм в структуре правоприменительного решения. Оно позволяет разделить нормы постановлений Правительства РФ в зависимости от характера их влияния на усмотрение должностного лица или суда. По этому критерию выделяются две группы норм.

1. *Нормы, регулирующие сугубо меру (размер) взыскания или возмещения.* Это абсолютно определенные нормы, которые устанавливают конкрет-

¹ Об утверждении Правил выплаты присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения: постановление Правительства Российской Федерации от 29.04.2022 № 783 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204300010> (дата обращения: 29.06.2025).

² О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством...: постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 14.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 6), ст. 7058.

ные значения и практически исключают какое-либо усмотрение правоприменителя в этой части. Его задача сводится к правильному выбору соответствующей нормы и ее арифметическому применению.

2. *Нормы, влияющие на принятие решений через установление его фактических оснований.* Это относительно определенные нормы, которые не устанавливают конечный результат, но регламентируют процедуру получения фактических данных, которые лягут в основу процессуального решения. Они не устраняют усмотрение, а направляют и структурируют его.

Эта классификация вскрывает различную роль подзаконных норм в структуре правоприменительного акта: одни напрямую предопределяют его резолютивную часть, другие же формируют мотивировочную часть, обосновывая принятое решение через установленные фактические обстоятельства.

Рассматривая иерархическое соотношение постановлений Правительства РФ с иными не законодательными актами, включенными в уголовно-процессуальную деятельность, мы приходим к следующему.

В вертикальной иерархии подзаконных актов высшую юридическую силу имеют акты Президента Российской Федерации, которые, безусловно, обладают уникальностью, поскольку Президент РФ не отнесен ни к одной ветви власти, его акты, издаваемые в виде указов и распоряжений, не требуют какого-либо санкционирования, не могут быть отменены (а только признаны не соответствующими Конституции РФ), обязательны к исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 90 Конституции РФ).

При такой характеристике следует согласиться, что акты Президента РФ не могут рассматриваться как обычные подзаконные акты наравне, например, с актами Правительства РФ, поскольку первые обладают более высокой юридической силой, а вторые принимаются на основе и во исполнение в том числе и нормативных указов Президента РФ [3].

В то же время применительно к уголовному судопроизводству нельзя не отметить, что указы Президента РФ не оказывают существенной роли в регулировании уголовно-процессуальной деятельности, лишь косвенно затрагивая эту деятельность.

Вопросом, входящим в предмет исследования, является дискуссия по поводу судебного нормотворчества.

Большинство ученых-процессуалистов признают, что Конституционный Суд РФ может высту-

пать в роли творца правовых норм, хотя Е. Н. Клешина [4, с. 36–38] и Ю. С. Митькова [5, с. 143–148] возражают по данному вопросу.

При этом одни авторы признают свойства нормативности только в решениях Конституционного Суда РФ, вынесенных в форме постановлений [6], некоторые уточняют, что это относится только к постановлениям, в которых определенные статьи УПК РФ в той или иной мере признаются неконституционными [7, с. 130–137].

Можно согласиться с высказываемым в научной литературе мнением, что в настоящее время бесспорен факт, что Конституционный Суд РФ, по меткому выражению М. А. Сидоренко, «явочным порядком "творит" новое уголовно-процессуальное право России» [8].

Вместе с тем доктор юридических наук В. П. Божьев пришел к выводу, что Конституционный Суд РФ вышел за пределы своих полномочий, вторгшись в сферу законодателя, распространил данный принцип фактически на все стадии уголовного процесса, что привело к умалению принципов публичности и объективной истины [9, с. 9–11]. Об этих же проблемах пишет и В. В. Николук, отмечая, что в настоящее время имеются «многочисленные позиции Конституционного Суда РФ, часто истолковывающие конкретные процессуальные нормы по-иному, вопреки изначально заложенному в УПК РФ смыслу», что существенно осложняет, а иногда и вовсе сдерживает правоприменение [10].

Еще одним актом, который необходимо рассмотреть в рамках исследования судебного нормотворчества, являются постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Так, в п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹ отмечено, что Пленум Верховного Суда РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ. Все большее число ученых полагают, что Верховный Суд РФ выполняет правосполнительную роль, создает новые правовые нормы, в результате чего «формируется единообразная правоприменительная практика, а также истинное представление о сфере и порядке действия конкретной нормы закона» [11, с. 19–30].

¹ О Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 05.02.2014 № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует учитывать, что данные акты принимаются в установленной законом форме; органом, статус которого определен в самой Конституции РФ; они подлежат обязательному опубликованию и обязательны для всех правоприменительных органов. В целом эти акты способствуют эластичности применения действующего законодательства и оперативному реагированию на трансформирующиеся общественные отношения [12, с. 3–6].

В юридической литературе постановления Пленума Верховного Суда РФ уже получили характеристику как «самостоятельного правового явления» [13]. Заметим, что и сам Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев определял такие обязательные рекомендации, как «вторичные правовые нормы» [14, с. 214].

Вышеизложенное дает основания для вывода о том, что данные акты обладают свойством нормативности. К таким же выводам в научной литературе приходят Л. Ф. Апт [15, с. 160], Т. В. Соловьева [16, с. 50–54], Т. Г. Воскоян и другие авторы [17].

Воздействие постановлений Пленума Верховного Суда РФ на правоприменение огромно, поскольку они обязательны для всей судебной системы и формируют подходы к применению норм УПК на всех стадиях процесса. Однако они не создают новых правил поведения, а разъясняют, как следует понимать и применять уже существующие. Постановления Пленума Верховного Суда РФ иерархически располагаются ниже постановлений Правительства РФ.

Другой мощный пласт подзаконного регулирования составляют ведомственные акты — приказы, постановления, положения, инструкции, правила федеральных органов исполнительной власти (МВД России, СК России, ФСБ России и др.). Нельзя не отметить, что среди ведомственных актов в уголовно-процессуальной сфере значимо выделяются акты Генерального прокурора РФ, поскольку они распространяются и являются обязательными для гораздо большего круга лиц, учитывая те функции, которыми наделены прокуроры в уголовном судопроизводстве. Нормативные правовые акты прокуратуры РФ фактически обладают таким же широким спектром воздействия, как постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) по вопросам судебной практики.

В настоящее время принято и действует несколько указаний и приказов Генпрокуратуры РФ в сфере досудебного и судебного производства по уголовным делам¹, которые имеют важное значение,

в т. ч. для органов дознания и предварительного следствия, поскольку в силу прямого указания закона должностные лица этих органов в соответствии с ч. 2 ст. 30 Федерального закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»² обязаны их исполнять.

В научной литературе есть мнение, что приказы Генерального прокурора Российской Федерации с полным основанием следует считать нормативными источниками уголовно-процессуальной деятельности [18, с. 15–18]. Такое мнение В. Ю. Стельмах основывает на положении ч. 2 ст. 30 Федерального закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которой «указания Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам дознания, не требующим законодательного регулирования, являются обязательными для исполнения».

Несмотря на понятность того посыла, который законодатель хотел выразить данным законодательным положением, полагаем, что оно сформулировано крайне некорректно, учитывая положения ч. 2 ст. 1 и ч. 1 ст. 7 УПК РФ. Как совершенно верно было подмечено Е. Н. Бушковской, приказы Генерального прокурора РФ «регулируют вопросы исключительно организационного характера, и эти акты ни при каких обстоятельствах не могут изменять или дополнять полномочия прокурора, установленные уголовно-процессуальным законодательством» [19].

Приказы Генерального прокурора РФ являются ведомственными актами, обязательными для исполнения всеми органами прокуратуры. Их влияние на уголовный процесс опосредовано реализацией прокурорами своих властных полномочий. Как и акты ВС РФ, они в первую очередь направлены на организацию применения существующих норм, а не на создание новых.

Правила, инструкции и положения федеральных органов исполнительной власти выступают в качестве производных правовых конструкций

процессуальной деятельностью органов дознания», от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» и др.

² О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 11.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Приказы Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за

и дополнительно утверждаются постановлениями и приказами.

Эти акты призваны обеспечить на основе законов конкретизированное нормативное урегулирование всей совокупности общественных отношений и, следовательно, занять значительное место во всей системе нормативного урегулирования [20, с. 174].

Посредством издания нормативных правовых актов именно органы исполнительной власти обеспечивают реализацию прав и свобод граждан, поскольку именно на эти органы, и в первую очередь на министерства и ведомства, ложится эта работа [21, с. 10].

Конкретизированное нормативное урегулирование на уровне подзаконных актов федеральных органов исполнительной власти выполняет важную роль, в т. ч. в сфере уголовно-процессуальной деятельности, устраняя правовую неопределенность, неясность, которая зачастую приводит к неограниченному усмотрению в процессе правоприменения. И в этой связи абсолютно выверенным является высказывание С. А. Кулинич, которая отмечает, что «каждый правовой акт представляет собой отдельное правовое явление и принимается для решения определенной задачи. Он несет в себе целевую нагрузку и обладает специфичной совокупностью элементов его юридической природы» [22, с. 3–4].

Подзаконные акты федеральных органов исполнительной власти по сравнению с постановлениями Правительства РФ обладают еще большей оперативностью, гибкостью, меньшей степенью формализации в разработке и принятии норм права. Помимо этого, в них присутствует высшая компетентность субъектов правотворчества, способность разрешения различного многообразия социальных отношений. С прикладной точки зрения данные акты способствуют тому, что правовые нормы приобретают такие важные свойства, как устойчивость, стабильность, определенность, продолжительность действия.

Однако в большинстве своем данные акты производны от норм законов и вышестоящих подзаконных актов и содержат, как правило, нормы технического содержания.

Подзаконные (ведомственные) правовые акты по иерархии стоят ниже законов и подзаконных актов Правительства РФ, т. е. обладают меньшей юридической силой и не могут им противоречить.

Однако это отнюдь не значит, что они менее обязательны для исполнения.

Таким образом, проведенное исследование относительно классификации постановлений Правительства РФ и иерархического соотношения их с иными не законодательными актами, регулирующими уголовно-процессуальные отношения, позволило получить систематизированные данные о предмете правового исследования и сформулировать следующие основные выводы.

Расширение общественных отношений, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью, вызвало активное привлечение к ее регулированию постановлений Правительства РФ. В этот процесс включены иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в форме приказов, положений и инструкций, регулирующих компетентную сферу деятельности.

В отличие от законов, которые официально ранжированы по их юридической силе и имеют четко выраженную иерархию, подзаконные акты нормативно не дифференцированы по этому критерию, хотя фактически существенно различаются. С учетом предмета регулирования постановлений Правительства РФ, а также конституционного уровня закрепления роли и значения постановлений Правительства РФ де-факто они обладают приоритетом перед иными подзаконными актами, включая постановления Пленума Верховного Суда РФ и приказы Генеральной прокуратуры РФ, которые обязательны для учета при их принятии.

Предложенная система из пяти критериев классификации постановлений Правительства РФ в уголовном процессе (по способу нормативной интеграции в УПК РФ, по сфере действия на стадиях уголовного процесса, по методу правового регулирования, по степени регламентации правил поведения, по степени определенности и влиянию на принятие процессуальных решений) претендует на научную полноту и системность. Ее состоятельность определяется тем, что она, в отличие от традиционных одномерных подходов, охватывает ключевые аспекты существования и функционирования правового акта в сложной регулятивной среде. Несмотря на условность классификации, она позволяет глубже изучить данное явление, увидеть скрытые свойства и грани.

Список источников

1. Авдеев Е. А. Процессуальное поведение в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 1. С. 10–12.
2. Реброва В. С. Понятие и сущность процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства // Право и управление. 2025. № 1. С. 150–155.
3. Лебедева Н. В. Акты Президента Российской Федерации в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 45–48.
4. Клещина Е. Н. Источники уголовно-процессуального права: общие и дискуссионные вопросы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя). 2015. № 3. С. 36–38.
5. Митькова Ю. С. Правовая природа решений Конституционного Суда и их значение для уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4. С. 143–148.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008.
7. Баранова М. А., Григорян В. Л., Головина А. А. Интерпретационно-прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Legal Concept. 2015. № 4. С. 130–137.
8. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017.
9. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.
10. Николюк В. В. Уголовно-процессуальное законодательство в системе законодательства о противодействии преступности: проблемы взаимосвязей в условиях расширения нормативной основы сферы уголовной юстиции // Российское правосудие. 2018. № S1. С. 238–250.
11. Власова С. В., Власов Д. А. К вопросу о видах форм российского действующего права: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 19–30.
12. Даниелян А. С., Гелиева И. Н. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как форма выражения судебного правотворчества // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 3–6.
13. Климов А. А. Значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для восполнения пробелов в уголовно-процессуальном праве // Администратор суда. 2019. № 1. С. 34–37.
14. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.
15. Апт Л. Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М.: Российская академия правосудия, 2010.
16. Соловьева Т. В. К вопросу о нормативности постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. С. 50–54.
17. Воскорян Т. В., Самойлова А. В., Твердохлебова Э. В. Нормативное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник российского права // Всероссийская научная интернет-конференция «Гражданское право и процесс: проблемы правоприменения» (2020). URL: <https://conf.siblu.ru/stati-vserossiyskoy-nauchnoy-internet-konferencii-grazhdanskoe-pravo-i-process-problemy>.
18. Стельмах В. Ю. Приказы Генерального прокурора Российской Федерации — нормативный источник уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 15–18.
19. Бушковская Е. Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 176 с.
20. Бейсбекова Г. К. К вопросу о конкретизации норм подзаконных актов органов исполнительной власти // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2019. № 1. С. 174.
21. Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Проблема гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов // Московский юридический журнал. 2017. № 4. С. 8–21.
22. Кулинич С. А. Правовые акты органов исполнительной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

References

1. Avdeev E. A. Processual'noe povedenie v ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly pyatnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2017. Ch. 1. S. 10–12.
2. Rebrova V. S. Ponyatie i sushchnost' processual'nyh garantij uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Pravo i upravlenie. 2025. № 1. S. 150–155.
3. Lebedeva N. V. Ak ty Prezidenta Rossijskoj Federacii v sisteme istochnikov konstitucionnogo prava // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 7. S. 45–48.
4. Kleshchina E. N. Istochniki ugolovno-processual'nogo prava: obshchie i diskussionnye voprosy // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD RF (Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya). 2015. № 3. S. 36–38.
5. Mit'kova Yu. S. Pravovaya priroda reshenij Konstitucionnogo Suda i ih znachenie dlya ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 4. S. 143–148.
6. Smirnov A. V., Kalinovskij K. B. Ugolovnyj process: uchebnik / pod obshch. red. prof. A. V. Smirnova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: KNORUS, 2008.
7. Baranova M. A., Grigoryan V. L., Golovina A. A. Interpretacionno-precedentnyj harakter reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v ugolovnom sudoproizvodstve // Legal Concept. 2015. № 4. S. 130–137.
8. Sidorenko M. V. Pravovaya opredelennost' rossijskogo ugolovno-processual'nogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk. Krasnodar, 2017.
9. Bozh'ev V. P. «Tihaya revolyuciya» Konstitucionnogo Suda v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya. 2000. № 10. S. 9–11.
10. Nikoljuk V. V. Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo v sisteme zakonodatel'stva o protivodejstvii prestupnosti: problemy vzaimosvyazej v usloviyah rasshireniya normativnoj osnovy sfery ugolovnoj yusticii // Rossijskoe pravosudie. 2018. № S1. S. 238–250.
11. Vlasova S. V., Vlasov D. A. K voprosu o vidah form rossijskogo dejstvuyushchego prava: teoreticheskij i prakticheskij aspekty // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 3. S. 19–30.
12. Danielyan A. S., Gelieva I. N. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF kak forma vyrazheniya sudebnogo pravotvorchestva // Yuridicheskaya nauka. 2018. № 4. S. 3–6.
13. Klimov A. A. Znachenie postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii dlya vospolneniya probelov v ugolovno-processual'nom prave // Administrator suda. 2019. № 1. S. 34–37.
14. Lebedev V. M. Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya. SPb., 2001.
15. Apt L. F. Legal'nye opredeleniya v zakonodatel'stve i sudebnoj praktike. M.: Rossijskaya akademiya pravosudiya, 2010.
16. Solov'eva T. V. K voprosu o normativnosti postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremenном obshchestve. 2010. S. 50–54.
17. Voskoryan T. V., Samojlova A. V., Tverdohlebova E. V. Normativnoe postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii kak istochnik rossijskogo prava // Vserossijskaya nauchnaya internet-konferenciya «Grazhdanskoe pravo i process: problemy pravoprimereniya» (2020). URL: <https://conf.siblu.ru/stativserossiyskoy-nauchnoy-internet-konferencii-grazhdanskoe-pravo-i-process-problemy>.
18. Stel'mah V. Yu. Priказы General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii — normativnyj istochnik ugolovno-processual'noj deyatel'nosti // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1. S. 15–18.
19. Bushkovskaya E. N. Nadzor prokurora za processual'noj deyatel'nost'yu sledovatelya i doznavatelya v dosudebnom proizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011. 176 s.
20. Bejsbekova G. K. K voprosu o konkretizacii norm podzakonnyh aktov organov ispolnitel'noj vlasti // Vestnik instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2019. № 1. S. 174.
21. Arzamasov Yu. G., Arzamasov V. Yu. Problema garantij zakonnosti vedomstvennyh normativnyh pravovyh aktov // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 4. S. 8–21.
22. Kulinich S. A. Pravovye akty organov ispolnitel'noj vlasti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 09.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 09.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 140–146.
Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 140–146.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.352.4:340

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОСТАВА ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ С ПОЗИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Ольга Владимировна Ермакова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной статье автором выявляются и подвергаются анализу отдельные недостатки законодательной регламентации состава получения взятки. Используя примеры судебной практики, автор демонстрирует негативные последствия существующего описания признаков предмета и общественно опасного деяния. В частности, автором доказывается неудачность использования цивилистических понятий, которые не имеют однозначного понимания даже в иско-мой отрасли права. Основываясь на правилах юридической техники, автор констатирует нарушения, допущенные при дифференциации уголовной ответственности, явно проявляющиеся в выделе-нии ст. 291.2 УК РФ. Отдельное внимание уделяется проблеме установления оценочных признаков «общего покровительства» и «общего попустительства».

Ключевые слова: получение взятки, взяточничество, юридическая техника, законодательная ре-гламентация, моделирование состава получения взятки

Для цитирования: Ермакова О. В. Особенности моделирования состава получения взятки: кри-тический анализ с позиции юридической техники // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 140–146.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF MODELLING THE COMPOSITION OF BRIBERY TAKING: CRITICAL ANALYSIS FROM THE POSITION OF LEGAL TECHNIQUE

Olga V. Ermakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. The author identifies and analyzes certain shortcomings in the legislative regulation of the composition of taking a bribe. Using examples of judicial practice, the author demonstrates the negative consequences of the existing description of the features in the form of an object, a socially dangerous act. In particular, the author argues that the use of civil law concepts, which do not have a clear understanding even within the relevant field of law, is unsuccessful. Based on the rules of legal technique, the author notes the violations committed in the differentiation of criminal liability, clearly manifested in the allocation of Art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the problem of establishing the evaluative features of "general patronage" and "general connivance".

Keywords: bribery, legal technique, legislative regulation, modeling of the composition of receiving a bribe

For citation: Ermakova O. V. Features of modelling the composition of bribery taking: critical analysis from the position of legal technique. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:140–146 (In Russ.).

В научной литературе состав преступления, закрепленный в ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), рассматривается как один из видов взяточничества [1, с. 13–14]. Такой подход объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, законодатель при введении ст. 291.1 и 291.2 УК РФ в названии, а также в диспозициях уголовно-правовых норм употребил термин «взяточничество». До этого периода в уголовном законе использовался лишь термин «взятка» для обозначения предмета преступления. Во-вторых, исторически сложилось использование взяточничества как собирательного понятия, которое охватывает совокупность различных преступлений (в действующем законе таковых 4), объединенных таким предметом, как взятка [2, с. 32–35].

Несмотря на активное употребление термина «взяточничество», в научной литературе как таковое понятие, аккумулирующее в своем содержании признаки, распространяющиеся на группу преступлений главы 30 УК РФ, отсутствует. Вместо этого характеристика предмета, а также действий, за которые предоставляется взятка, закрепляется в диспозиции ст. 290 УК РФ.

Подобный подход со стороны законодателя следовало бы признать обоснованным только в том случае, если состав получения взятки выступает в виде общего, а конструкции, закрепленные в ст. 291–291.2 УК РФ, — специальные. При таком соотношении конструкций признаки состава получения взятки трансформировались бы в обязательные для всех остальных выделяемых видов.

Однако составы получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве не соотносятся между собой в качестве общих и специальных, т. к. содержат взаимоисключающие признаки в виде общественно опасного деяния, соответственно, являются смежными.

Специальным составом можно признать лишь мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), поскольку в этом случае законодатель выделяет из получения и дачи взятки аналогичные действия, но конкретизируя специфику размера предмета преступления в виде его количественных показателей. В этой части необходимо отметить, что именно такой вывод предлагается в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24.

Таким образом, следует констатировать, что составы преступления, предусмотренные ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, являются смежными и лишь конструкция, закрепленная в ст. 291.2 УК РФ, от-

носится к специальной (общими составами в этом случае выступают получение и дача взятки).

Представленный вывод свидетельствует о том, что законодательное решение о закреплении признаков предмета и особенностей деяния лишь в ст. 290 УК РФ нарушает технику построения уголовного закона.

В этой части законодателю с целью устранения таких нарушений целесообразно закрепить понятие «взяточничество» в примечании к ст. 290 УК РФ (по аналогии с хищениями) и в нем системно изложить все признаки, выступающие общими для составов преступлений, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ. Еще одним вариантом преодоления выявленного несовершенства закона является перечисление всех обязательных признаков в каждом из названных составов.

Кроме того, нарушен принцип дифференциации уголовной ответственности, поскольку во всех составах взяточничества ответственность градируется в зависимости от размерных особенностей предмета, и обособление по этому же принципу отдельной статьи 291.2 УК РФ не соответствует избранной логике. В связи с изложенными аргументами видится необходимым выделить в рамках составов преступлений, предусмотренных ст. 290–291 УК РФ, такой размер взятки, как мелкая, и закрепить данное деяние в соответствующей части.

Анализируя модель состава получения взятки, следует отметить, что в диспозиции ст. 290 УК РФ законодателем детально отражена характеристика предмета деяния. Субъект преступления, учитывая его детальное изложение в примечании к ст. 285 УК РФ, лишь упоминается, что следует признать достаточно обоснованным. Для оценки юридического закрепления иных признаков данного состава преступления проанализируем особенности их описания в норме закона.

Законодательное представление предмета в виде взятки осуществляется путем закрытого перечня, содержащего в себе такие разновидности, как деньги, ценные бумаги, имущество, имущественные права, услуги имущественного характера. При этом помимо обозначения качественных характеристик предмета, законодатель подчеркивает количественную (размерную) характеристику.

Таким образом, законодатель предъявляет три основных требования к предмету взяточничества (а соответственно, и правоприменительные органы обязаны отразить эти особенности в процессе квалификации):

1. Видовая принадлежность предмета взяточничества.

2. Имущественная составляющая предмета.

3. Размер предмета (стоимость).

Взяткой могут выступать деньги (как российская валюта, так и зарубежная), имущество (любые ценности, имеющие форму вещи), ценные бумаги (документы, предоставляющие какие-либо права).

В этой части необходимо отметить, что описание данных предметов не содержит упоминания об их незаконном характере. В связи с этим в судебной практике неоднозначной видится квалификация взяточничества, в котором предметом выступает имущество, изъятое из оборота. Например, дача взятки поддельными деньгами.

Полагаем, необходимо предложить несколько возможных алгоритмов квалификации, отличающихся не только от особенностей субъективной стороны, но и от явности признаков подделки. В частности, если должностное лицо принимает данный предмет в качестве взятки, то необходимо вменять ч. 3 ст. 30, ст. 290 УК РФ. Квалификация же действий взяткодателя неоднозначна. Так, в научной литературе предлагается применять ст. 159 УК РФ, если имеется явный признак обмана. В тех же случаях, когда поддельные купюры высокого качества, то такие действия охватываются ст. 186 УК РФ [3, с. 18–24]. В этой части сложно согласиться с возможностью использования ст. 159 УК РФ, поскольку отсутствует такой обязательный признак хищения, как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу. Для любого хищения характерен прямой ущерб, равный стоимости изъятого имущества. В свою очередь, при предоставлении взятки поддельными деньгами имеет место упущенная выгода (неполучение должного), которая в понятие такого ущерба не входит.

Схожие проблемы квалификации возникают при даче взятки наркотическими средствами, оружием.

Позиции ученых и судебной практики условно можно разделить на несколько групп. В соответствии с первой позицией применению подлежат нормы о взяточничестве. Например, Г. был осужден за получение взятки в виде иного имущества, а именно 7 грамм гашиша¹.

Другие исследователи, оспаривая правильность такой квалификации, указывают на легаль-

ный характер предмета взятки и нарушение незаконным оборотом запрещенных веществ иных объектов (общественной безопасности, здоровья населения и т. д.) [4, с. 56–63].

Обоснованность данной позиции подтверждается тем обстоятельством, что законодатель, а вслед за ним и Верховный Суд Российской Федерации подчеркивают имущественный характер взятки, определяемый конкретным стоимостным показателем. Так, в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 в императивной форме устанавливается необходимость денежной оценки взятки. В случае же имущества, изъятого из оборота, такую характеристику установить достаточно затруднительно.

Именно по этой же причине, несмотря на то, что криптовалюта является официально установленным средством платежа (ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), легальный механизм определения ее стоимости не регламентирован, вследствие чего квалификация действий виновных по составам взяточничества в данном случае проблематична [5, с. 13–16]. Иначе говоря, когда речь идет о криптовалюте, проблема заключается не в том, что эти предметы не относятся к разновидностям денег, поскольку абсолютно справедливо признать их иным имуществом. Но помимо качественной составляющей предмета, в данных составах обязательным выступает установление количественного показателя в виде размера, который как раз официально определить в случае с криптовалютой невозможно. В связи с этим можно сделать вывод о том, что криптовалюта будет признаваться предметом взяточничества только в том случае, если на официальных биржах устанавливается ее стоимость.

В свете обозначенного неудивительным выглядит тот факт, что судами РФ выносятся единичные приговоры по получению взятки в виде криптовалюты. Так был осужден Т., являющийся бывшим руководителем Тверского следственного отдела ГСУ СКР по г. Москве, который получил взятку в криптовалюте в размере более 7 млрд рублей².

Среди всех разновидностей предмета взяточничества наиболее сложным с позиции толкования следует признать понимание имущественных прав и предоставления услуг имущественного характера.

¹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2013 г. № 84-О12-24. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=52686 (дата обращения: 01.04.2025).

² URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

Понятие имущественных прав является гражданско-правовым. Однако и в искомой отрасли права оно не находит однозначной трактовки.

В частности, Л. В. Криволапова отмечает, что имущественное право выступает более широким понятием, чем право требования. К их числу предлагается относить вещные, обязательственные и исключительные права [6, с. 35–39]. О. П. Попова не включает в данный перечень исключительные права [7, с. 141–150].

Отправной точкой в решении вопроса относительно содержания понятия «имущественное право» необходимо признать положения гражданско-правовой науки. Так, вещные права предполагают установление господства над каким-либо имуществом. Лицо, обладающее таким правом, самостоятельно решает дальнейшую судьбу вещи. В свою очередь, обязательные права ограничены лишь правом требования определенных действий от других лиц. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ исключительные права предполагают права на результаты интеллектуальной собственности.

Учитывая, что при совершении взяточничества может передаваться не только сама вещь, но и права требования какого-либо имущества, принадлежащего третьим лицам, целесообразно в понятие имущественных прав включать как вещные, так и обязательственные разновидности. Аналогично следует сделать вывод о возможности отнесения к числу имущественных прав интеллектуальной разновидности, что объясняется такими аргументами, как: эти права также обладают имущественной правовой природой, у лица имеется возможность свободного распоряжения ими, в т. ч. путем передачи другим лицам.

В научной литературе, а также на законодательном уровне обсуждалась возможность включения в число имущественных прав такого понятия, как «цифровые права» (проект федерального закона Российской Федерации № 424632-7). Однако, исходя из предлагаемого содержания этого понятия, по своей сути, цифровые права выступают особой формой удостоверения, а не отдельной разновидностью прав [8, с. 75–80].

На основании изложенного под имущественными правами следует понимать вещные, обязательственные и интеллектуальные права, которые принадлежат лицу, являются приобретаемыми и передаваемыми, обладают стоимостным характером.

Еще одной разновидностью предмета взяточничества, вызывающей сложности толкования, выступают услуги имущественного характера.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обозначенными в постановлении от 09.07.2013 № 24, данное понятие состоит в предоставлении (получении) любых имущественных выгод, а также в освобождении от имущественных обязательств.

Отличие обозначенных разновидностей состоит в том, что при получении выгоды происходит прибавление имущественной базы. Иная ситуация при освобождении от обязательств — в этом случае не осуществляется расходование должностным лицом принадлежащего ему имущества.

Выделение указанных разновидностей услуг имеет принципиально важное значение, поскольку от этого зависит правильное определение предмета преступления. Однако, как показывает анализ судебной практики, в решениях суды не конкретизируют разновидность услуг имущественного характера.

Например, Г., действуя в интересах должностного лица И., вместо него произвел оплату расчетного счета. И. должен был оплатить за счет собственных средств, однако уменьшения его имущественной базы не произошло¹. Суд, фактически описывая разновидность такой услуги имущественного характера, как освобождение от обязательств, данный вывод в решении не делает. Полагаем, указание в материалах дела и в приговоре на ту или иную разновидность услуги (получение или освобождение от обязательств) разрешит многие спорные вопросы и позволит признать такое решение обоснованным.

В этой части достаточно сомнительно указание в диспозиции ст. 290 УК РФ на незаконность оказания услуг, поскольку все приводимые примеры в обозначенном документе в виде ремонта квартиры, строительства дачи и т. д. имеют законный характер, а противоправность поведения приобретает только при наличии связи с деятельностью должностного лица. К тому же в других разновидностях предмета в рамках ч. 1 ст. 290 УК РФ законодатель не акцентирует внимания на незаконном характере. В связи с этим предлагаем исключить из текста уголовного закона указание на незаконность услуг имущественного характера.

В отношении данного предмета Верховный Суд РФ определил иной момент окончания преступления. Так, если взяточничество (как получение, так и дача) по общему правилу окончено с момента принятия должностным лицом хотя бы части взятки, то в случае предоставления услуг иму-

¹ Уголовное дело № 1-32/2024. Архив Свердловского районного суда г. Белгорода.

щественного характера момент окончания по неясным причинам перенесен на более ранний этап (п. 11 постановления), а именно на начало совершения действий по предоставлению имущественных выгод. Получается, Верховный Суд РФ самостоятельно изменяет конструкцию состава в части предоставления услуг имущественного характера, фактически превращая ее в усеченную разновидность.

Критически оценивая подобное решение Верховного Суда РФ как в части принятия на себя функций законодателя, так и в части возможных проблем квалификации, необходимо отметить следующее: если лицо еще не получило услугу, то достаточно сложным будет установление количественной составляющей предмета.

Например, З., являясь должностным лицом, периодически пользовался скидкой в размере 50 % от стоимости при оплате услуг по организации питания в ресторанах¹. Объявление начала предоставления услуги оконченным преступлением фактически нивелирует последующую деятельность должностного лица в виде получения им многократных скидок.

В этой части следует отметить, что суды, несмотря на разъяснения момента окончания взяточничества в виде услуг имущественного характера, которые существенно отличаются от иных разновидностей, описывая момент окончания преступления, руководствуются общим правилом, т. е. отражают факт получения услуги (а не начало ее предоставления).

Например, У. обратилась к К., являющейся главным врачом ГКУЗ, с предложением произвести ремонт в ее квартире за заключение контракта по доставке продуктов питания в районную больницу. После согласия должностного лица У. наняла для выполнения указанных работ З. и М., которые не были осведомлены о преступной деятельности. В период с 01.08.2017 по 30.09.2017 они провели отделочно-ремонтные работы в квартире, которые были оплачены У.²

На основании этого следует вывод о целесообразности установления момента окончания всех разновидностей взяточничества по единому правилу, без обособления услуг имущественного характера.

Интерес представляют случаи, когда суды вмещают в рамках одного преступления одновременно несколько предметов взятки. Так, М., согласно достигнутой договоренности, в качестве взятки передал Х., выполняющему полномочия учредителя бюджетного учреждения, запасные части на автомобиль «Е», а также произвел установку брызговиков и автомобильных шин³. В данном примере суд обоснованно определил в качестве предмета не только имущество, но и оказание услуг имущественного характера.

Учитывая требования законодателя относительно имущественной составляющей предмета взяточничества, в тех случаях, когда стоимостную оценку провести невозможно, уголовная ответственность не наступает. В результате в научной литературе высказаны предложения об исключении обязательности имущественной характеристики предмета и закрепления уголовной ответственности за предоставление должностному лицу (и принятие им) как материальных, так и нематериальных предметов, без градации соответствующих размеров [9, с. 172–175].

С другой стороны, полагаем, что, принимая во внимание дифференциацию ответственности в рамках существующих составов взяточничества, в т. ч. и по признаку предмета преступления (значительный, крупный, особо крупный размер), игнорирование особенностей количественных показателей противоречит принципу законности.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, представлена в виде сложного деяния — получение взятки, т. е. ее принятие специальным субъектом взятки за совершение определенного поведения со стороны должностного лица.

При этом следует обратить внимание, что законодатель, описывая действия, за которые предоставляется взятка, не требует их обязательного совершения должностным лицом. Полагаем, подобным способом подчеркивается взаимообусловленность действий взяткополучателя и взяткодателя, что отличает данное преступление от подарка.

Из представленных в диспозиции четырех вариантов поведения должностного лица, обусловленных получением взятки, только один отличается конкретностью предписания — действия (бездействие), входящие в полномочия субъекта. Остальные же формы отличаются неопределенностью содержательной формулировки.

¹ См.: Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 10-17772/19. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

² Уголовное дело № 1-4/2024. Архив Ленинского районного суда г. Владимира.

³ Уголовное дело № 1-47/2024. Архив Октябрьского районного суда г. Красноярска.

Так, не совсем ясен смысл действий, совершению которых взяточполучатель может поспособствовать благодаря занимаемому должностному положению.

Разъяснения понятий «покровительство» и «попустительство» по службе, представленные в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ, нельзя признать информативными, поскольку судебный орган ограничился отдельными примерами, что препятствует установлению содержательной составляющей.

С целью исключения противоречий в толковании понятий «покровительство» и «попустительство» Пленуму Верховного Суда РФ следовало бы более детально отразить их содержание, сопроводив частные примеры сущностной характеристикой.

Моделирование квалифицированного состава, закрепленного в ч. 3 ст. 290 УК РФ, также нельзя признать соответствующим правилам юридической техники. В частности, данная конструкция конкретизирует характер действий (бездействия), за которые предоставляется взятка, путем указания на их незаконность. Однако простая диспозиция данной нормы не способствует однозначному толкованию этого деяния. Как указывается в научной литературе, это могут быть как действия, содержащие признаки преступления, так и право-

нарушения [10, с. 47–50]. Однако правонарушения могут быть административные, дисциплинарные, гражданско-правовые, в связи с чем возникает вопрос, о каких разновидностях идет речь.

Анализ п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 показывает, что такие действия должны быть связаны с деятельностью должностного лица и могут выражаться: 1) в превышении должностных полномочий (судом используются разъяснения из постановления от 16.10.2009 № 19); 2) злоупотреблении должностными полномочиями (использование должностного положения в целях способствования совершению другим должностным лицом незаконных действий либо при осуществлении бездействия (например, несоставление протокола)); 3) фальсификации доказательств; 4) служебном подлоге. При этом примеров иных правонарушений как разновидности незаконных действий, за которые получается взятка, Верховным Судом РФ не приводится.

Таким образом, неопределенность предписания, закрепленного в ч. 3 ст. 290 УК РФ, создает сложности в квалификации данных деяний, а также в отграничении от ч. 1 ст. 290 УК РФ. Соответственно, законодателю, руководствуясь требованиями относительно четкости, полноты, ясности формулировок уголовно-правовых норм, следует реконструировать состав получения взятки.

Список источников

1. Алимпиев С. А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
2. Антипов А. Н. История возникновения взяточничества в царской России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 2. С. 33–35.
3. Никонов П. В. К вопросу о понятии предмета коррупционных преступлений, связанных с получением и дачей взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Мировой судья. 2021. № 3. С. 18–24.
4. Изосимов С. В., Гейвандов Э. А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4 (16). С. 56–63.
5. Гринько С. Д. Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. 2022. № 6. С. 13–16.
6. Криволапова Л. В. Имущественные права как объекты гражданских прав // Право и государство: теория и практика. 2011. № 7 (79). С. 35–39.
7. Попова О. П. Особенности имущественных прав как объектов гражданских прав // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов 2-й Международной научно-практ. конф-ции (Хабаровск, 5 декабря 2018 г.). Хабаровск, 2018. С. 141–150.
8. Ситдикова Р. И. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 75–80.
9. Ермакова О. В. Проблема определения предмета взяточничества // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: сборник мат-лов II Всероссийской научно-практ. конф-ции (12 апреля 2024 г., г. Владивосток) / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Е. Ю. Антонова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2024. С. 172–175.
10. Гарбатович Д. А. Проблемы квалификации получения взятки за незаконные действия (бездействие) // Уголовное право. 2013. № 5. С. 47–50.

References

1. Alimpiev S. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za poluchenie vzyatki po rossijskomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010.
2. Antipov A. N. Istoriya vozniknoveniya vzyatochnichestva v carskoj Rossii // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2021. № 2. S. 33–35.
3. Nikonov P. V. K voprosu o ponyatii predmeta korrupcionnyh prestuplenij, svyazannyh s polucheniem i dachej vzyatki i inymi vidami nezakonnogo voznagrashdeniya // Mirovoj sud'ya. 2021. № 3. S. 18–24.
4. Izosimov S. V., Gejvandov E. A. Predmet vzyatochnichestva: problemy opredeleniya sodержaniya // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2010. № 4 (16). S. 56–63.
5. Grin'ko S. D. Problemy kvalifikacii korrupcionnyh prestuplenij pri ispol'zovanii cifrovoj valyuty v kachestve vzyatki // Yurist. 2022. № 6. S. 13–16.
6. Krivolapova L. V. Imushchestvennye prava kak ob'ekty grazhdanskih prav // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2011. № 7 (79). S. 35–39.
7. Popova O. P. Osobennosti imushchestvennyh prav kak ob'ektov grazhdanskih prav // Aktual'nye voprosy yuridicheskoy nauki i praktiki: sbornik nauchnyh trudov 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Habarovsk, 5 dekabrya 2018 g.). Habarovsk, 2018. S. 141–150.
8. Sitdikova R. I. Cifrovye prava kak novyj vid imushchestvennyh prav // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2018. № 9 (204). S. 75–80.
9. Ermakova O. V. Problema opredeleniya predmeta vzyatochnichestva // Rol' yuridicheskikh i social'nyh nauk v razvitii sovremennogo obshchestva: sbornik mat-lov II Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (12 aprelya 2024 g., g. Vladivostok) / otv. red. d-r jurid. nauk, professor E. Yu. Antonova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2024. С. 172–175.
10. Garbatovich D. A. Problemy kvalifikacii polucheniya vzyatki za nezakonnye dejstviya (bezdejstvie) // Ugolovnoe pravo. 2013. № 5. S. 47–50.

Информация об авторе

О. В. Ермакова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Ermakova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 147–151.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 147–151.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.976

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ (В КОНТЕКСТЕ СТ. 228, 228.1 УК РФ)

Илья Николаевич Заварыкин

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, criminal-man@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются существующие закономерности наркопреступности, сложившиеся в Российской Федерации в последние десять лет, с целью прогнозирования их дальнейших тенденций, рассмотрения возможных криминологических рисков и планирования направлений противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Ключевые слова: закономерности наркопреступности, прогнозирование наркопреступности, криминологические риски

Для цитирования: Заварыкин И. Н. Криминологические закономерности и прогнозирование наркопреступности (в контексте ст. 228, 228.1 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 147–151.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL PATTERNS AND FORECASTING DRUG-RELATED CRIME (IN THE CONTEXT OF ARTICLES 228, 228.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Ilya N. Zavarykin

Siberian Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russia, Krasnoyarsk, Russia,
criminal-man@mail.ru

Abstract. The article analyzes the existing patterns of drug-related crimes that have developed in the Russian Federation over the past ten years, with the aim of predicting their future trends, considering possible criminological risks and planning directions for combating illicit drug trafficking.

Keywords: patterns of drug-related crimes, forecasting drug-related crimes, criminological risks

For citation: Zavarykin I. N. Criminological patterns and forecasting drug-related crime (in the context of articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2025;3:147–151 (In Russ.).

© Заварыкин И. Н., 2025

Криминологическое значение исследований незаконного оборота наркотиков (далее — НОН) велико, т. к. рассматриваемое явление представляет собой как самостоятельный вид преступности, так и обуславливает фоновые процессы и закономерности иных преступлений. В литературе отмечается, что наркопреступность тесно связана не только с совершением уголовно наказуемых деяний, но и формирует достаточное количество административных правонарушений, дисциплинарных проступков, нарушений норм морали и нравственности. Отсюда и ее повышенная общественная опасность. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ и связанные с ним негативные последствия в настоящее время рассматриваются в качестве масштабного общемирового явления, препятствующего поступательному социальному и экономическому развитию целых государств [1, с. 726]. Следовательно, ретроспективный анализ наркопреступности, выявление основных тенденций ее развития позволяют экстраполировать наркоситуацию, которая может сложиться в Российской Федерации в будущем.

Криминологическое прогнозирование наркопреступности представляет собой научно обоснованный и скоординированный процесс, в рамках которого криминологи и субъекты правоохранительной деятельности выявляют закономерности и негативные тенденции, способные в будущем провоцировать изменения преступлений, связанных с НОН. Цель такого прогноза — разработка и рациональное планирование внедрения комплексных мер, направленных на снижение уровня наркопреступности, а также минимизацию её последствий.

Криминологический прогноз наркопреступности — это научно аргументированная система выводов о динамике данных явлений, их закономерностях, которые в перспективе могут влиять на изменение числа преступлений. Он включает в себя прогнозируемые показатели и ориентиры, служащие основой для принятия обоснованных управленческих решений органами, ответственными за противодействие наркопреступности и профилактику наркомании.

Проанализировав официальную статистику за 10 лет (2015–2024 гг.), можно сделать вывод о том, что количество преступлений, связанных с НОН и зарегистрированных правоохранителями, снизилось на 16,4 %, однако следует учитывать, что выявлять такие преступления становится все сложнее из-за цифровизации наркоторговли.

Так, ежегодно растет количество наркопреступлений, совершаемых с помощью информацион-

но-телекоммуникационных технологий (использование специального программного обеспечения, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей и т. д.). Например, в 2024 г. с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств совершено каждое восьмое подобное деяние, их рост в рассматриваемом периоде составил 16 %, а удельный вес в общей массе всех наркопреступлений — около 48 % [2]. Наркосбытчики все более активно используют ИТ-технологии для организации онлайн-продаж наркотиков. Повышенная опасность такого способа торговли наркотиками очевидна, он существенно упрощает распространение наркотиков, позволяет удаленно совершать сделки купли-продажи наркотиков с сокрытием данных как о сбытчике, так и о приобретателе, значительно расширить географию наркорынка, оперативно пополнять штат розничных закладчиков-сбытчиков, использовать криптовалюту для расчетов и даже автоматизировать процесс сбыта наркотиков посредством чат-ботов или других компьютерных программ, как следствие, получать максимальную прибыль в кратчайшие сроки с минимальным риском привлечения к уголовной ответственности [3, с. 178].

Удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, увеличился с 50 % в 2015 г. до 68,2 % в 2024 г. Это обусловлено как изменившимися особенностями квалификации рассматриваемых деяний, так и подходом к их выявлению, раскрытию и пресечению.

На долю посягательств, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, приходится около 96 % всех регистрируемых наркопреступлений [2], однако субъекты оперативно-розыскной деятельности более заинтересованы в раскрытии преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, нежели в выявлении преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, которые в дальнейшем предполагают фактическое возбуждение уголовного дела по «нераскрытому» сбыту наркотиков.

Интересен факт, что в 2024 г. судами Российской Федерации осуждено 47 430 лиц по ст. 228 УК РФ, тогда как по ст. 228.1 УК РФ — только 19 823. Соотношение значительно отличается от аналогичного показателя 10 годами ранее, когда осужденных по ст. 228 УК РФ было в 3 раза больше, чем по ст. 228.1 УК РФ [4]. Подобное обусловлено изменениями позиции Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации наркопреступлений (квалификация деяний, совершаемых с помощью «закладок», влияние на квалификацию использования оборудования и приспособлений

для мелкой фасовки наркотиков, а также перевозка их большого объема и др.).

Например, в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2024 г. отмечено, что действия виновного, которые выразились в размещении наркотических средств в нескольких тайниках-закладках, хотя и были совершены в один период на одном участке местности, но с целью сбыта наркотических средств разным лицам, следует квалифицировать как самостоятельные преступления.

Так, С. был признан виновным в совершении совокупности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В частности, его действия квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ как покушение на сбыт мефедрона (2,63 г) через интернет группой лиц по предварительному сговору в крупном размере, а также по ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ за действия в отношении партии мефедрона массой 2,16 г (в значительном размере).

Согласно материалам дела, 14 января 2020 г. С., действуя в составе организованной группы, через интернет организовал изъятие наркотиков из заранее подготовленного неизвестным лицом тайника. Впоследствии он разместил две отдельные закладки на территории садоводческого товарищества «М.»: 2,63 г мефедрона — возле информационной доски; 2,16 г мефедрона — у железобетонного столба.

Его соучастник зафиксировал места закладок для последующей передачи покупателям. Однако преступный замысел не был реализован из-за своевременного вмешательства правоохранительных органов.

В кассационных жалобах защита настаивала на переквалификации действий С. как единого преступления, поскольку оба эпизода касались одного вида наркотика и были совершены в одном месте. Однако Верховный Суд Российской Федерации отклонил этот довод, указав, что: создание нескольких тайников свидетельствует о намерении сбыть наркотики разным покупателям; в материалах дела отсутствуют доказательства, что весь объем предназначен одному лицу; умысел С. был направлен на розничный сбыт, а размер его вознаграждения зависел от количества закладок.

Таким образом, суд пришел к обоснованному выводу о квалификации совокупности самостоятельных преступлений, несмотря на их временную и территориальную связь¹.

Также в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2024 г. отмечено, что перевозка большого количества (объема) наркотических средств лицом, самим их не употребляющим, в совокупности с иными доказательствами может свидетельствовать об умысле лица на сбыт этих средств.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, удовлетворив кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Г., осужденного по ч. 3 ст. 228 УК РФ, и передала дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, отменила ранее вынесенный приговор и последующие судебные решения в отношении Г., осужденного по ч. 3 ст. 228 УК РФ, и направила дело на повторное рассмотрение в суд первой инстанции.

Первоначально следственные органы квалифицировали действия Г. по ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ как покушение на сбыт наркотиков в особо крупном размере. Однако суд первой инстанции переквалифицировал их на ч. 3 ст. 228 УК РФ, посчитав, что перевозка наркотических средств осуществлялась без цели сбыта.

Коллегия указала, что суд не учел разъяснения п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14, где отмечено, что умысел на сбыт может подтверждаться такими обстоятельствами, как приобретение, хранение или перевозка наркотиков в крупном размере лицом, не употребляющим их, а также их фасовка, удобная для реализации наркотиков.

Было установлено, что Г., находясь в автомобиле в качестве пассажира, перевозил в сумке вещество, содержащее мефедрон (4-метилметкатинон) массой 975,9 г, что значительно превышает допустимый размер для личного потребления. При этом Г. не состоял на учете у нарколога и отрицал употребление наркотиков.

Кроме того, суд не проанализировал доказательства, включая фотографии в телефоне Г., указывающие на возможную причастность к формированию закладок наркотиков, а также факт его предыдущего обвинения по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федера-

ции № 31-УД22-1-К6. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33761>.

ст. 228.1 УК РФ за аналогичное преступление, совершенное ранее.

Учитывая это, выводы суда о недостаточности доказательств умысла на сбыт наркотиков вызвали обоснованные сомнения. При повторном рассмотрении дела Г. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Данная квалификация была поддержана судами вышестоящих инстанций¹.

Из-за изменения позиции судов только в Красноярском крае за год количество преступлений, связанных со сбытом наркотиков, увеличилось на 48,4 %, удельный вес которых в общей массе всех наркопреступлений составил более 70 % [5]. Подобная тенденция прослеживалась в Центральном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном, Сибирском, Дальневосточном федеральных округах.

Следует сказать и о том, что характер изымаемых наркотических средств и психотропных веществ значительно изменился в сторону незаконного оборота синтетических наркотиков (16,3 % от общей массы всех изъятых в 2015 г.; 53,3 % — в 2024 г.), а сила их воздействия на организм человека значительно возросла (например, воздействие карфентанила, сбыт которого регистрировался в Иркутской и Кемеровской областях, Красноярском крае и других регионах Сибирского федерального округа, в 5 тысяч раз сильнее воздействия героина).

Например, в мае 2025 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ были задержаны двое жителей Иркутска в Иланском районе Красноярского края, у которых полицейские изъяли 32,58 г карфентанила (особо крупный размер). Как пояснили задержанные сотрудникам полиции, им предложили работу через популярный мессенджер в интернете, предоставили инструкции и дали задание отправиться в Красноярский край раскладывать наркотики по тайникам².

Проанализировав наркоситуацию, сложившуюся в Российской Федерации и экстраполируя ее, можно спрогнозировать дальнейшее смещение трендов на увеличение количества раскрываемых и регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 228.1 К РФ, и, соответственно, сниже-

ние выявления преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ. Также возможно криминологически обосновать будущие изменения некоторых трендов наркопреступности в России и сформулировать ряд криминологических рисков на основе проведенных нами ранее исследований [5]:

1. Увеличение количества лиц, совершивших правонарушения в состоянии наркотического опьянения.

2. Дальнейшее увеличение преступлений, связанных со сбытом синтетических наркотиков (например, увеличение количества изымаемых дизайнерских наркотиков и искусственных опиатов, таких как карфентанил).

3. Преобладание организованного характера наркопреступности (организация и ведение преступного наркобизнеса).

4. Использование искусственного интеллекта для распределения закладчиков, определения геолокаций закладок наркотических средств и психотропных веществ, анонимизации участников НОН, иных действий, связанных с логистикой НОН.

5. Использование искусственного интеллекта для легализации (отмывания) денежных средств, добытых с помощью незаконного оборота наркотиков.

6. Использование искусственного интеллекта для надежного шифрования сообщений между участниками организованных преступных групп, анализа надежности средств коммуникации (чатов, чат-ботов, мессенджеров, страниц «Даркнета» и т. д.).

7. Дальнейшее использование криптовалют, зашифрованных мессенджеров и даркнет-магазинов для организации сбыта наркотиков и получения доходов.

Организованные формы наркопреступности с использованием новых технологий и искусственного интеллекта облегчают и ускоряют совершение наркопреступлений, позволяют анонимизировать участников преступной деятельности, а значит в значительной степени усложняют выявление, раскрытие и расследование рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

Возможно возникновение и других криминальных рисков, например, таких как использование приграничных территорий к зоне специальной военной операции для формирования логистических центров НОН. Однако их прогнозирование носит вероятностный характер и не может быть подтверждено научными методами, хотя построение и анализ подобных криминологических моделей в значительной степени позволяют действовать на опережение.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 11-УДП21-67-К6, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции № 77-2991/2023. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33761>.

² В Иланском районе полицейские изъяли особо крупную партию синтетического наркотика «слоновий транквилизатор» // Сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю (новость от 20.05.2025). URL: <https://24.mvd.pf/news/item/65147927/>.

Таким образом, наркопреступность остается одной из самых динамичных и сложных форм организованной преступности, эволюционирующей под влиянием технологий, глобализации и изменений в законодательстве. Современные закономерности наркопреступности, включающие цифровизацию

наркоторговли, появление новых синтетических наркотиков, а также изменения особенностей квалификации, выявления, раскрытия и пресечения рассматриваемых преступлений, требуют постоянного совершенствования подходов к их прогнозированию и планированию противодействия наркоугрозе.

Список источников

1. Цуканов Н. Н., Кохан Р. Ю. Механизм медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в системе мер профилактики незаконного оборота наркотиков и его совершенствование: российский и зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 6. С. 726–736.
2. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/> (дата обращения: 03.05.2025).
3. Токманцев Д. В. К вопросу о квалификации онлайн-сбыта наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXVI Международной научно-практ. конф-ции (Красноярск, 20–21 апреля 2023 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. С. 178–179.
4. Судебная статистика РФ за 2015–2025 гг. // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.api-press.rf>.
5. Заварыкин И. Н. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 107–111.
6. Информационно-аналитическая записка о результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Красноярского края за 2024 год // Официальный сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю. URL: https://24.mvd.rf/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Kras/.

References

1. Cukanov N. N., Kohan R. Yu. Mekhanizm medicinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyaniye narkoticheskogo op'yaneniya v sisteme mer profilaktiki nezakonnogo oborota narkotikov i ego sovershenstvovanie: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. T. 16. № 6. S. 726–736.
2. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar' — dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sajт MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/> (data obrashcheniya: 03.05.2025).
3. Tokmancev D. V. K voprosu o kvalifikacii onlajn-sbyta narkotikov // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: mat-ly XHVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Krasnoyarsk, 20–21 aprelya 2023 g.). Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2023. S. 178–179.
4. Sudebnaya statistika RF za 2015–2025 gg. // Agentstvo pravovoj informacii. URL: <https://stat.api-press.rf>.
5. Zavarykin I. N. Aktual'nye voprosy protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov, sovershaemому s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4 (57). S. 107–111.
6. Informacionno-analiticheskaya zapiska o rezul'tatah operativno-sluзhebnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del Krasnoyarskogo kraya za 2024 god // Oficial'nyj sajт GU MVD Rossii po Krasnoyarskomu krayu. URL: https://24.mvd.rf/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Kras/.

Информация об авторе

И. Н. Заварыкин — кандидат юридических наук.

Information about the author

I. N. Zavarykin — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 152–160.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 152–160.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Алексей Степанович Князьков^{1,2}, Марина Сергеевна Матвейчук²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ask011050@yandex.ru

² Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ask011050@yandex.ru

² marina-odinokikh@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают особенности производства осмотра места происшествия по факту незаконной охоты, уделяя особое внимание организации осмотра в условиях местности, где природные процессы могут привести к утрате или изменению следов преступления. В статье анализируются вопросы этапности производства осмотра, обуславливающие выбор и применение тактических приемов, направленных на выявление причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики браконьерства, учитывая специфику данного вида экологического преступления.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная охота, осмотр места происшествия, криминалистическая тактика, тактические приемы, элементы криминалистической характеристики преступления

Для цитирования: Князьков А. С., Матвейчук М. С. Проблемы осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте как экологическом преступлении // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 152–160.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROBLEMS OF CRIME SCENE INSPECTION IN CASES OF ILLEGAL HUNTING AS AN ENVIRONMENTAL CRIME

Aleksej S. Knjaz'kov^{1,2}, Marina S. Matvejchuk²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

² Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹ ask011050@yandex.ru

² marina-odinokikh@mail.ru

Abstract. The authors examine the specifics of conducting a crime scene inspection in cases of illegal hunting, with a particular focus on organizing the inspection in areas where natural processes may lead to the loss or alteration of crime traces. The article analyzes the procedural stages of the inspection, which determine the selection and application of tactical methods aimed at identifying cause-and-effect and other connections between elements of the forensic characteristics of poaching, taking into account the specifics of this type of environmental crime.

Keywords: environmental crimes, illegal hunting, crime scene inspection, forensic tactics, tactical methods, elements of the forensic characteristics of a crime

For citation: Problems of crime scene inspection in cases of illegal hunting as an environmental crime. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:152–160 (In Russ.).

Обращение к вопросам организации производства осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте и его тактическим особенностям обусловлено прежде всего ростом отмеченного преступления, посягающего на установленный порядок в сфере экологии. Особую актуальность борьба с браконьерством, в т. ч. путем использования положений криминалистической науки, приобретает для правоохранительных органов регионов Западной Сибири, имеющих большое число уникальных представителей фауны.

При раскрытии этих вопросов нужно исходить из двух важных положений, одно из которых касается криминалистической природы осмотра места происшествия. Учитывая, что осмотр относится к невербальным следственным действиям, соответственно, объектом поисково-познавательной деятельности выступает материально выраженная «следовая картина», в которой получает отображение специфика, во-первых, ареала того или иного представителя фауны, в т. ч. обособленного в виде заповедных зон, во-вторых, геологических образований их мест обитания (горы, реки, болота и т. д.), в-третьих, инфраструктуры самого региона (наличие сети автомобильных дорог, речных транспортных маршрутов, охотничьих, рыболовных и иных баз, домов отдыха). Второе положение касается криминалистических целей следственного действия, получающих выражение в анализе причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений [1, с. 479], в данном случае незаконной охоты.

Производство осмотра места происшествия по факту незаконной охоты в рассматриваемых регионах сопряжено с рядом проблем, обусловленных спецификой мест совершения браконьерства. К ним можно отнести низкую сохранность следов преступления и, как следствие, трудности в их обнаружении, фиксации и изъятии; труднодоступность и значительную протяженность территорий, подлежащих осмотру; климатические условия, характерные для регионов Западной Сибири; риски нападения диких животных и др. В совокупности эти факторы значительно снижают эффективность производства следственного действия.

К содержанию понятия осмотра места происшествия обращались многие авторы, поскольку понимание его сущности, целей и задач позволяет раскрыть криминалистическое своеобразие рассматриваемого следственного действия, его значение для производства иных следственных действий и расследования в целом.

Результатом изучения криминалистической природы осмотра места происшествия является название ряда его признаков. В первую очередь подчеркивается, что это неотложное следственное действие [2, с. 43; 3, с. 109; 4, с. 76]. Неотложность осмотра предопределяется тем, что по истечении времени обстановка места происшествия может видоизменяться под действием природных, человеческих, техногенных и иных факторов, каждый из которых производит нежелательные для расследования видоизменения. Вместе с тем специфическим фактором, исходя из того, что незаконная охота есть экологическое преступление, является природный фактор, ставящий в непосредственную зависимость «сохранность следов преступления от природно-климатических условий в момент совершения преступлений и после него» [5, с. 73]. Учитывая, что незаконная охота совершается на открытом участке местности в определенном био-ме и соответствующей экосистеме, погодные условия, а также наличие живых организмов в своей естественной среде обитания могут привести к видоизменению «следовой картины» происшествия. Эти видоизменения затронут в первую очередь объекты биологической природы, такие, например, как следы крови животного, следы рук и биологических выделений человека.

Однако, как отмечают отдельные авторы, неотложные следственные действия проводятся в случаях возникновения их необходимости в зависимости от сложившейся следственной ситуации на определенном этапе производства предварительного расследования [6, с. 75]. Иными словами, неотложность есть характеристика не следственного действия, а следственной ситуации, побуждающей должностное лицо правоохранительного органа к некой безотлагательности действий. Неотложным с учетом этого обстоятельства может явиться любое (не только осмотр места происшествия) следственное и иное процессуальное действие поисково-познавательного характера. В обоснование нашей точки зрения нужно отметить, что в тактико-криминалистическом плане нет отличий производства безотлагательно проведенного осмотра места происшествия и производства осмотра места происшествия, которое безотлагательным не является: в первом случае не появляются новые тактические приемы ни в подготовке, ни в проведении, ни в фиксации хода и результатов следственного действия. Безотлагательность как криминалистически значимое обстоятельство требует более акцентированных действий следователя, более тщательной координации действий участ-

ников производства этого следственного действия, более профессиональных действий участников следственно-оперативной группы. Именно это позволит исключить производство повторных и дополнительных осмотров, которые в большинстве случаев бывают менее информативны в силу изменения «следовой картины», в т. ч. как результата умышленных действий определенных лиц.

Разумеется, не следует недооценивать значимость производства как дополнительного, так и повторного осмотров места происшествия браконьерства. В отдельных случаях, когда первоначальный осмотр был проведен в неблагоприятных погодных условиях, в ночное время, с нарушением норм УПК РФ или же лицом, имеющим слабую тактическую подготовку, недостаточные знания в области охотоведения (что является распространенным случаем), производство повторного или дополнительного осмотров крайне необходимо.

Также одним из наиболее значимых индивидуализирующих признаков осмотра является непосредственное восприятие места происшествия лично следователем через свои органы чувств (зрение, слух, обоняние, осязание) [7, с. 22]. Непосредственное восприятие следователем при осмотре места происшествия по факту незаконной охоты, безусловно, играет большую роль, однако данная сущностная характеристика не проявляется сама по себе, а значит, априори не гарантирует всеохватность и глубину требуемого исследования. С одной стороны, непосредственное восприятие позволяет следователю получить целостное представление о событии, оценить обстановку, обнаружить следы, которые могут быть утрачены или изменены под внешним воздействием: другими словами, определенность причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики незаконной охоты, проявившихся на месте преступления, требует именно непосредственного их восприятия. Кроме того, личная поисково-познавательная деятельность следователя на месте происшествия способствует незамедлительному формированию следственных версий, основанных на результатах визуального, тактильного, обонятельного и слухового восприятия, и столь же безотлагательному началу их проверки.

С другой стороны, результативность непосредственного восприятия не нужно абсолютизировать, поскольку возможности любого человека, в т. ч. следователя, ограничены естественными пределами органов чувств. В определенной мере эти пределы могут быть расширены путем приме-

нения технико-криминалистических средств, позволяющих в рамках осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте обнаружить и исследовать отдельные объекты (например, микрочастицы пороха). Однако нужно постоянно помнить, что не все видоизменения в обстановке осмотра, в т. ч. вызванные поведением преступника, могут быть обнаружены лишь путем применения технико-криминалистических средств: непосредственность восприятия тем и ценна, что она позволяет в полной мере задействовать возможности анализаторов человека в ходе восприятия того или иного явления, того или иного объекта. Более того, именно непосредственность восприятия позволяет достичь криминалистические цели данного следственного действия, отыскивая умозрительно взаимосвязи между отдельными элементами криминалистической характеристики незаконной охоты и отображая их в протоколе следственного действия.

Как известно, местом происшествия по факту незаконной охоты являются участки местности, отдаленные от населенных пунктов. Данное обстоятельство является преобладающим для регионов Западной Сибири в силу низкой плотности их населения, неразвитой транспортной инфраструктуры, обширных лесных, степных, тундровых, болотистых массивов. Это создает благоприятные возможности для незаконной охоты, поскольку контроль за соблюдением природоохранного законодательства в таких условиях значительно затруднен. Как следствие, к факторам, негативно сказывающимся на расследовании браконьерства, можно отнести отсутствие свидетелей [8, с. 18], в т. ч. очевидцев преступного деяния, и здесь информационная значимость осмотра приобретает исключительно важное значение.

Традиционно в криминалистической литературе выделяют три этапа производства осмотра места происшествия: подготовительный (до выезда на место происшествия и непосредственно на месте), рабочий, или по-другому называемый исследовательский, а также заключительный этапы. Несомненно, каждый из них имеет свои тактико-криминалистические особенности, которые необходимо учитывать, в т. ч. моделируя предстоящую деятельность.

Чаще всего следователю сообщают о факте незаконной охоты должностные лица правоохранительных органов, в частности сотрудники уголовного розыска, проводившие оперативно-розыскные мероприятия, работники охотничьего хозяйства, охотники-любители и охотники-промысло-

вики, другие граждане, обнаружившие браконьерский стан. Помимо этого, информация о признаках рассматриваемого преступления может поступать от представителей различных экологических организаций, осуществляющих мониторинг природных ресурсов и обнаруживших охотничью деятельность на запрещенных территориях или в иных местах в запрещенные сроки. Важно при этом учитывать, что, исходя из специфики деятельности перечисленных субъектов, информация о факте охоты может быть получена в разном объеме и в различающихся существенных чертах происшествия. Так, охотоведы и егеря, являясь должностными лицами, осуществляющими контроль за соблюдением правил охоты, с позиции известных им естественнонаучных знаний способны предоставить следователю информацию о биологических особенностях незаконно добытых животных, включая их видовую принадлежность, возраст, пол, а также сообщить о нарушении сроков охоты, нормы добычи охотничьих ресурсов, использовании запрещенных способов охоты. Представители экологических организаций, помимо указанного, могут предоставить следователю фото- и видеоматериалы, зафиксированные фотоловушками, установленными на особо охраняемых природных территориях. Сотрудники уголовного розыска, в свою очередь, могут снабдить следствие информацией о лицах, занимающихся незаконной охотой, в т. ч. применительно к отдельным районам.

До выезда на место происшествия деятельность следователя имеет тактико-организационный характер и направлена на взаимодействие со специалистами и иными участниками предстоящего осмотра места происшествия, например специалистами МЧС, когда речь заходит о необходимости спуска в ущелье [9, с. 37]. В немалой мере это касается вопроса о надлежащем комплектовании криминалистического чемодана и исправности технических средств (GPS-навигатор, фотовидеоаппаратура, металлоискатель, источники дополнительного света, измерительные приборы и др.). В числе прочего необходимо подготовить упаковочный материал, географические карты осматриваемой местности, принять меры к сохранности места происшествия и безопасности участников следственного действия.

Анализ специальной литературы и практики расследования незаконной охоты позволяет определить оптимальный состав следственно-оперативной группы. Она должна включать сотрудника уголовного розыска, специалиста-криминалиста, специалиста соответствующего экологическо-

го профиля (охотоведа, егеря, ветеринара и т. д.), а также кинолога со служебной собакой, если по предварительным сведениям преступление совершено недавно, преступник скрылся с места происшествия и есть возможность его задержания по горячим следам. Важно при этом обеспечить всех участников следственного действия нужной одеждой и обувью, иной экипировкой индивидуального и коллективного назначения. Специфические климатические и географические особенности регионов Западной Сибири — континентальный климат со значительными температурными колебаниями, обширные заболоченные территории, труднопроходимые таежные массивы и быстро сменяющиеся сезонные природные явления — предъявляют повышенные требования к оснащению участников осмотра. В зимний период обязательными элементами экипировки становятся многослойные терморегулирующие комплекты одежды, утепленные непромокаемые ботинки, перчатки. В весенне-летний период, характеризующийся сухим и жарким климатом, обилием насекомых и активизацией клещей, базовыми элементами экипировки выступают противомоскитные костюмы, высокие болотные сапоги и головные уборы с защитными сетками. Для передвижения в условиях труднопроходимой местности стоит предусмотреть возможность использования специализированных транспортных средств, таких как снегоход, квадроцикл, лодка и другая техника.

По прибытии на место происшествия необходимо зафиксировать время начала следственного действия, также время, затраченное на движение следственно-оперативной группы до места происшествия, т. к. в отдельных случаях это может вывести следователя на ряд версий, к примеру, когда и где могли видеть преступника по пути движения на место происшествия. Помимо этого, время движения нужно будет учитывать при подготовке производства повторных и дополнительных осмотров, а также при проверке показаний на месте.

Лишь при условии надлежащего выполнения подготовительной работы, несмотря на то, что осмотр места происшествия есть неотложное следственное действие, следователь может приступать к производству исследовательского этапа осмотра, имея возможность получить необходимые результаты. Именно в этой части криминалистической деятельности осуществляется поисково-познавательная деятельность следователя, предопределенная криминалистическими целями осмотра места происшествия, которые, в свою очередь, заключаются, как уже отмечено, в отыскании проявле-

ний причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики преступления [10, с. 13]. В контексте осмотра места происшествия по факту незаконной охоты основной его целью является получение информации о факте браконьерства через анализ причинно-следственных связей между обстановкой и способом совершения преступления, обстановкой и механизмом преступления, способом подготовки и способом совершения, способом совершения и способом сокрытия, способом совершения и личностью преступника, а также между перечисленными элементами и предметом преступного посягательства.

В частности, предмет преступного посягательства, в качестве которого выступают объекты животного мира, является отправной точкой для анализа обстановки совершения преступления, механизма преступления, способа подготовки, совершения и сокрытия незаконной охоты, личности преступника. Дело в том, что характерные особенности животного того или иного вида, такие как его размер, повадки, экологическая ценность, среда обитания, определяют выбор способа охоты, включающего те или иные орудия, используемые при осуществлении незаконной охоты. Для добычи крупных диких животных преступники чаще всего используют огнестрельное нарезное или гладкоствольное оружие, что приводит к необходимости отыскания названных связей между этим предметом и способом совершения преступления, включающего то или иное огнестрельное оружие, а также механизмом преступления, ведущим к появлению соответствующей «следовой картины». Следует отметить, что такие объекты, как профессиональное снаряжение, приборы ночного видения, дроны и фотоловушки, в одинаковой мере могут быть отнесены как к способу подготовки этого преступления, так и к механизму преступления как части чередующихся действий, а именно: обнаружение посредством прибора цели (животного) и производство затем выстрела. Сведения об их использовании могут свидетельствовать о наличии у преступника определенного опыта и знаний в области охотоведения, хотя в некоторых случаях они говорят всего лишь о высоком материальном положении лица (предпринимателя, государственного или муниципального служащего, депутата и т. п.), имеющего возможность профессионально экипироваться уже при первом выезде на охоту.

Мелкие же животные, напротив, могут добываться с использованием капканов и сетей, что находит отображение в следах борьбы животного

с тем или иным техническим приспособлением, повреждениях растительности вблизи ловушек. Анализ обстановки совершения незаконной охоты позволяет сделать вывод о том, что временные, пространственные, социальные и иные условия браконьерства также играют ключевую роль в определении способа подготовки, совершения и сокрытия преступления. Следует учитывать мнение о том, что в способах подготовки, совершения и сокрытия преступления проявляется специфический навык в виде динамического стереотипа, присущего каждому лицу в силу его индивидуальных свойств [11, с. 27].

Однако в отдельных случаях в ходе осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте проявление некоторых взаимосвязей может быть не обнаружено. В частности, при поражении животного, преодолевающего водные преграды, падении дичи в воду и т. д. на месте происшествия могут отсутствовать следы их перемещения, выстрела, а также биологические следы, такие как кровь и остатки тканей дичи.

Для достижения криминалистических целей осмотра рабочий этап отмеченного следственного действия необходимо начать с установления пространственного расположения места происшествия. И здесь сразу же следователь сталкивается с определенными трудностями: первая из них связана с точным вычленением территории, на которой выполнялись подготовка, совершение и сокрытие преступления, в то время как вторая трудность заключается в необходимости установления географических координат такого места. Для решения этих проблем целесообразно использовать беспилотные летательные аппараты, оснащенные видеокамерами с высоким разрешением. Их применение позволяет охватывать большие территории и предоставлять детализированные изображения, что способствует обнаружению и фиксации следов рассматриваемого преступления, путей подхода и отхода преступников, задержанию лиц, совершивших противоправное деяние, по горячим следам. Как отмечают отдельные авторы, это также дает возможность осуществления видеосъемки и фотосъемки в автопилоте, по выставленным точкам координат [12, с. 117]. Кроме того, их применение решает проблему, связанную с невозможностью участия понятых в ходе производства такого осмотра.

Также одним из тактических требований производства осмотра по фактам незаконной охоты как разновидности экологических преступлений, отличающихся высоким уровнем латентности, яв-

ляется необходимость привлечения специалистов [13, с. 41]. Лицо, обладающее знаниями в определенной области, привлекается для участия в производстве следственного действия, «где он использует эти знания и навыки для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств» [14, с. 6]. К участию в осмотре места происшествия по факту незаконной охоты целесообразно, помимо специалиста-криминалиста, привлекать и специалистов соответствующего экологического профиля, например егеря или представителя охотобщества, ветеринара и т. д. В ходе производства осмотра с применением технико-криминалистических средств, профессионального инструментария специалистов экологического профиля, к тому же сопровождаемого их пояснениями, следователем детальным образом должно быть исследовано место происшествия. В частности, егерь или представитель охотобщества, помимо данных о несоблюдении правил охоты и территориального расположения места происшествия, могут помочь следователю выявить характерные признаки вмешательства диких животных в обстановку места происшествия, установить степень воздействия климатических условий на сохранность следов преступления. В свою очередь, ветеринар может определить вид животного, ставшего объектом незаконной охоты, его возраст, пол, наличие и характер повреждений, возможную причину гибели.

Важным тактическим приемом является выбор метода исследования обстановки места происшествия, к которому относят совокупность научно обоснованных приемов и способов, используемых для изучения обстановки места происшествия, обнаружения, фиксации и изъятия следов с целью установления обстоятельств совершенного преступления. Следует отметить, что среди исследователей нет однозначного мнения на этот счет. Так, по мнению В. В. Егошина, Д. И. Мальцева, по делам о незаконной охоте в зимнее время года необходимо использовать субъективный метод осмотра в связи с тем, что на снегу оставленные следы более заметны [15, с. 58; 16, с. 201]. Действительно, в зимний период снежный покров может служить ценным источником информации, сохраняя следы ног, транспортных средств, орудий охоты, следов биологического происхождения, однако не всегда следы сохраняются в том виде, в каком они были оставлены преступником. Осадки, ветер, перепады температуры, свойственные регионам Западной Сибири, могут привести к их деформации, полному или частичному уничтожению, что ведет к их

неправильной идентификации, и субъективный метод, как вытекает из его названия, является причиной ошибок субъективного характера. Кроме того, стоит отметить, что под субъективным методом осмотра понимают такое передвижение следователя по месту происшествия, когда он предполагает, как действовал преступник, однако в зимнее время года такой алгоритм неуместен ввиду того, что на передвижение преступника и (или) животного прямо указывают следы, оставленные на снегу.

О. И. Цоколова, Д. В. Осипов, Н. Е. Муженская предлагают проводить осмотр места происшествия по факту незаконной охоты в обратном направлении от места добычи или разделки туши, а если оно неизвестно, то по пути продвижения зверя [17, с. 186]. Оба подхода имеют свои достоинства, но также содержат ряд ограничений, которые необходимо учитывать для повышения эффективности следственного действия. Движение в обратном направлении от места добычи или разделки туши, как предлагают названные авторы, позволяет определить всю территорию незаконной охоты, сосредоточить внимание на участках местности с наибольшей локализацией следов преступления. Однако применение такого метода сопряжено с риском утраты следов преследования браконьером животного и иных следов, тем более в условиях наличия большого количества участников следственного действия. Осмотр по пути продвижения зверя, рекомендуемый в случаях, когда место добычи неизвестно, направлен на восстановление маршрута преследования и выявления следов, оставленных браконьерами, но его реализация на практике может вызвать трудности, связанные с определением начальной точки осмотра и трудоемкостью криминалистической деятельности, особенно в условиях труднодоступной местности.

Применение сначала статического метода осмотра, в ходе которого устанавливается взаиморасположение представляющих интерес объектов, изучаются следы, которые наиболее очевидны на первый взгляд, а затем динамического метода, позволяющего тщательно осмотреть объекты и выявить их свойства, имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, первоначальное производство статического метода позволяет обеспечить объективность фиксации пространственного расположения следов преступления, с другой стороны, влияние природных факторов и неосторожные действия участников осмотра могут привести к видоизменению обстановки на месте происшествия. Следует отметить, что мы разделяем мнение

С. С. Сенькевича о том, что выбор метода и способа производства осмотра остается на усмотрение руководителя следственно-оперативной группы исходя из конкретной следственной ситуации [18, с. 90], учитывающей количество участвующих лиц в следственном действии, погодные условия и время года.

Заключительный этап осмотра места происшествия предполагает систематизацию полученных данных, фиксацию факта, хода и результатов производства названного следственного действия. К обстоятельствам, подлежащим отражению в протоколе, следует отнести территориальное расположение места происшествия с указанием его точных географических координат, общую обстановку места происшествия, уделяя при этом особое внимание условиям осмотра, таким как время суток, погодные условия, освещенность. Также в протоколе отмечаются результаты исследования материальной обстановки. В контексте незаконной охоты, места совершения которой обладают своей спецификой, изменения в окружающую обстановку могут быть внесены не только браконьерами с целью сокрытия следов преступления, но и природной средой, в которой совершается преступное деяние. Учет и фиксация этих изменений предопределяют эффектив-

ность производства осмотра. В частности, в протоколе необходимо указать, если это достоверно возможно, причину этих изменений.

О положительных аспектах применения видеозаписи как дополнительного средства фиксации хода и результатов производства осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте в регионах Сибири писал В. В. Егошин. Ее использование позволяет следователю «неоднократно проанализировать результаты следственного действия и детально изучить обстановку места незаконной охоты» [19, с. 77]. Особую значимость также представляет составление планов (схем) в ходе осмотра на открытых участках местности с наличием различных преград в связи с тем, что фото-съемка не отражает перспективу осматриваемого пространства [20, с. 104].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что эффективность осмотра по рассматриваемым категориям дел напрямую зависит от его своевременности, учета специфики места происшествия и криминалистических особенностей его производства, в т. ч. проявляющихся в выборе надлежащих тактических приемов, что способствуют успешному расследованию названного экологического преступления и защите природных ресурсов.

Список источников

1. Князьков А. С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. 1128 с.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
3. Генисаретская Е. Ю. Следственные действия: сущность, организация, тактика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 167 с.
4. Ткач В. Ю. Место происшествия как объект криминалистического исследования (проблемы научно-технического и организационного обеспечения): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 221 с.
5. Осипова Е. В. Теоретические и практические проблемы расследования экологических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005. 199 с.
6. Зайцева Е. В., Зайцев Ю. А. Уголовно-процессуальная природа неотложных следственных действий и безотлагательных уголовно-процессуальных действий в разрезе криминалистической тактики при расследовании уголовных дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 3 (9). С. 75–78.
7. Мамонов В. С., Степанов В. В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.: Юрлитинформ, 2010. 184 с.
8. Горшкова В. С. К вопросу о криминалистически значимой информации на местах происшествий по факту незаконной охоты // Материалы криминалистических чтений: сборник научных трудов / под ред. О. В. Кругликовой. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. С. 67–68.
9. Лунина Е. С. Осмотр места происшествия в труднодоступной местности: учебное пособие. Краснодар: КубГАУ, 2016. 93 с.
10. Князьков А. С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 51 с.
11. Чулахов В. Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 40 с.

12. Сенькевич С. С. Особенности расследования незаконной охоты (по материалам Республики Беларусь и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 222 с.
13. Рудов Д. Н. Привлечение специалиста на первоначальном этапе расследования незаконной охоты // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 3. С. 40–44.
14. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: НОРМА, 2006. 656 с.
15. Егосин В. В. Методика расследования незаконной охоты. М.: Юрлитинформ, 2002. 136 с.
16. Мальцев Д. И. Особенности проведения осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте (на примере Республики Беларусь) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 200–204.
17. Расследование экологических преступлений: руководство для следователя и дознавателя / под ред. О. И. Цоколовой, Д. В. Осипова, Н. Е. Муженской. М.: Проспект, 2018. 320 с.
18. Сенькевич С. С. Осмотр места происшествия как элемент информационной базы расследования уголовных дел о незаконной охоте // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 88–91.
19. Егосин В. В. Особенности использования видеозаписи при осмотре места происшествия по делам о незаконной охоте // Материалы криминалистических чтений: сборник научных трудов / под ред. О. В. Кругликовой. 2006. № 2. С. 77–78.
20. Дозорцев Г. В. Причины недостаточного использования графических средств фиксации обстановки места происшествия и следов во время производства осмотра и возможные пути их устранения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 3 (9). С. 103–107.

References

1. Knyaz'kov A. S. Kriminalistika: kurs lekcij / pod red. prof. N. T. Vedernikova. Tomsk: Izd-vo «TML-Press», 2008. 1128 s.
2. Kriminalistika: uchebnik / otv. red. N. P. Yablokov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist», 2005. 781 s.
3. Genisaretskaya E. Yu. Sledstvennye dejstviya: sushchnost', organizaciya, taktika: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. 167 s.
4. Tkach V. Yu. Mesto proisshestiya kak ob»ekt kriminalisticheskogo issledovaniya (problemy nauchno-tekhnicheskogo i organizacionnogo obespecheniya): dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2014. 221 s.
5. Osipova E. V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk. Kaliningrad, 2005. 199 s.
6. Zajceva E. V., Zajcev Yu. A. Ugolovno-processual'naya priroda neotlozhnykh sledstvennykh dejstvij i bezotlagatel'nykh ugolovno-processual'nykh dejstvij v razreze kriminalisticheskoy taktiki pri rassledovanii ugolovnykh del // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2016. № 3 (9). S. 75–78.
7. Mamonov V. S., Stepanov V. V. Osmotr mesta proisshestiya: pravovye, nauchnye osnovy i praktika primeneniya. M.: Yurlitinform, 2010. 184 s.
8. Gorshkova V. S. K voprosu o kriminalisticheski znachimoj informacii na mestah proisshestvij po faktu nezakonnoj ohoty // Materialy kriminalisticheskikh chtenij: sbornik nauchnykh trudov / pod red. O. V. Kругликовой. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2023. S. 67–68.
9. Lunina E. S. Osmotr mesta proisshestiya v trudnodostupnoj mestnosti: uchebnoe posobie. Krasnodar: KubGAU, 2016. 93 s.
10. Knyaz'kov A. S. Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2014. 51 s.
11. Chulahov V. N. Kriminalisticheskoe uchenie o navykah i privychkah cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2004. 40 s.
12. Sen'kevich S. S. Osobennosti rassledovaniya nezakonnoj ohoty (po materialam Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii): dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 222 s.
13. Rudov D. N. Privlechenie specialista na pervonachal'nom etape rassledovaniya nezakonnoj ohoty // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2018. № 3. S. 40–44.
14. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe. M.: NORMA, 2006. 656 s.
15. Egoshin V. V. Metodika rassledovaniya nezakonnoj ohoty. M.: Yurlitinform, 2002. 136 s.

16. Mal'cev D. I. Osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestviya po delam o nezakonnoj ohote (na primere Respubliki Belarus') // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 7. S. 200–204.
17. Rassledovanie ekologicheskikh prestuplenij: rukovodstvo dlya sledovatelya i doznavatelya / pod red. O. I. Cokolovoj, D. V. Osipova, N. E. Muzhenskoj. M.: Prospekt, 2018. 320 s.
18. Sen'kevich S. S. Osmotr mesta proisshestviya kak element informacionnoj bazy rassledovaniya ugolovnyh del o nezakonnoj ohote // Akademicheskaya mysl'. 2018. № 2 (3). S. 88–91.
19. Egoshin V. V. Osobennosti ispol'zovaniya videozapisi pri osmotre mesta proisshestviya po delam o nezakonnoj ohote // Materialy kriminalisticheskikh chtenij: sbornik nauchnyh trudov / pod red. O. V. Kruglikovoj. 2006. № 2. S. 77–78.
20. Dozorcev G. V. Prichiny nedostatochnogo ispol'zovaniya graficheskikh sredstv fiksacii obstanovki mesta proisshestviya i sledov vo vremya proizvodstva osmotra i vozmozhnye puti ih ustraneniya // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2016. № 3 (9). S. 103–107.

Информация об авторе

A. С. Князьков — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. S. Knyazkov — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 161–167.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 161–167.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.139

УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ (СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ) КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Алина Александровна Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, lok_doc@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации права на судебную защиту путем участия (присутствия) в судебном заседании лица, в отношении которого судом в рамках уголовно-процессуальной деятельности рассматривается вопрос, связанный с ограничением прав. Автором дифференцированы две процедуры: рассмотрение уголовного дела по существу судом первой инстанции, решение вопроса о признании лица виновным и о назначении наказания в пределах реализации полномочий, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ; рассмотрение судом вопроса о мере пресечения в ходе досудебного производства в пределах реализации полномочий, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. В работе сформулированы предложения по совершенствованию заочного порядка судебного разбирательства (судебного заседания), направленные на повышение уровня правовой защищенности личности.

Ключевые слова: судебное разбирательство, право на защиту, уголовное судопроизводство, участие в судебном заседании

Для цитирования: Лукьянова А. А. Участие в судебном разбирательстве (судебном заседании) как составляющая права на судебную защиту в уголовном процессе // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 161–167.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PARTICIPATION IN A TRIAL (COURT HEARING) AS A COMPONENT OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alina A. Lukyanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, lok_doc@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of implementing the right to judicial protection through participation (presence) in a court hearing of a person in relation to whom the court, within the framework of criminal procedural activity, is considering an issue related to the restriction of rights. The author differentiates two procedures: consideration of a criminal case on the merits by the court of first instance and the decision on the issue of both recognizing a person as guilty and imposing a punishment within the limits of the exercise of powers provided for in paragraph 1 of part 1 of Article 29 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; consideration by the court of the issue of a preventive measure during pre-trial proceedings within the limits of the exercise of powers provided for in paragraphs 1 and 2 of Part 2 of Article 29 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The paper formulates proposals for improving the procedure for in absentia trial (court hearing), aimed at increasing the level of legal protection of the individual.

Keywords: trial, right to defense, criminal proceedings, participation in a court hearing

For citation: Lukyanova A. A. Participation in a trial (court hearing) as a component of the right to judicial protection in criminal proceedings. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:161–167 (In Russ.).

Права и свободы человека и гражданина согласно конституционным положениям Российского государства определяют смысл, содержание и применение закона, а также обеспечиваются правосудием¹. Конституция Российской Федерации гарантирует надлежащую и, что крайне важно, своевременную судебную защиту личности (ст. 46).

Особое значение реализация названного конституционного права на судебную защиту приобретает в сфере уголовной юстиции. Во-первых, уголовное судопроизводство является неотъемлемой частью правосудия, гарантирующего справедливое разрешение уголовно-правового конфликта и влекущего ряд правовых последствий. Во-вторых, непосредственно в уголовно-процессуальной деятельности широко распространено соразмерное и обоснованное правоограничение с целью обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу. При этом любое «ограничение прав личности должно находиться под эффективным контролем судов» [1], осуществляться в соответствии с установленной законом процедурой и иметь разумные, обусловленные конституционно значимыми целями пределы.

Если рассматривать деятельность суда в любых стадиях уголовного процесса, как должно, с точки зрения реализации процессуальных функций в классической состязательной схеме, то суд должен в процессе уголовного судопроизводства выполнять именно функцию, связанную с разрешением дела по существу. Как полагает Е. В. Марковичева, в современном российском уголовном процессе полномочия суда выходят за рамки данной функции, в досудебном производстве суд выполняет особую функцию — функцию судебного контроля, которая хотя и осуществляется в рамках реализации полномочий по отправлению правосудия в уголовном судопроизводстве, тем не менее имеет свою специфику [2]. То есть полномочия судебной власти в уголовно-процессуальной отрасли осуществляются по-разному, и правосудие, гарантированное ст. 118 Конституции Российской Федерации, является ее основной, но не единственной формой.

В этом вопросе следует согласиться с позицией Т. В. Трубниковой в том, что контроль суда за ограничением прав личности в уголовном про-

цессе далеко не во всех случаях должен обладать всеми свойствами, характерными для правосудия. Если судом разрешается вопрос о допустимости ограничения конституционных прав лица, то при решении данного вопроса суд выполняет не функцию осуществления правосудия, а правозащитную функцию, и она может осуществляться в формах, лишь приближенных к правосудию [3]. В таком случае при разрешении уголовного дела по существу и при разрешении ходатайства о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права личности (при решении вопроса о мере пресечения), гражданам не могут быть предоставлены одинаковые возможности по отстаиванию своей позиции перед судом.

Право предстать перед судом, лично принимать участие (присутствовать) в судебном заседании является ключевым правовым средством защиты личности, гарантией справедливого судебного разбирательства. Ограничив предмет настоящего исследования, дифференцируем две процедуры, условиями правомерности которых определено присутствие лица, в отношении которого судом в рамках уголовно-процессуальной деятельности рассматривается вопрос, связанный с ограничением прав:

- рассмотрение уголовного дела по существу судом первой инстанции и решение вопроса о признании лица виновным и о назначении наказания в пределах реализации полномочий, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ;

- рассмотрение судом вопроса о мере пресечения в ходе досудебного производства в пределах реализации полномочий, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Рассмотрение судом уголовного дела в отсутствие подсудимого (заочное судебное производство) является исключением из общих правил, следующих из требований ст. 247 УПК РФ. Возможность участия в судебном заседании лица, в отношении которого решается вопрос о его виновности в преступлении и о мере наказания, законом определена не только в качестве права человека, но и как обстоятельство, учитываемое при отложении рассмотрения уголовного дела (ч. 2 ст. 247 УПК РФ), применении или изменении меры принуждения (ч. 3 ст. 247 УПК РФ). Важно отметить, что суд, принимая решение о заочном рассмотрении уголовного дела на основании поступившего от подсудимого ходатайства, должен оценивать приведенные последним обстоятельства, препятствующие участию в судебном разбирательстве, и в случае признания ходатайства вынужденным

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отказывать в его удовлетворении и назначать судебное заседание с участием обвиняемого либо при наличии к тому оснований приостанавливать производство по делу¹.

Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции свидетельствуют об увеличении количества уголовных дел, ежегодно рассматриваемых и разрешаемых в заочном порядке. Так, в 2024 г. по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 247 УПК РФ, судами без участия подсудимого уголовные дела рассмотрены в отношении 4046 лиц, в 2023 г. — 3528, в 2022 г. — 3534, в 2021 г. — 3130, в 2020 г. — 3559. В отсутствие подсудимого заочно по основанию, предусмотренному ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в 2024 г. уголовные дела рассмотрены в отношении 900 лиц, в 2023 г. — 659, в 2022 г. — 465, в 2021 г. — 298, в 2020 г. — 565².

Как указывают М. Т. Аширбекова и Г. Х. Шаутаева, нормы действующего УПК РФ фактически дифференцируют два порядка заочного судебного разбирательства. Первый отличается доминированием диспозитивного начала по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, когда заочное производство может состояться исключительно по ходатайству самого подсудимого (ч. 4 ст. 247 УПК РФ). Второй же порядок, напротив, характеризуется доминированием публичных начал, выраженных в инициировании стороной обвинения рассмотрения уголовного дела о тяжком или особо тяжком преступлении в отсутствие подсудимого при наличии исключительных случаев (ч. 5 ст. 247 УПК РФ в системной взаимосвязи с п. 4.1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ)» [4]. Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении разъяснил, что суд вправе рассмотреть уголовное дело в отсутствие обвиняемого, не только находящегося за пределами РФ и уклоняющегося от явки в суд, если он не был привлечен к уголовной ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу, но и в случаях, когда обвиняемый, находящийся на территории РФ, уклоняется от явки в суд и его место нахождения неизвестно³. Применение этих норм с учетом

конституционно-правового толкования связано с поведением самого обвиняемого, скрывающегося от суда⁴, что, в свою очередь, свидетельствует об отказе человека от осуществления права лично участвовать в рассмотрении дела.

Заочное судебное разбирательство не должно препятствовать осуществлению права на защиту, поэтому значимой тому гарантией выступает процедура безусловной отмены приговора суда (ч. 7 ст. 247 УПК РФ), принятого заочно и без учета воли лица, в случае, когда об отмене указанного решения ходатайствует сам осужденный или его защитник, а обстоятельства, указанные в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, устранены. Как верно определяет И. П. Попова, с учетом толкования ст. 90 УПК РФ итоговое процессуальное решение, принятое в отсутствие подсудимого, не должно обладать преюдициальным значением [5].

Правовое регулирование, изложенное в ст. 247 УПК РФ, по причине его несовершенства остается подвижным. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 21.04.2025 № 101-ФЗ расширен перечень уголовных дел, рассмотрение которых стало возможным в отсутствие подсудимого. Перечень, который содержится в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, дополнен «преступлениями против общественной безопасности и нравственности, основ конституционного строя, безопасности государства, правосудия, порядка управления, а также мира и безопасности человечества, причиняющих вред национальным интересам Российской Федерации, но относящихся к категориям небольшой или средней тяжести»⁵.

Судебная практика также иллюстрирует неполноту уголовно-процессуального регулирования, которая может с легкостью привести к нарушению права человека на защиту. Например, нормы действующего уголовно-процессуального закона в пределах нормы, изложенной в ч. 4 ст. 247 УПК РФ, не конкретизируют полномочие суда признать дела к судебному разбирательству [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2009 № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Музычинского Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав частями пятой и шестой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 105-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Из пояснительной записки к законопроекту № 871363-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871363-8> (дата обращения: 10.04.2025).

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020–2024 гг. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.04.2025).

³ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного

явку подсудимого обязательной, в частности в ситуациях, когда рассматривается уголовное дело о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Хотя еще УПК РСФСР 1960 г. в ст. 246 определял данное правило¹.

Как следствие, граждане вынуждены обращаться за судебной защитой. Так, из материалов апелляционного производства следует, что гр. ФИО1 (данные обезличены) осужден по трем эпизодам преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ. Центральным районным судом г. Барнаула на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний осужденному назначено наказание в виде лишения свободы сроком 10 месяцев с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Предметом апелляционной жалобы в Алтайский краевой суд стала чрезмерная суровость приговора. Защитник осужденного настаивал на том, что судом первой инстанции должны быть применены правила об условном осуждении, предусмотренные ст. 73 УК РФ. Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении жалобы, указал, что выводы, изложенные в приговоре, основаны на тщательно исследованных в судебном заседании доказательствах². При этом, что любопытно, судебное разбирательство в суде первой инстанции было проведено в отсутствие подсудимого, который сам и ходатайствовал об этом, по всей видимости не предполагая, что результатом может стать наказание в виде «реального» лишения свободы.

Кроме того, УПК РФ в ст. 247 не регулирует определенно сроки, в течение которых подсудимый может обратиться с ходатайством о рассмотрении судом уголовного дела в его отсутствие. Поэтому, как следует из материалов апелляционного производства по делу № 22-1740/2023, в обосновании апелляционного представления государственный обвинитель указал, что полагает приговор незаконным, т. к. судом должным образом не выполнены требования закона о добровольности волеизъявления подсудимого о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие. Исходя из материалов дела, суд первой инстанции назначил судебное заседание с участием подсудимого без проведения предварительного слушания, после чего по причи-

не неоднократных неявок последнего приостановил производство по делу в связи с розыском, а через 2 года возобновил производство и рассмотрел уголовное дело в его отсутствие по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 247 УПК РФ. По мнению государственного обвинителя, отказ от участия в судебном заседании являлся вынужденным, а из содержания ходатайства, заявленного в досудебном производстве (что не запрещено), следует лишь факт разъяснения лицу о рассмотрении уголовного дела без его участия в случае его неявки в судебное заседание. Более того, в ходе предварительного расследования обвиняемый от дачи показаний отказался и свое отношение к предъявленному обвинению не высказал³.

В соответствии с положениями главы 50 УПК РФ правила ч. 4 ст. 247 УПК РФ не применяются в случаях проведения судебного разбирательства в особом порядке. Однако если при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, обвиняемым заявлено ходатайство и об особом, и о заочном порядке судебного разбирательства и, более того, о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ), то суду при рассмотрении указанного ходатайства необходимо выдержать последовательность разрешения заявленных требований, не нарушив процедуру перехода в особый порядок.

Так, обжалуя в апелляционном порядке постановление мирового судьи судебного участка Бакчарского судебного района Томской области о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, государственный обвинитель мотивировал свою позицию именно требованиями ч. 3 и 4 ст. 316 УПК РФ. Согласно нормативным предписаниям рассмотрение ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. Именно необходимостью выяснения судом у подсудимого указанных вопросов обусловлено обязательное участие подсудимого в судебном заседании, поскольку от его позиции зависит возможность применения особого порядка принятия судебного решения. Хотя из материалов уголовного дела следует, что в судебном заседании суд первой инстанции располагал заявлениями и подсудимого, и потерпевшего о рассмотрении уголовного дела в их отсутствие, апелляционный

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утвержден ВС РСФСР 27.10.1960. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Алтайского краевого суда по делу № 22-4568/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда по делу № 22-1740/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

суд с доводами, изложенными в апелляционном представлении, не согласился и оставил его без удовлетворения. Ходатайство о прекращении уголовного дела все-таки было рассмотрено судом первой инстанции именно в подготовительной части судебного заседания до рассмотрения вопроса о применении особого порядка принятия судебного решения, а прямого запрета на прекращение уголовного дела в подготовительной части судебного заседания, в т. ч. в отсутствие подсудимого, уголовно-процессуальный закон не содержит¹.

Далее, переходя к исследованию порядка рассмотрения судом вопроса о мере пресечения в ходе досудебного производства в пределах реализации полномочий, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, т. е. о мере пресечения в виде заключения под стражу, следует отметить, что ст. 108 УПК РФ в ч. 4 участие обвиняемого в судебном заседании также определяет обязательным условием законности процедуры. Заочный порядок избрания (продления) данной меры возможен только в исключительных случаях: когда лицо находится в международном и (или) межгосударственном розыске; когда психическое состояние лица, находящегося на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, исключает его личное участие в судебном заседании². При этом закон не предполагает принятия судом решения по указанному вопросу без исследования доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований заключения под стражу, и не исключает право обвиняемого оспорить судебное решение о ее избрании³. Однако решение о заключении под стражу, принятое в заочном порядке, в случае его обжалования уже не подлежит безусловной отмене, как приговор суда, постановленный в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

¹ Апелляционное постановление Бакчарского районного суда Томской области по делу № 10-2/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Занина Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями тринадцатой и четырнадцатой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 774-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Участие задержанного лица (!) при рассмотрении в отношении него вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу может быть организовано и с использованием систем видео-конференц-связи (далее — ВКС), если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно, и имеется техническая возможность использования систем ВКС. В части 4 ст. 108 УПК РФ исчерпывающий перечень указанных обстоятельств не приведен. А. В. Павлов, А. С. Дежнев и Е. Г. Ларин называют подобный подход законодателя к формулировке оснований оправданным, т. к. перечислить потенциальные ситуации не представляется возможным. Тем не менее это не означает, что рассматриваемые нормы допускают произвольное и необоснованное решение суда о лишении права на непосредственное участие [6].

Оценка возможности такого «дистанционного» участия задержанного в судебном заседании относится к полномочиям суда, при этом закон не содержит прямого требования об учете позиции самого лица, в отношении которого рассматривается вопрос об ограничении одного из основных конституционных прав. 27 мая 2025 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации внесены изменения в постановление № 41⁴, введен п. 13.1, которым, во-первых, обстоятельства, исключающие возможность участия лица в судебном заседании, связаны именно с препятствиями доставления задержанного в суд (например, проведение карантинных мероприятий по месту содержания лица или временное отсутствие транспортной доступности). А во-вторых, разъяснения даны и о том, что при отсутствии перечисленных обстоятельств суд вправе принять решение об участии задержанного путем использования систем ВКС по его ходатайству.

Кроме того, человеку должны быть предоставлены дополнительные гарантии защиты. Поэтому, как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в отличие от очного порядка, когда задержанный может отказаться от участия адвоката и суд должен лишь выяснить добровольность такого отказа, то в случае участия подозреваемого или обвиняемого в судебном заседании с использованием систем ВКС должно быть обеспечено

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соблюдение требований об обязательном участии защитника. При этом защитнику должна быть предоставлена возможность беспрепятственного конфиденциального общения со своим подзащитным (по аналогии с ч. 9 ст. 241.1 УПК РФ)¹. Сложным и требующим дальнейшего разрешения остается вопрос места нахождения защитника. Верно указывают А. В. Павлов, А. С. Дежнев и Е. Г. Ларин, что при непосредственном участии в судебном заседании у него больше перспектив в процессе исследования доказательств [6]. Но в таком случае сложно реализуемой представляется возможность общения с подзащитным, без более конфиденциального, что требует не только специального канала связи, но и перерыва в судебном заседании.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- право участвовать в судебном разбирательстве (судебном заседании), являясь стандартом справедливого суда, в зависимости от формы осуществления судебной власти в российском уголовном процессе обеспечивается разными правовыми

возможностями граждан по отстаиванию своей позиции перед судом;

- возможность рассмотрения уголовного дела по существу в отсутствие подсудимого (заочное судебное разбирательство) должна восприниматься как отказ человека от осуществления права лично участвовать в разрешении дела (производиться по ходатайству лица либо быть связанным с его поведением);

- УПК РФ следует конкретизировать полномочие суда признать явку подсудимого обязательной (если лицом заявлено ходатайство по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 247 УПК РФ), определить сроки, в течение которых подсудимый может обратиться с ходатайством о рассмотрении судом уголовного дела в его отсутствие;

- лицу, участвующему в судебном заседании с использованием систем ВКС при рассмотрении в отношении него вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу, должна быть предоставлена реальная возможность беспрепятственного конфиденциального общения со своим защитником.

Список источников

1. Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46–49.
2. Марковичева Е. В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 125–128.
3. Трубникова Т. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство и права потерпевшего на безопасность и тайну личной жизни: поиск баланса // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 81–88.
4. Аширбекова М. Т., Шаутаева Г. Х. Условия для проведения заочного судебного разбирательства в российском уголовном процессе: история и современность // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства): мат-лы V Международной научно-практ. конф-ции, Уфа, 4–5 апреля 2024 г. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2024. С. 32–36.
5. Попова И. П. Итоговые процессуальные решения, принимаемые в отсутствие обвиняемого // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3 (31). С. 210–221.
6. Павлов А. В., Дежнев А. С., Ларин Е. Г. Участие подозреваемого при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием систем видеоконференц-связи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 4 (91). С. 320–325.

References

1. Andreeva O. I. Predely ograniicheniya prav lichnosti v ugovolnom processe // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 358. S. 46–49.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Markovicheva E. V. Osushchestvlenie pravosudiya i funkcii suda v dosudebnyh stadiyah rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2018. T. 28. № 1. S. 125–128.

3. Trubnikova T. V. Obespechenie prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo i prava poterpevshego na bezopasnost' i tajnu lichnoj zhizni: poisk balansa // Ugolovnaya yusticiya. 2017. № 10. S. 81–88.

4. Ashirbekova M. T., Shautaeva G. H. Usloviya dlya provedeniya zaochnogo sudebnogo razbiratel'stva v rossijskom ugolovnom processe: istoriya i sovremennost' // Sovremennye problemy ugolovnogo processa: puti resheniya (priurochennaya k 160-letiyu Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva): mat-ly V Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, Ufa, 4–5 aprelya 2024 g. Ufa: Ufmskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2024. S. 32–36.

5. Popova I. P. Itogovye processual'nye resheniya, prinimaemye v otsutstvie obvinyaemogo // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. № 3 (31). S. 210–221.

6. Pavlov A. V., Dezhnev A. S., Larin E. G. Uchastie podozrevaemogo pri rassmotrenii sudom hodatajstva ob izbranii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu s ispol'zovaniem sistem video-konferenc-svyazi // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2023. T. 29. № 4 (91). S. 320–325.

Информация об авторе

A. A. Лукьянова — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Lukyanova — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 168–174.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 168–174.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9:341.1/8

ВЛИЯНИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НА КРИМИНОГЕННУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИИ

Мария Александровна Малетина¹, Галина Николаевна Миронова²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, mamaletina85@mail.ru

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, mgn2007@mail.ru

Аннотация. В статье на основании официальных статистических данных МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние 5 лет определены основные количественные и качественные характеристики преступности в сфере незаконной миграции, а также преступности мигрантов в России. На основании проведенного исследования выделены особенности преступности мигрантов, заключающиеся в увеличении удельного веса иностранных граждан и лиц без гражданства, в т. ч. не достигших совершеннолетнего возраста, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации, а также в преимущественном совершении ими преступлений против общественной безопасности и порядка управления, что с учетом повышенной общественной опасности требует от государства проведения профилактических мероприятий.

Ключевые слова: незаконная миграция, преступления в сфере незаконной миграции, состояние преступности мигрантов, структура преступности мигрантов

Для цитирования: Малетина М. А., Миронова Г. Н. Влияние незаконной миграции на криминогенную ситуацию в России // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 168–174.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

IMPACT OF ILLEGAL MIGRATION ON THE CRIMINOGENIC SITUATION IN RUSSIA

Maria A. Maletina¹, Galina N. Mironova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, mamaletina85@mail.ru

² Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mgn2007@mail.ru

Abstract. The article, based on official statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for the past 5 years, defines the main quantitative and qualitative characteristics of crime in the sphere of illegal migration, as well as migrant crime in Russia. Based on the conducted research, the features of migrant crime are highlighted, consisting in an increase in the proportion of foreign citizens and stateless persons, including those under the age of majority, in the total number of identified persons who committed crimes on the territory of the Russian Federation, as well as their predominant commission of crimes against public safety and administrative order, which, given the increased public danger, requires the state to carry out preventive measures.

Keywords: illegal migration, crimes in the sphere of illegal migration, state of migrant crime, structure of migrant crime

For citation: Maletina M. A., Mironova G. N. Impact of illegal migration on the crime situation in Russia. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;3:168–174 (In Russ.).

Миграционные процессы на протяжении долгого времени являются неотъемлемой частью жизни людей [1, с. 124]. Согласно данным Росстата, в 2024 г. миграционный прирост в России составил 568,5 тыс. человек. Всего в страну приехали 4,081 млн мигрантов, а уехали 3,51 млн. Кроме того, по состоянию на 1 февраля 2025 г. в России находится порядка 670 тыс. нелегальных мигрантов [2].

Незаконная миграция и связанная с ней преступность — сложное социально-правовое явление,

вызывающее обеспокоенность общества и государства. Несмотря на то что доля преступлений, совершаемых мигрантами, относительно невелика (в первом квартале 2025 г. удельный вес предварительно расследованных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства¹, составил всего 5,3 %) [3], анализ указанных статистических показателей за последние 5 лет свидетельствует об устойчивой тенденции к росту (см. таблицу 1).

Таблица 1

Количество предварительно расследованных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в РФ в период 2020–2024 гг. [4]

Преступления совершены	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Иностранцами гражданами и лицами без гражданства	34 400	36 420	40 154	38 936	38 578
Удельный вес	3,3 %	3,5 %	3,9 %	3,9 %	4,3 %

Кроме того, анализ современного состояния преступности в России свидетельствует о сохраняющей свою актуальность борьбе с незаконной миграцией [5, с. 4]. Так, по официальным статистическим данным МВД России в 2024 г. было выявлено:

- 3320 фактов организации незаконной миграции (что на 71 % превысило прошлогодний аналогичный показатель), совершенных 2037 лицами;
- 4003 факта фиктивной регистрации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (повысив аналогичный показатель прошлого года на 3,5 %), к которым оказались причастны 2184 человека;

- 36 110 фактов фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации (увеличив аналогичный показатель прошлого года на 3,3 %), совершенных 14 403 лицами [6].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что, несмотря на снижение в течение последних 5 лет числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 332.1 УК РФ, имеет устойчивую тенденцию к росту, так же как и количество лиц, к ним причастных (см. таблицу 2).

Таблица 2

Количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконной миграции в РФ в период 2020–2024 гг. [4]

Преступления в сфере незаконной миграции	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ст. 322.1	737	926	1081	1941	3320
Выявлено лиц	879	911	1005	1061	2037
Ст. 322.2	7252	6772	4909	3868	4003
Выявлено лиц	4484	4412	3033	2185	2184
Ст. 322.3	33 724	28 919	32 164	34 950	36 110
Выявлено лиц	16 937	14 719	16 131	15 442	14 403

¹ В рамках настоящего исследования под преступностью мигрантов понимается общественно опасное, относительно массовое явление, состоящее из совокупности преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, как законно, так и незаконно пребывающими на территории Российской Федерации.

В рамках анализа состояния преступности в сфере незаконной миграции представляется необходимым остановиться и на раскрываемости данного блока преступлений. Статистические данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что за истекший год остались нераскрытыми: 215 фактов организации незаконной миграции; 229 фактов фиктивной регистрации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении РФ; 588 фактов фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в РФ.

Несмотря на незначительное снижение (на 21,7 %) числа нераскрытых фактов фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в РФ, заметно возросли показатели нераскрытых преступлений применительно к организации незаконной миграции (62,9 %) и фиктивной регистрации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении РФ (129 %).

Кроме того, процент нераскрытых преступлений, предусмотренных ст. 322.2 УК РФ, за последние 5 лет имеет устойчивую тенденцию к росту.

Таблица 3

Количество нераскрытых преступлений в сфере незаконной миграции в РФ в период 2020–2024 гг. [4]

Преступления в сфере незаконной миграции	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ст. 322.1	168	103	134	132	215
+, - в %	-15,2	-38,7	30,1	-1,5	62,9
Удельный вес, в %	22,8	11,1	12,4	6,8	6,5
Ст. 322.2	100	86	59	100	229
+, - в %	2	-14	-31,4	69,5	129
Удельный вес, в %	1,4	1,3	1,2	2,6	5,7
Ст. 322.3	962	590	574	751	588
+, - в %	-22,7	-38,7	-2,7	30,8	-21,7
Удельный вес, в %	2,9	2	1,8	2,1	1,6

Следует отметить, что анализируемые показатели являются дестабилизирующим фактором, провоцирующим миграционную преступность: в течение 2024 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 38 578 преступлений, из них гражданами государств — участников СНГ — 32 706 [4].

Более того, примечательным является тот факт, что удельный вес иностранных граждан и лиц

без гражданства в общем числе выявленных лиц, совершивших преступление на территории РФ, в последние 4 года также имеет тенденцию к росту. Так, в 2021 г. он составлял 3,7 %, в 2022 г. — 4,1 %, в 2023 г. — 4 %, а к 2024 г. достиг 4,4 %. При этом основную часть из них (80,8 % в 2021 г., 82 % в 2022 г., 83,1 % в 2023 г. и 85,1 % в 2024 г.) составляют граждане стран — участников СНГ (см. таблицу 4).

Таблица 4

Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, выявленных за совершение преступления в РФ в период 2021–2024 гг. [4]

Выявлено лиц	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Общее количество	848 320	818 986	750 465	666 260
Иностранных граждан и лиц без гражданства	31 321	33 193	30 207	29 061
Удельный вес, в %	3,7	4,1	4	4,4
Из них граждан государств — участников СНГ	25 322	27 218	25 109	24 741
Удельный вес, в %	80,8	82	83,1	85,1

В рамках настоящего исследования отдельного внимания заслуживает преступность иностранных граждан и лиц без гражданства, не достигших совершеннолетнего возраста. Анализ официальных статистических данных МВД России показы-

вает, что за последние 4 года увеличивается как общее количество несовершеннолетних мигрантов в общем числе лиц, выявленных за совершение преступлений, так и их удельный вес (см. таблицу 5).

Таблица 5

Количество несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, выявленных за совершение преступлений в РФ в период 2021–2024 гг. [4]

Выявлено несовершеннолетних	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Иностранных граждан и лиц без гражданства	213	235	229	237
Удельный вес, в %	0,7	0,9	1	1,1
Из них граждан государств — участников СНГ	168	176	176	216
Удельный вес, в %	0,6	0,7	0,8	1

Проведенное исследование современного состояния преступности в сфере незаконной миграции и преступности мигрантов позволяет сделать вывод о том, что во многом неконтролируемый процесс миграции никоим образом не способствует обеспечению общественной безопасности.

Наряду с количественными характеристиками преступности в сфере незаконной миграции важное значение имеет исследование качественных характеристик преступности мигрантов, в т. ч. находящихся на территории Российской Федерации закононо.

Анализ статистических данных о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о том, что наиболее присущими иностранным гражданам и лицам без гражданства видами совершаемых преступлений являются прежде всего преступления корыстной, насильственной и корыстно-насильственной направленности.

Так, за убийство в 2024 г. осуждено 199 мигрантов; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 521; средней тяжести вреда здоровью — 103; легкого вреда здоровью — 75; нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, — 43; угрозу убийства или причинения тяжкого вреда здоровью — 142.

Среди преступлений против свободы, чести и достоинства личности самым распространенным является похищение человека — из 400 осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, 61 являются мигрантами.

Из числа преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности максимальное количество мигрантов осуждено по

ст. 132 УК РФ (261 человек). За совершение изнасилования осуждено 189 мигрантов; развратных действий — 108; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, — 100 человек из числа мигрантов.

Наиболее частым совершаемым мигрантами преступлением против собственности является кража, за ее совершение осуждено 3845 мигрантов. За совершение мошенничества, в свою очередь, осуждено 499 мигрантов; грабежа — 434; разбоя — 326; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения — 101.

Особое внимание следует обратить на преступления против общественной безопасности: из 75 осужденных за совершение террористического акта 9 являются мигрантами. Кроме того, 50 человек из числа мигрантов осуждено за содействие террористической деятельности; 32 — за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма; 29 — за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. Из 44 осужденных за организацию террористического сообщества и участие в нем 20 составляют мигранты; из 94 осужденных за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации 25 являются мигрантами. Кроме того, достаточно распространенные преступления, совершаемые мигрантами, — хулиганство; незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов.

Из числа преступлений против здоровья населения и общественной нравственности максималь-

ное количество мигрантов осуждены за совершение преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ (1034 и 2442 соответственно). Кроме того, 36 мигрантов осуждены за организацию занятия проституцией. Также мигрантами достаточно часто совершаются преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: 385 мигрантов осуждены за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ; 793 — ст. 264.1 УК РФ.

Из числа преступлений против государственной власти лидирующими среди мигрантов яв-

ляются преступления, предусмотренные ст. 291 и 291.2 УК РФ (осуждено 411 и 673 соответственно). Наиболее частые преступления против порядка управления, совершаемые мигрантами, — подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (осуждено 5627 мигрантов), а также применение насилия в отношении представителя власти, оскорбление представителя власти и самоуправство (осуждено 161, 17 и 28 мигрантов соответственно) (см. таблицу 6).

Таблица 6

Количество осужденных за отдельные виды преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в РФ за 2024 г. [7]

	Всего осужденных	Гражданами государств СНГ (кроме РФ)	Гражданами иных государств (кроме РФ и стран СНГ)	Лицами без гражданства
Все составы	512 845	20 151	987	815
ст. 105	5187	175	7	17
ст. 111	14 740	476	21	24
ст. 112	6535	94	3	6
115	8470	61	3	11
116.1	6360	30	0	13
119	10 679	120	9	13
126	400	60	1	0
131	1598	178	4	7
132	2732	254	4	3
134	2552	96	2	2
135	1002	104	3	1
158	122 523	3593	143	309
158.1	7494	23	1	26
159	20 129	439	27	33
161	12 991	385	9	40
162	3619	303	11	12
166	6016	89	2	10
205	75	9	0	0
205.1	108	50	0	0
205.2	410	30	2	0
205.3	46	26	3	0
205.4	44	20	0	0
205.5	94	25	0	0
213	1076	76	6	0
222	2786	26	1	4
228	47 428	895	60	79
228.1	19 823	2307	110	25

	Всего осужденных	Гражданами государств СНГ (кроме РФ)	Гражданами иных государств (кроме РФ и стран СНГ)	Лицами без гражданства
241	337	34	2	0
264	8915	364	17	4
264.1	4112	734	27	32
291	2521	388	20	3
291.2	2305	666	6	1
318	7642	149	2	10
319	2054	15	0	2
322	1041	723	233	12
322.1	1207	254	19	0
322.2	969	20	0	0
322.3	8281	147	2	1
327	10 877	5522 (ч. 3 — 2565) (ч. 5 — 2862)	63	12
330	356	23	3	2

Кроме того, проведенное нами исследование показало, что имеется целый ряд преступлений, основными субъектами которых являются именно мигранты. Так, анализ количества осужденных за преступления, связанные с незаконной миграцией, свидетельствует о том, что из 1041 осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, 968 являются гражданами государств СНГ, гражданами иных государств и лицами без гражданства, что составляет 92,9 %. Кроме того, наибольший удельный вес от общего количества осужденных составляют мигранты, осужденные за следующие преступления: ст. 205.3 УК РФ — 60,3 % от общего количества осужденных; ст. 205.1 УК РФ — 46,3 %; ст. 205.4 УК РФ — 45,5 %; ст. 327 УК РФ — 51,5 %.

Таким образом, несмотря на то, что на протяжении последних 5 лет отмечается относительно устойчивое число преступлений, совершаемых мигрантами, удельный вес предварительно расследованных совершаемых ими преступлений свидетельствует об устойчивой тенденции к росту.

Основная часть преступлений совершается гражданами стран — участниц СНГ, что в целом соответствует миграционным потокам из стран ближнего зарубежья [8, с. 31]. Пристального внимания со стороны государственных органов требует преступность мигрантов, не достигших совершеннолетнего возраста. Нелегальная миграция в настоящее время оказывает неблагоприятное воздействие на состояние преступности в Российской Федерации в целом, определяя негативные тенденции в основной части таких ее видов, как преступления против общественной безопасности и порядка управления. С учетом повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых преимущественно мигрантами, необходимо проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение нелегальных миграционных потоков в Российскую Федерацию, что, в свою очередь, обусловит снижение числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также улучшение криминогенной обстановки в нашей стране.

Список источников

1. Рашитов Л. Р. Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 124–128.
2. В МВД назвали количество нелегальных мигрантов в России, а также сроки и способы легализации. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/v-mvd-nazvali-kolichestvo-nelegalnykh-migrantov-v-rossii-a-takzhe-sroki-i-sposoby-legalizatsii/> (дата обращения: 12.05.2025).

3. Состояние преступности в России за январь — март 2025 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Состояние преступности в России за 2020–2024 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Бондарева А. А. Преступления в сфере нарушения миграционного законодательства и особенности их расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2024. 253 с.
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.05.2025).
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Таюрская Е. А. Состояние преступности мигрантов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 4 (63). С. 29–34.

Reference

1. Rashitov L. R. Kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij v sfere nezakonnoj migracii i ih preduprezhdenie // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1 (23). S. 124–128.
2. V MVD nazvali kolichestvo nelegal'nyh migrantov v Rossii, a takzhe sroki i sposoby legalizacii. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/v-mvd-nazvali-kolichestvo-nelegalnykh-migrantov-v-rossii-a-takzhe-sroki-i-sposoby-legalizatsii/> (data obrashcheniya: 12.05.2025).
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — mart 2025 g. // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 12.05.2025).
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2020–2024 gg. // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 12.05.2025).
5. Bondareva A. A. Prestupleniya v sfere narusheniya migracionnogo zakonodatel'stva i osobennosti ih rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2024. 253 s.
6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — dekabr' 2024 g. // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 12.05.2025).
7. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2024 god. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (data obrashcheniya: 23.04.2025).
8. Tayurskaya E. A. Sostoyanie prestupnosti migrantov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 4 (63). S. 29–34.

Информация об авторах

М. А. Малетина — кандидат юридических наук, доцент.

Г. Н. Миронова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. A. Maletina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

G. N. Mironova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 175–180.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 175–180.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.24

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ

Зинаида Александровна Незнамова¹, Евгения Евгеньевна Мелюханова²

^{1, 2} Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ nza001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

² melyukhanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Аннотация. В статье рассматривается проблема необходимости экономического обоснования института уголовного наказания. Именно экономические проблемы сегодня являются препятствием на пути к совершенствованию института уголовного наказания. Исходным, а не конечным этапом проведения реформ должны стать экономические факторы. Авторы приходят к выводу, что только при наличии экономического обоснования вида и размера назначаемого наказания, а также условий его исполнения возможно экономически целесообразное функционирование пенитенциарной системы. По мнению авторов, в уголовном законе должны присутствовать юридическая, социальная и экономическая цели наказания. При этом экономическая цель уголовного наказания имеет два аспекта: экономически обоснованное назначение и экономически обоснованное исполнение наказания.

Ключевые слова: уголовное право, институт уголовного наказания, пенитенциарная система, экономические факторы, экономическое обоснование, цели наказания, экономическая цель наказания

Для цитирования: Незнамова З. А., Мелюханова Е. Е. Экономическая составляющая института наказания // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 175–180.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ECONOMIC COMPONENT OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENT

Zinaida A. Neznamova¹, Evgeniya E. Melyukhanova²

^{1, 2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ nza001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

² melyukhanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Abstract. The article considers the problem of the need for an economic justification of the institution of criminal punishment. Today, economic problems are an obstacle to improving the institution of criminal punishment. Economic factors should be the starting point, not the final stage of the reforms. It is necessary to proceed from the existing economic conditions and create initial economically sound development strategies. The authors conclude that only if there is an economic justification for the type and size of the punishment being imposed, as well as the conditions for its execution, is it possible for the penitentiary system to function economically. According to the authors, the criminal law should include the legal, social and economic goals of punishment. The economic purpose of criminal punishment has two aspects: economically justified appointment and economically justified execution of punishment.

Keywords: criminal law, institute of criminal punishment, penitentiary system, economic factors, economic justification, goals of punishment, economic purpose of punishment

For citation: Neznamova Z. A., Melyukhanova E. E. Economic component of the institution of punishment. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2025;3:175–180 (In Russ.).

Постсоциалистические реформы российского законодательства, в т. ч. и уголовного, были основаны на том, что Российское государство избрало путь развития рыночной экономики. В условиях перехода к рыночной экономике после прекращения существования Советского Союза возникла острая необходимость изменения всей системы правового регулирования. Переход к рынку означал появление новых правовых институтов, обеспечивающих дальнейшее развитие и совершенствование рыночной экономики России. Постепенно экономика и право стали сближаться. Экономические реформы не могут быть эффективно реализованы без соответствующего правового регулирования, и, наоборот, правовое регулирование не может не учитывать экономические реалии.

В условиях современного уровня развития общества не возникает сомнений о взаимообусловленности экономики и права. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют продолжающиеся научные дискуссии о необходимости расширения узкоспециализированной области права за счет включения в правовую орбиту экономических составляющих и, наоборот, о правовом обосновании экономических реалий. Очевидно, что и право, и экономика нуждаются во взаимном сотрудничестве, которое выступает условием эффективной реализации как экономических, так и правовых устремлений.

Но до сих пор остаются области правового регулирования, которые обособляются от учета и анализа влияния экономических факторов в процессе правоприменения. Однако это не означает, что экономические факторы в этих областях не оказывают влияния. Игнорирование законов экономики не способно их устранить. По нашему мнению, принимая в расчет экономическое обоснование правового регулирования и правоприменения, существует возможность повысить эффективность некоторых обособленных правовых институтов.

В частности, таким обособленным от учета и анализа влияния экономических факторов институтом является институт уголовного наказания. О его эффективности ведутся многочисленные дискуссии. При этом инструментальной экономической науки используется весьма редко. В науке уголовного права не предпринимались попытки должным образом экономически обосновать институт уголовного наказания. По нашему мнению, экономическое обоснование института уголовного наказания способно повысить его эффективность. Обособление института уголовного наказания препятствует его развитию и совершенствованию.

В уголовно-правовой сфере внимание юристов-исследователей в основном сосредоточено на преступлениях в сфере экономики. Именно этой областью взаимодействия экономики и права ограничивается доктрина уголовного права. Безусловно, экономическая преступность наиболее приближена к экономическим реалиям, фактически произрастает на этой почве. Именно в этом направлении уголовное право и экономика сближаются самым тесным образом.

Констатируя этот неоспоримый факт, в то же время необходимо признать, что взаимодействие уголовного права и экономики далеко не исчерпывается преступлениями в сфере экономики.

Одним из ключевых институтов уголовного права является институт наказания. Исполнение наказания обеспечивается государством в лице соответствующих уполномоченных органов. Государство, будучи полноправным хозяйствующим субъектом, должно руководствоваться не только юридическими, но и экономическими критериями эффективности при назначении и исполнении уголовного наказания.

Будучи по своей природе наиболее репрессивным проявлением государственной политики, институт уголовного наказания в процессе совершенствования не может не учитывать общее направление экономического развития общества.

Значительная часть федерального бюджета выделяется для обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания. Однако материально-техническая оснащенность органов и учреждений, исполняющих наказания, остается неудовлетворительной. Исправительные учреждения функционируют практически в тех же материально-технических условиях, которые существовали на момент их создания, т. е. в дореволюционный либо советский периоды. Устаревшая материально-техническая база большинства исправительных учреждений, неразвитая инфраструктура, дефицит квалифицированных кадров, коррупция и многие другие проблемы связаны с отсутствием должного экономического фундамента института уголовного наказания.

Существующие проблемы пенитенциарной системы возникли именно в связи с переходом Российской Федерации к рыночной экономике, где государство является хозяйствующим субъектом с определенным бюджетным ограничением. Наряду с государством присутствует множество иных экономических агентов, которые осуществляют свою деятельность в соответствии с законами рынка, подчиняются правилам «рыночной игры», мак-

симизируют выгоды. В этом отношении институт уголовного наказания представляет собой нечто иное. Он не вписывается в существующую систему. Это является результатом его обособления от экономических реалий современного состояния развития общества.

В советский период развития общества институт уголовного наказания гармонично вписывался в существующие экономические отношения. Он полностью соответствовал уровню экономического развития страны, функционировал в соответствии с теми экономическими правилами, которые господствовали в социалистическом обществе.

Сегодня господствует иная экономическая система с другими ценностями и правилами, а институт уголовного наказания продолжает следовать социалистическим правилам, оставаясь в той социалистической экономической системе. Поэтому проблемных вопросов, связанных с институтом уголовного наказания, становится все больше.

В числе основных возможных направлений совершенствования института наказания можно выделить следующие важные моменты:

- расширение видов наказаний, альтернативных лишению свободы;
- создание в Российской Федерации службы пробации;
- изменение условий содержания осужденных к лишению свободы с учетом международного опыта исполнения данного наказания;
- открытость уголовно-исполнительной системы для общества;
- улучшение условий работы сотрудников уголовно-исполнительной системы и повышение уровня их материально-бытового обеспечения [1, с. 110].

Для реализации указанных направлений необходимы дополнительные средства, предоставление которых предполагает увеличение и без того значительных объемов финансирования пенитенциарной системы из средств государственного бюджета. В настоящее время отсутствует иной способ изыскания средств для обеспечения реформы. При полном государственном обеспечении вопрос об экономической эффективности института уголовного наказания даже не ставится. Экономическое обоснование совершенствования пенитенциарной системы отсутствует.

Именно экономические проблемы сегодня являются препятствием на пути совершенствования института уголовного наказания. Исходным, а не конечным этапом проведения реформ должны стать экономические факторы. Кроме того, необ-

ходимо исходить из имеющихся экономических условий, создавать первоначальные экономически обоснованные стратегии развития. Сегодня, к сожалению, ситуация складывается противоположным образом: планирование реформ без экономического обоснования приводит к экономическим проблемам реализации запланированных мероприятий, в т. ч. введения так называемых отложенных видов наказаний.

В современных экономических условиях сокращается сфера государственного участия в экономике. На рынке товаров и услуг функционируют конкурентоспособные хозяйствующие субъекты, стремящиеся к максимизации прибыли. Закономерным является сокращение государственного финансирования определенных сфер деятельности. В частности, развитие образования и здравоохранения лишь частично финансируется государством. Учреждения образования и здравоохранения при наличии государственной поддержки занимаются коммерческой деятельностью в условиях российской рыночной экономики.

В рамках пенитенциарной системы иные правила. Степень государственного участия в финансировании остается абсолютной, размер финансирования постоянно увеличивается. Не преследуя цели извлечения прибыли, пенитенциарная система должна стать самокупаемой. Издержки ее функционирования слишком велики, с учетом того что общество и государство и так «потеряли» в результате совершения преступления, и они еще должны «заплатить» за наказание преступника.

Только при наличии экономического обоснования вида и размера назначаемого наказания, а также условий его исполнения возможно экономически целесообразное функционирование пенитенциарной системы.

Исходными ориентирами для экономического обоснования института уголовного наказания должны стать: экономическое обоснование наказания, самокупаемость пенитенциарной системы, постепенное сокращение государственного финансирования пенитенциарной системы, а также жесткий контроль над расходованием бюджетных средств.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой наказание может быть признано эффективным только тогда, когда оно достигает поставленных целей, которые сформулированы законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ. В частности, по мнению В. И. Зубковой, справедливость наказания — это одно из важнейших условий его эффективности, это когда оно (наказание) при-

носит пользу обществу и отдельным его членам, когда поставленные перед ним цели должны быть достигнуты или хотя бы те из них, которые объективно способны быть реализованы [2, с. 25].

Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Значит, наказание будет признано эффективным, если в результате его назначения и исполнения фактически восстановлена социальная справедливость, осужденный исправился и не совершил новых преступлений. Являются ли эти цели юридическими? Наверное, не совсем.

Такая цель уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, уже в своем названии содержит ярко выраженный общественный (социальный) аспект. Более того, представляется достаточно сложным констатировать с полной уверенностью факт восстановления социальной справедливости. Категории подобного рода являются оценочными, они не поддаются четкому определению. Каким образом следует устанавливать факт восстановления социальной справедливости при назначении и исполнении каждого конкретного вида наказания во всем диапазоне их сроков и размеров? Ответа на этот вопрос, вероятно, не существует.

Содержание цели восстановления социальной справедливости, по мнению В. И. Зубковой, раскрывается через три аспекта:

- 1) максимальная соразмерность степени общественной опасности преступления личности виновного и назначенного ему наказания;
- 2) учет интересов потерпевшей стороны, сознающей справедливость наказания виновного и его неотвратимость;
- 3) неотвратимость наказания в более широком понимании, в восприятии ее таковой в обществе, в торжестве закона [3, с. 13].

Таким образом, содержание цели восстановления социальной справедливости частично наполняется юридическим содержанием. Представляется, что такой подход подменяет содержание и противоречит социальной сущности рассматриваемой цели уголовного наказания. Социальная сущность должна иметь социальное содержание.

Цели исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений в определенной части можно признать юридическими. Факт исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений поддается оцен-

ке. Общеизвестно, что «объективным показателем уровня достижения цели исправления осужденного является то обстоятельство, что в период отбывания наказания и после его отбывания либо после освобождения лица по каким-либо основаниям от отбывания наказания им не было совершено нового преступления» [4, с. 100].

При этом не ясно, до какого момента необходимо отслеживать законопослушное поведение лица, в отношении которого ставится вопрос об эффективности наказания. Если лицо после отбывания наказания не совершает новых преступлений в течение трех лет, то можно ли вести речь о его исправлении? Или в таком случае наказание возымело лишь краткосрочный эффект? Может быть, следует ориентироваться на законопослушное поведение осужденного до конца его жизни? И на эти вопросы, к сожалению, нет однозначных ответов.

Следовательно, цели уголовного наказания, содержащиеся в уголовном законе, во-первых, не являются чисто юридическими, во-вторых, представляют собой сложные оценочные категории, и в-третьих, возникают сложности при определении степени их достижения, тем более на момент назначения наказания.

Правоприменителю нужны четкие, понятные и достижимые цели наказания, которые являются главным ориентиром при назначении наказания. При отсутствии конкретных и ясных целей назначения наказания деятельность судебных органов становится стихийной, поддающейся влиянию различных общественно-политических настроений.

По нашему мнению, в уголовном законе должны присутствовать цели наказания, соответствующие основным направлениям деятельности государства, а именно:

- 1) юридическая;
- 2) социальная;
- 3) экономическая.

К юридической цели можно отнести цель исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Социальная цель представляет собой восстановление социальной справедливости.

Поскольку уголовный закон уже содержит юридические и социальные цели наказания, аргументируем необходимость существования экономической цели.

Поведение человека, в т. ч. и преступное, является рациональным, основано на разуме. Разумное поведение человека предполагает принятие обдуманных и взвешенных решений, прогнозирование

вероятности наступления благоприятного или неблагоприятного результата собственных действий. Принимая определенное решение, человек стремится к достижению собственных целей. Эти цели могут быть юридическими, социальными, экономическими или какими-то иными. Экономические цели занимают далеко не последнее место в иерархии мотиваций человеческого поведения, а может быть, и одно из центральных. Поэтому в процессе целеполагания любого вида человеческой деятельности нельзя игнорировать экономическую цель.

Целеполагание свойственно не только индивидуально определенному субъекту, но и коллективным образованиям, которые осуществляют определенный вид деятельности. Государство в лице уполномоченных органов обеспечивает реализацию государственной политики в соответствии с обозначенными целями. Обеспечение функционирования института уголовного наказания также осуществляется в соответствии с обозначенными в уголовном законе целями.

По нашему мнению, будучи не закрепленной в УК РФ, экономическая цель уголовного наказания проявляет себя при назначении и исполнении уголовного наказания. Экономическая цель уголовного наказания имеет два аспекта: экономически обоснованное назначение и экономически обоснованное исполнение наказания.

Экономически обоснованное назначение наказания производится с учетом экономического положения осужденного. В частности, при назначении уголовного наказания, а именно в процессе определения судом вида наказания, нельзя не учитывать экономическое положение осужденного. Например, назначение наказания в виде штрафа нецелесообразно при кризисном экономическом положении осужденного. При стабильном экономическом положении имеет значение его уровень для определения размера штрафа. Более того, необходимость учета экономического положения осужденного является законодательно установленным требованием при определении судом размера штрафа. Согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ размер штрафа определяется судом с учетом имущественного положения осужденного. На практике суды четко придерживаются данного требования. Обсуждая

вопрос назначения наказания, суды достаточно тщательно выясняют имущественное положение подсудимого, его доходы и текущие обязательства.

Экономически обоснованное исполнение наказания производится с учетом экономического положения учреждений и органов, исполняющих наказание. Причем имеется в виду не только уровень государственного финансирования пенитенциарной системы, но и фактическое распределение ресурсов, необходимых для обеспечения исполнения наказания. Например, при определении места отбывания наказания в виде лишения свободы учитывается физическая возможность размещения осужденных. Согласно ч. 2 ст. 73 УИК РФ при отсутствии в субъекте Российской Федерации по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения.

Таким образом, экономическая цель уголовного наказания фактически присутствует в двух аспектах и требует своего законодательного закрепления в качестве самостоятельной цели уголовного наказания.

Следует заметить, что «в рамках общетеоретического подхода к анализу назначения наказания трудно выявить оптимальное сочетание всех целей наказания. Оно может иметь место только в данный момент времени и в данном государстве» [5, с. 20]. Сегодня Российская Федерация представляет собой страну с рыночной экономикой, где экономические факторы развития общества являются основополагающими. В связи с этим в данный момент времени в Российском государстве оптимальное сочетание всех целей института уголовного наказания не может не включать в себя экономическую цель уголовного наказания. Однако содержание и способы реализации этих экономических целей должны стать предметом отдельного исследования.

Список источников

1. Тиканов А. В. Основные направления реформы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Научные исследования высшей школы: сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практ. конф-ции (8 февраля 2011 г.). Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2011. С. 109–110.

2. Зубкова В. И. Справедливость и эффективность уголовного наказания // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 4. С. 25–28.
3. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 10–14.
4. Рясков А. И. Цели наказания: мифы и реальность // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 1. С. 98–101.
5. Родионова А. С. Правовое наказание: понятие, признаки, цели // Современное право. 2010. № 6. С. 18–20.

References

1. Tikanov A. V. Osnovnye napravleniya reformy ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Nauchnye issledovaniya vysshej shkoly: sbornik tezisov dokladov i soobshchenij na itogovoj nauchno-prakt. konf-cii (8 fevralya 2011 g.). Tyumen': Tyumenskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2011. S. 109–110.
2. Zubkova V. I. Spravedlivost' i effektivnost' ugolovnog nakazaniya // Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal. 2016. № 4. S. 25–28.
3. Zubkova V. I. Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak cel' ugolovnog nakazaniya i ee dostizhenie v processe otbyvaniya nakazaniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2010. № 9. S. 10–14.
4. Rjasov A. I. Celi nakazaniya: mify i real'nost' // Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. № 1. S. 98–101.
5. Rodionova A. S. Pravovoe nakazanie: ponyatie, priznaki, celi // Sovremennoe pravo. 2010. № 6. S. 18–20.

Информация об авторах

- З. А. Незнамова — доктор юридических наук, профессор.
Е. Е. Мелюханова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

- Z. A. Neznamova — Doctor of Science (Law), Professor.
E. E. Melyukhanova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 181–188.
Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 181–188.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.91-053.6

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЭКСТРЕМИСТА: ТИПОЛОГИИ, МАРКЕРЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Мargarita Юрьевна Пучнина¹, Александр Васильевич Пучнин²

^{1, 2} Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

¹ masloy100@mail.ru

² lex-puch@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях возрастающей угрозы экстремизма и террористической деятельности особое внимание исследователей и практиков уделяется проблеме вовлечения в экстремистскую среду несовершеннолетних. Участие подростков в радикальных проявлениях, агрессивных идеологических сообществах и подготовке атак на различные объекты, включая образовательные организации, ставит острые вопросы перед системой профилактики, правоохранными органами и обществом в целом. Проблема исследования заключается в необходимости выработки целостного подхода к характеристике такого рода личностей, что предполагает выделение ключевых черт и типологических групп, анализ цифровых маркеров в сети Интернет, а также описание условий формирования экстремистской направленности у подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетний экстремист, криминологическая характеристика, подростковая радикализация, скулиштинг, типология личности, профилактика экстремизма, криминология, интернет-маркеры

Для цитирования: Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста: типологии, маркеры и факторы формирования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 181–188.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE JUVENILE EXTREMIST: TYPOLOGIES, MARKERS, AND FORMATION FACTORS

Margarita Yu. Puchnina¹, Alexander V. Puchnin²

^{1, 2} Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

¹ masloy100@mail.ru

² lex-puch@yandex.ru

Abstract. In the context of escalating threats posed by extremism and terrorist activities, special attention has been paid to the issue of juveniles being drawn into extremist groups. Adolescents' involvement in radical behavior, aggressive ideological communities, and the planning of attacks against various targets, including educational institutions, raises urgent questions for preventive systems, law enforcement agencies, and society as a whole. The purpose of this study is to identify and analyze the main traits of the juvenile extremist's personality, propose a classification and typology of such individuals, and determine the factors and conditions that contribute to the formation of extremist attitudes. The problem of the research is the need to develop a holistic approach to characterizing this kind of individuals, which involves identifying key features and typological groups, analyzing digital markers on the Internet, as well as describing the conditions for the formation of extremist orientation in adolescents.

Keywords: juvenile extremist, criminological characteristics, adolescent radicalization, school shootings, personality typology, extremism prevention, criminology, online markers

For citation: Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Criminological characteristics of the juvenile extremist: typologies, markers, and formation factors. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:181–188 (In Russ.).

© Пучнина М. Ю., Пучнин А. В., 2025

В современном обществе проблема экстремизма среди несовершеннолетних приобретает все большую актуальность. Если в предшествующие десятилетия экстремизм ассоциировался преимущественно с террористическими группировками или политическими радикалами, то сегодня фокус смещается на привлечение несовершеннолетних к идеям насильственного протеста, дискриминации по религиозному, национальному или иному признаку. В ряде случаев данные формы девиантного поведения перерастают в откровенный террор или массовые нападения, в т. ч. и на образовательные организации (скулшутинг).

Криминологический анализ личности несовершеннолетнего экстремиста позволяет выработать более эффективные методы профилактики, коррекции и реабилитации. В то же время понимание индивидуально-психологических особенностей, социальных условий и механизмов радикализации несовершеннолетних дает возможность разработать комплекс мер раннего выявления потенциальных участников экстремистских сообществ, а также снизить риск совершения тяжких преступлений на почве идеологической нетерпимости или социальной вражды [1].

Изучение феномена экстремизма среди молодежи и, в частности, среди несовершеннолетних ведется учеными разных научных сфер. Криминологи выделяют специфические формы противоправного поведения, связанные с насильственными действиями на почве политической или религиозной нетерпимости [2]. Социологи обращают внимание на социальные факторы маргинализации молодежи, возникновение субкультурных групп, которые могут становиться площадками для распространения радикальной идеологии [3, с. 112–115]. Естественно, не может оставаться в стороне от рассматриваемой проблемы и психология с имеющимся в ее распоряжении накопленным научно-практическим опытом исследования личности человека. Психологи изучают индивидуально-личностные особенности подростков, предрасположенных к экстремистским убеждениям, обращая особое внимание на кризисные периоды развития, низкую самооценку, потребность в принадлежности к группе и формирование «образа врага» [4].

В России правовая регламентация вопросов противодействия экстремизму закреплена в Федеральном законе Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 утверждена Стратегия противодействия экс-

тремизму в Российской Федерации до 2025 года. Однако вопросы профилактики экстремизма именно среди несовершеннолетних получили детальное развитие лишь в подзаконных нормативных правовых актах в виде распоряжений и в методических рекомендациях различного уровня. Учеными подчеркивается важность комплексных профилактических программ, которые учитывали бы особенности подросткового возраста, психологическое состояние и уровень социальной адаптации потенциального правонарушителя [5].

Исследования массовых нападений на образовательные организации (скулшутинг) в последнее время ввиду своей актуальности (после инцидентов в Керчи в 2018 г., Казани в 2021 г., Ижевске в 2022 г.) стали находить отражение в работах большого числа авторов, подчеркивающих сложный комплекс мотивов, среди которых могут присутствовать экстремистские идеологические установки. Труды исследователей направлены на понимание профиля личности нападающего, анализ его интернет-активности, психических особенностей и социальной дезадаптации [6].

Таким образом, современное научное общество демонстрирует междисциплинарный подход к изучению несовершеннолетнего экстремиста, включающий криминологический, социологический, психологический, педагогический и юридический аспекты. Однако остается открытым вопрос систематизации типологических характеристик таких личностей, а также разработки единой научно обоснованной концепции их формирования.

В этой связи важно подчеркнуть широкую распространенность преступлений экстремистской направленности в подростковой среде: в 2024 г. было зарегистрировано 1,7 тыс. преступлений экстремистской направленности, что почти на треть больше чем за 2023 год. Рост числа криминальных деяний экстремистского характера отмечается в 53 субъектах Российской Федерации. В структуре преступлений экстремистского характера преобладают уголовные дела за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Отметим, что более половины таких преступных деяний совершено с использованием сети Интернет. На четверть увеличилось количество лиц, причастных к таким противоправным деяниям (1387). Более трети из них (472 чел.) составляют молодые люди от 14 до 29 лет, в т. ч. 97 несовершеннолетних от 14 до 17 лет (их число увеличилось почти вдвое). За совершение таких противоправных дея-

ний осуждено 55 подростков [7]. Все это указывает на сохраняющуюся тенденцию к вовлечению подростков в радикальную деятельность.

Отметим, что под преступлениями экстремистской направленности, которые подвергаются изучению в рамках настоящего исследования, мы понимаем деяния, предусмотренные ст. 280, 280.1, 282 и рядом других статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), связанных с возбуждением ненависти или вражды и пропагандой идеологического насилия. Скулшутинг рассматривается нами в данном контексте как одна из форм насильственной расправы, тесно связанной с мотивами ненависти к определенным группам или желанием совершить идеологизированное нападение, т. е. при наличии экстремистской риторики и символики поступок школьного стрелка переходит в категорию экстремистских преступлений.

В научной среде выделяется несколько базовых подходов к исследованию личности несовершеннолетнего экстремиста:

1. Криминологический подход: с точки зрения криминологии экстремистские проявления у подростков рассматриваются как разновидность насильственной и (или) идеологически мотивированной преступности. Криминологи анализируют правовые аспекты, структуру преступлений экстремистской направленности, динамику подобных деяний и их социальные последствия [8]. В рамках этого подхода внимание концентрируется на формально-юридической квалификации деяний (подготовка, попытка, совершение экстремистского преступления). Выделяются факторы, повышающие риск криминализации подростка: неблагополучная семья, агрессивное социальное окружение, низкий уровень правовой культуры, недостаточная социальная адаптация и т. д. [9].

2. Социологический подход: исследователи, занимающиеся социологией девиантного поведения, видят в экстремизме реакцию молодежи на социальную несправедливость, маргинальность, отсутствие перспектив и ощущение «выключенности» из общественных процессов [10]. Рассматриваются вопросы групповой динамики, роли лидеров общественного мнения в молодежной среде, влияния социальных сетей, пропаганды и феномена «эхо-камер»¹ в сети Интернет. Особое место занимает изучение неформальных молодежных субкультур,

которые могут способствовать формированию экстремистского мировоззрения.

3. Психолого-педагогический подход: в рамках данного подхода анализируются индивидуальные особенности подростка: психологические предпосылки агрессии, личностные расстройства, кризисы идентичности; влияние межличностных отношений (семья, сверстники, педагоги, тренеры, наставники и т. д.) на формирование деструктивных взглядов; роль девиантной среды, интернет-сообществ и идеологов радикальных течений в трансформации подростковых установок и т. п. [11].

Особое внимание уделяется педагогическим аспектам профилактики экстремизма, необходимости раннего выявления проблем поведения и обучения толерантности, критическому мышлению и правильному восприятию информационного потока, его оценке и анализу с учетом современных реалий и угроз.

4. Правовой подход: основан на анализе законодательных и нормативных актов, регулирующих борьбу с экстремистской и террористической деятельностью. Исследователи рассматривают:

- соответствие российского законодательства международным актам по защите прав несовершеннолетних;
- механизмы привлечения к ответственности за пропаганду и подготовку экстремистских действий;
- специфику применения мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям, а также вопросы ресоциализации.

Во всех упомянутых подходах подчеркивается необходимость комплексного рассмотрения феномена. Личность несовершеннолетнего экстремиста нельзя сводить к отдельным психическим или социальным характеристикам; она формируется во взаимодействии сложного набора факторов. Все это еще раз приводит нас к выводу, что для более эффективной профилактики и коррекции требуются межведомственные программы, предусматривающие участие образовательных учреждений, правоохранительных органов, социальных служб, психологов и т. д.

Для более глубокого понимания причин радикализации подростков необходимо учитывать маркеры и факторы формирования личности, способствующие принятию экстремистской идеологии. К ключевым факторам относятся:

- неблагоприятная семейная обстановка и дефицит эмоциональной поддержки;
- негативное воздействие сверстников и интернет-сообществ, пропагандирующих насилие;

¹ Эхо-камера — понятие в теории СМИ, представляющее собой ситуацию, в которой определенные идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путем передачи сообщения или его повторения внутри закрытой системы.

- личностные особенности подростка, включая низкую самооценку, повышенную тревожность или агрессивность;

- социокультурные условия (уровень толерантности в обществе, наличие идеологических групп и т. д.).

К маркерам же можно отнести резкую смену круга общения, интерес к экстремистской символике, активное участие в закрытых радикальных чатах и склонность к оправданию насильственных действий.

В рамках проведенного исследования нами было рассмотрено множество вариантов классификаций и типологизаций личностей несовершеннолетних экстремистов. При этом важно отметить, что типология как метод научного познания охватывает более широкий спектр признаков и внутренних механизмов, нежели простая классификация, поскольку типологический подход учитывает не только формально-юридические критерии, но и глубинные психологические и социальные детерминанты.

Большинство типологий основывается на сочетании следующих критериев:

1. По идеологической направленности [12]:

- радикальные националисты (ксенофобия, расизм);

- религиозные фанатики или «новообращенные» (исланизм, псевдохристианские секты, другие радикальные конфессии);

- политические экстремисты (левого или правого толка).

2. По степени вовлеченности и активности участников [13]:

- пассивные участники: склонны выражать симпатии к радикальным идеям в сети Интернет, не участвуют в реальных акциях;

- активные пропагандисты: распространяют экстремистские материалы, вербуют новых участников;

- организаторы и исполнители экстремистских акций: непосредственно планируют и осуществляют насильственные акции, теракты, нападения и т. д.

3. По доминирующим мотивам [14]:

- идеологические: убежденные сторонники экстремистских взглядов;

- реактивные (протестные): подростки, переживающие острые социальные и личностные кризисы, выражают через экстремизм протест против окружения;

- корыстные (или оппортунистические) [15]: вовлечены в экстремистскую деятельность ради материальных благ, статуса, принадлежности к «сильной группе»;

- альтруистические [16]: стремятся преобразовать мир в «лучшую» сторону, руководствуются идеями всеобщего блага, справедливости, но только в своем индивидуальном их понимании;

- месть: имеют четкую личностную установку, возникающую, например, из-за гибели близких в результате действий «вражеской» стороны.

4. По психологическим особенностям¹:

- агрессивные психопаты: имеют выраженные девиантные характеристики, склонность к насилию;

- депрессивно-суицидальные: видят в экстремизме «выход» из безысходности, ищут самоутверждение;

- импульсивно-конформные: идут на поводу у группы, поддаются давлению авторитета лидера.

5. По ряду личностных особенностей и характеру осуществления экстремистских преступлений [17]:

- «социально неорганизованные молодые люди»: данную категорию представляют лица в возрасте 14–17 лет, не имеющие или имеющие формально место учебы или работы. У них отмечается неидейная мотивация совершения преступных действий, стремление реализовать свои внутренние потребности посредством выражения коммуникативной агрессии, ненависти, деструктивного (разрешающего) поведения [18]. При этом некоторыми авторами выделяются в данной типологии два подтипа: играющий и зависимый. Первый отличается низким уровнем правосознания, размытыми границами понимания морального и аморального поведения; второй — отличается слабыми волевыми качествами, как правило, это ведомые люди, попавшие под чужое влияние [19];

- «идейные» исполнители преступлений экстремистской направленности: как правило, составляют лица со средним и средним специальным образованием;

- организаторы и финансисты экстремистской деятельности: обычно это лица с высшим образованием, материально обеспеченные.

Учитывая многообразие факторов и междисциплинарный характер проблемы, целесообразно предложить комплексную типологию², объединяющую социально-психологические и поведенческие

¹ По материалам Всероссийского форума «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», 28–29 ноября 2023 г., г. Москва.

² В контексте настоящего исследования предлагается типология, основанная не только на формальных признаках (нормы уголовного законодательства, характер преступления), но и на психологической мотивации правонарушителей. При этом мы осознаем, что типология является более сложным и глубоким понятием, чем простая классификация.

ские критерии, а также динамику вовлечения подростка в экстремистскую деятельность:

Тип 1: «Искатели идентичности»:

- социально-психологические признаки: подростки, испытывающие трудности в самореализации, имеющие низкую самооценку, нуждающиеся в поддержке и признании. Чувствуют, что общество их не принимает или отвергает;

- поведенческие черты: могут резко менять взгляды, легко переходят от одной идеи к другой, склонны к конформизму;

- динамика вовлечения: зачастую попадают под влияние радикальных групп через социальные сети и форумы, где видят обещание «общности» и «особого статуса»;

- типовая ситуация: подросток, переживающий семейный кризис (развод родителей, отсутствие внимания), ищет поддержку в радикальном интернет-сообществе. Становится активным участником групп, обсуждающих «врагов нации». Для них характерны поиски новых «семейных» связей и попытка заполнить эмоциональный вакуум через участие в радикальных акциях, включая проявления агрессии и насилия.

Тип 2: «Обиженные мстители»:

- социально-психологические признаки: накапливают чувство обиды на окружающих (семью, школу, государство), ощущают несправедливость или травлю;

- поведенческие черты: проявляют агрессию, носят скрытый характер, ведут закрытые онлайн-дневники или аккаунты в соцсетях, где делятся фантазиями насилия;

- динамика вовлечения: контактируют с радикальными материалами в интернете, целенаправленно ищут «оправдание» своей агрессии, нередко проявляют интерес к оружию и способам насильственных действий;

- типовая ситуация: подросток, подвергающийся буллингу среди сверстников, постепенно погружается в экстремистский контент, решая таким образом «отомстить» своим обидчикам. Такие подростки могут вовлекаться в экстремистские группы, где радикальная идеология становится инструментом для легитимации мести [20].

Тип 3: «Идеологизированные фанатики»:

- социально-психологические признаки: характеризуются твердым убеждением в правоте радикальных идей, склонны к догматическому мышлению, низкой критичности к источникам информации;

- поведенческие черты: публично демонстрируют свою позицию, активно вербуют единомыш-

ления: она учитывает внутренние движущие силы и социальные предпосылки поведения подростков.

ленников среди сверстников, пропагандируют экстремистские тексты;

- динамика вовлечения: чаще всего попадают в закрытые радикальные сообщества или секты, имеют «наставников» из числа взрослых экстремистов;

- типовая ситуация: старшеклассник, искренне уверовавший в оправданность агрессии против «неверных», получает наставления от более старшего члена радикальной группировки, готовится к насильственным действиям.

Тип 4: «Оппортунисты»:

- социально-психологические признаки: не имеют глубоких идеологических убеждений, мотивированы корыстными целями (деньги, власть, признание) или социальными выгодами (защита, принадлежность к «сильной» группе);

- поведенческие черты: быстро меняют «сторону», если теряется выгода; склонны к предательству и манипуляциям;

- динамика вовлечения: могут участвовать в экстремистских действиях по найму или ради социальных и финансовых бонусов; мало подвержены идеологическим дискуссиям;

- типовая ситуация: молодой человек, желающий получить быстрый заработок или статус, присоединяется к экстремистской банде, совершает противоправные действия за вознаграждение.

Тип 5: «Скулишутеры»:

- социально-психологические признаки: страдают от чувства изоляции, насмешек со стороны одноклассников, имеют психологические травмы. Могут проявлять элементы психических расстройств, отмечается сочетание депрессии и агрессии;

- поведенческие черты: интерес к оружию и массовым убийствам, фетишизация предыдущих случаев скулшутинга, ведение закрытых групп в соцсетях с тематиками насилия;

- динамика вовлечения: зачастую планируют нападения на школы, колледжи и другие образовательные организации в ответ на многократные личные унижения, а экстремистская риторика может стать дополнительным «обоснованием» насильственных действий;

- типовая ситуация: ученик, неоднократно унижаемый одноклассниками, планирует вооруженное нападение на школу, заражаясь идеями массовой расправы и будучи убежденным, что это единственный способ решить его личные проблемы. Частично этот тип пересекается с «обиженными мстителями», однако он имеет свою обязательную специфическую черту — место совершения преступления (образовательная организация).

Важно подчеркнуть, что выделенные группы («обиженные мстители», «искатели идентичности» и др.) могут вызывать сомнения в части их научной обоснованности. Однако, опираясь на зарубежные и отечественные работы по криминальной психологии и социологии, можно утверждать, что подобные группы отражают типичные мотивационные профили подростков-экстремистов [20]. Аргументируя свою позицию, мы указываем на реальные кейсы криминальной практики, где четко прослеживается связь между чувством обиды/мести или поиском групповой идентичности и совершением насильственных актов.

Представленная типология носит условный характер и не претендует на абсолютную всеохватность. Однако она позволяет структурировать представления о наиболее часто встречающихся сценариях радикализации подростков и разработать более точные программы профилактики и психолого-педагогической коррекции. Полагаем, что результаты исследования позволят более тонко дифференцировать подход к профилактической работе с несовершеннолетними, склонными к экстремистской деятельности, и своевременно отслеживать их характерные маркеры в сети Интернет. Педагоги и психологи смогут использовать представленную типологизацию для выявления «группы риска» среди учащихся с целью проведения целенаправленной работы по предупреждению радикализации. Кроме того, знание особенностей разных типов личности экстремиста помогут выстроить адресные программы психологической коррекции, направленные на нормализацию самооценки, снятие агрессивных установок, формирование навыков конструктивного общения.

В целом результаты данного исследования призваны содействовать повышению уровня общественной безопасности, укреплению системы профилактики экстремизма и формированию толерантной и правосознательной среды в подростковых коллективах.

При рассмотрении различных подходов к проблеме экстремизма среди подростков важно учитывать как уже имеющиеся теоретические выкладки, так и результаты эмпирических исследований (опросы, интервью, анализ уголовных дел).

Собственный анализ позволил сопоставить основные факторы (семейные, социальные и психологические) с описанными в научной литературе типами подростков-правонарушителей. Выяви-

лось, что во многих случаях у подростков, склонных к совершению экстремистских действий, действительно прослеживается сочетание неблагоприятной семейной обстановки, наличия травматического опыта (буллинг, насилие), а также поиск групповой идентичности через идеологию радикального толка. Таким образом, можно заключить, что упрощенная констатация отдельных признаков (например, доступ к оружию или увлечение радикальной символикой) без учета личностных и социальных факторов дает лишь фрагментарную картину. Сформированная нами типология («обиженные мстители», «искатели идентичности» и др.) опирается на зарубежные исследования массовых убийц и террористов, где выделяются сходные категории мотивов, связанные с мстительной агрессией и кризисом идентичности [21].

Подростковая экстремистская преступность — это сложный феномен, в котором смешиваются социальные, психологические и правовые аспекты. Настоящее исследование позволяет сделать несколько выводов:

- Преступления экстремистской направленности среди несовершеннолетних действительно представляют собой растущую проблему, что подтверждается официальными статистическими данными.

- Скулуштинг может рассматриваться в рамках экстремистской деятельности, когда нападения мотивированы идеологией ненависти, стремлением к мести или демонстрации превосходства.

- Типология правонарушителей должна учитывать не только формальные признаки, но и глубинные психологические мотивы, что отличает ее от простой классификации.

- Факторы и маркеры формирования личности подростка-экстремиста требуют комплексного рассмотрения: от семейных условий до влияния интернет-сообществ и конфликтов идентичности.

- Выделенные группы («обиженные мстители», «искатели идентичности» и др.) обоснованы рядом эмпирических данных и зарубежных исследований, отражающих специфику радикальной идеологизации подростков.

Применение полученных выводов в профилактической деятельности образовательных учреждений и правоохранительных органов может способствовать раннему выявлению подростков, находящихся в группе риска, и уменьшить вероятность вовлечения их в экстремистскую среду.

Список источников

1. Григорьев П. Е., Игнатов А. Н. Особенности ценностно-смысловой сферы личности несовершеннолетних преступников // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 898–905.

2. Антонян Ю. М. Поиск сущности экстремизма // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 14–21.
3. Кубякин Е. О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность: монография. Краснодар, 2014. 156 с.
4. Антонян Ю. М., Юрасова Е. Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиции глубинной психологии // Актуально о глобальной угрозе. Научный портал МВД России. 2010. № 2 (10). С. 3–11.
5. Малыхина Т. А. Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 89–99.
6. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. № 1. С. 93–108.
7. Интервью Замсекретаря Совбеза России Александра Гребенкина от 31 марта 2025 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (дата обращения: 31.04.2025).
8. Буданов С. А., Колесников Р. В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 139–145.
9. Колесников Р. В., Кравцов И. А. Детерминанты преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 35–39.
10. Кубякин Е. О. Причины молодежного экстремизма в современной России: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 71–75.
11. Домрачева С. А. К вопросу о психолого-педагогической профилактике экстремизма в молодежной среде // Педагогический журнал. 2016. № 4. С. 15–25.
12. Косорукова Е. В. Особенности причин вовлечения несовершеннолетних в группировки экстремистской направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 9. С. 44–49.
13. Хазимуллина Е. Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. № 3. С. 453–469.
14. Тормозова Е. А. Экспертно-криминалистическая деятельность по противодействию распространению экстремистских материалов в СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: мат-лы II Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием / науч. ред. Н. А. Никиташина; отв. ред. В. Н. Козлова (Абакан, 18 октября 2019 г.). Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 248–256.
15. Калужина М. А. Организация оперативно-розыскного противодействия экстремизму в зарубежной пенитенциарной практике // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 112–119.
16. Соколов Н. А., Санташов А. Л., Герасимова Е. В. Криминологическая характеристика экстремизма и его связь с терроризмом // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1 (1). С. 64–70.
17. Суслов Ю. Е. Теоретический анализ исследований личности экстремистов // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8. № 2. С. 1–10.
18. Ившин В. Г., Кондаков А. С. Криминологическая характеристика личности преступника-экстремиста // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. № 5. С. 112–114.
19. Пестерева Ю. С., Чекмезова Е. И. К вопросу о личности экстремиста // Сибирское юридическое обозрение. 2012. № 2 (19). С. 108–110.
20. Brown G. The Psychology of Revenge: Adolescent Aggression and Extremism // Journal of Forensic Psychology. 2021. № 2. P. 45–52.
21. Smith J. Identity Seeking in Radicalized Youth: A Sociological Perspective // International Journal of Youth Studies. 2020. № 4. P. 113–119.

References

1. Grigor'ev P. E., Ignatov A. N. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery lichnosti nesovershennoletnih prestupnikov // Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nyh peremen. M.: Institut psihologii RAN, 2020. S. 898–905.
2. Antonyan Yu. M. Poisk sushchnosti ekstremizma // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 1. S. 14–21.
3. Kubyakin E. O. Osnovaniya sociologicheskogo obosnovaniya fenomena ekstremizma. Ekstremparanntnost': monografiya. Krasnodar, 2014. 156 s.
4. Antonyan Yu. M., Yurasova E. N. Ekstremistskoe i terroristicheskoe povedenie s pozicii glubinnoj psihologii // Aktual'no o global'noj ugroze. Nauchnyj portal MVD Rossii. 2010. № 2 (10). S. 3–11.

5. Malyhina T. A. Ob osobennostyakh preduprezhdeniya ekstremizma v sovremennoj molodezhnoj srede // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (92). S. 89–99.
6. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // Vlast'. 2021. № 1. S. 93–108.
7. Interv'yu Zamsekretarya Sovbeza Rossii Aleksandra Grebenkina ot 31 marta 2025 g. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (data obrashcheniya: 31.04.2025).
8. Budanov S. A., Kolesnikov R. V. Molodezhnyy ekstremizm: osobennosti struktury lichnosti prestupnika // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1. S. 139–145.
9. Kolesnikov R. V., Kravcov I. A. Determinanty prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (60). S. 35–39.
10. Kubyakin E. O. Prichiny molodezhnogo ekstremizma v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2011. № 1–2. S. 71–75.
11. Domracheva S. A. K voprosu o psihologo-pedagogicheskoy profilaktike ekstremizma v molodezhnoj srede // Pedagogicheskij zhurnal. 2016. № 4. S. 15–25.
12. Kosorukova E. V. Osobennosti prichin вовлечения несовершеннолетних в группировки extremistской направленности // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 9. S. 44–49.
13. Hazimullina E. E. Mekhanizm rechevogo вовлечения v deyatel'nost' extremistских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2016. № 3. S. 453–469.
14. Tormozova E. A. Ekspertno-kriminalisticheskaya deyatel'nost' po protivodejstviyu rasprostraneniyu extremistских материалов v SMI i informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet // Nacional'naya politika v sfere profilaktiki i protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu kak uslovie obespecheniya edinstva rossijskoj nacii i garmonizacii mezhnacional'nyh i etnokonfessional'nyh otnoshenij: mat-ly II Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem / nauch. red. N. A. Nikitashina; otv. red. V. N. Kozlova (Abakan, 18 oktyabrya 2019 g.). Abakan: Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova, 2019. S. 248–256.
15. Kaluzhina M. A. Organizaciya operativno-rozysknogo protivodejstviya ekstremizmu v zarubezhnoj penitenciarnej praktike // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022. № 2 (58). S. 112–119.
16. Sokolov N. A., Santashov A. L., Gerasimova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika ekstremizma i ego svyaz' s terrorizmom // Zhurnal prikladnyh issledovanij. 2021. № 1 (1). S. 64–70.
17. Suslov Yu. E. Teoreticheskij analiz issledovanij lichnosti ekstremistov // Prikladnaya psihologiya i pedagogika. 2023. T. 8. № 2. S. 1–10.
18. Ivshin V. G., Kondakov A. S. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika-ekstremista // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2015. № 5. S. 112–114.
19. Pestereva Yu. S., Chekmezova E. I. K voprosu o lichnosti ekstremista // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2012. № 2 (19). S. 108–110.
20. Brown G. The Psychology of Revenge: Adolescent Aggression and Extremism // Journal of Forensic Psychology. 2021. № 2. R. 45–52.
21. Smith J. Identity Seeking in Radicalized Youth: A Sociological Perspective // International Journal of Youth Studies. 2020. № 4. P. 113–119.

Сведения об авторах

М. Ю. Пучнина — кандидат юридических наук.

А. В. Пучнин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. Yu. Puchnina — Candidate of Science (Law).

A. V. Puchnin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 06.02.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 189–194.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 189–194.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.23:902

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ЧЕРНЫХ КОПАТЕЛЕЙ» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ПРЕСТУПНОСТИ

Руслан Александрович Семенюк¹, Александр Федорович Федоров²

¹ Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, ruslanbarnaul@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fedoroffaf@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы, связанной с деятельностью «черных копателей», рассмотрены общественная опасность такой деятельности и особенности лиц, занимающихся незаконными раскопками. На этой основе дано авторское понятие преступности «черных копателей», определены правовые основы противодействия деятельности, связанной с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания, разработан комплекс мероприятий по профилактике незаконной деятельности «черных копателей». Настоящее исследование позволило сделать вывод о том, что преступность «черных копателей» предлагается рассматривать как самостоятельный вид преступности в криминологии, поскольку она имеет свои специфические особенности, мотивы и причины, а также комплекс специфических профилактических мероприятий.

Ключевые слова: «черные копатели», кладоискательство, личность копателей, противодействие незаконной археологии

Для цитирования: Семенюк Р. А., Федоров А. Ф. Деятельность «черных копателей» как самостоятельный вид преступности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 189–194.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ACTIVITIES OF «BLACK DIGGERS» AS AN INDEPENDENT TYPE OF CRIME

Ruslan A. Semenyuk¹, Alexandr F. Fedorov²

¹ Altai Institute of Economics — branch of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia, ruslanbarnaul@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fedoroffaf@mail.ru

Abstract. The article substantiates the relevance of the problem related to the activities of “black diggers”, examines the social danger of such activities and the peculiarities of persons engaged in illegal excavations. On this basis, the author’s concept of the crime of “black diggers” is given, the legal basis for countering activities related to the illegal search or seizure of archaeological objects from their sites is defined, and a set of measures has been developed to prevent the illegal activities of “black diggers”. The present study allowed us to conclude that the crime of “black diggers” is proposed to be considered as an independent type of crime in criminology, since it has its own specific features, motives and causes, as well as a set of specific preventive measures.

Keywords: black diggers, treasure hunting, identity of diggers, counteraction to illegal archeology

For citation: Semenyuk R. A., Fedorov A. F. Activity of «black diggers» as an independent type of crime. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:189–194 (In Russ.).

В последние десятилетия на территории Российской Федерации определенный общественный резонанс приобрела проблема преступной деятельности, связанной с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания. В разных регионах нашей страны эта проблема является актуальной в той или иной степени в зависимости от масштабов, организованности и профессионализма так называемых «черных копателей». В информационном пространстве появилось множество публикаций, посвященных общественной опасности и противодействию такой деятельности.

В первую очередь «черных копателей» интересуют ценные артефакты при полном игнорировании контекста, в котором они были найдены. Это приводит к потере информации о месте находки, сопутствующих предметах и стратиграфии. Такая контекстная информация имеет решающее значение для понимания истории, культуры и повседневной жизни прошлых цивилизаций. Без нее артефакты становятся изолированными объектами, что уменьшает их историческое значение и препятствует научным исследованиям.

Кроме того, во многих регионах России незаконно выкапывают различные объекты-артефакты — от предметов времен палеолита до оружия и боеприпасов.

Например, согласно исследованиям А. И. Тузбекова, в Башкирии преимущественно выкапывались следующие культурные ценности: изделия из металла предположительно бронзового века и наконечники стрел периода раннего железного века, старинные монеты, изделия из цветного металла, фрагменты средневековой керамики [1, с. 122].

В Ленинградской и Волгоградской областях, на местах боев Великой Отечественной войны, желанным объектом «черных копателей» являются документы, личные вещи, награды, оружие, боеприпасы, взрывные устройства.

На территории Алтайского края в большинстве случаев копают в сельских районах. Так, за последние пять лет «черные копатели» были задержаны в Топчихинском, Локтевском, Алейском, Бийском районах.

Самыми дорогими изъятими ими из мест залегания предметами были изделия из бронзы, а также стрелы второй половины VII в. — начала VI в. до н. э.

В результате незаконных раскопок были разрушены памятники археологии и архитектуры, объекты археологического наследия, нарушен культурный слой.

С учетом сложившейся ситуации термины «черные копатели» и «черная археология» уже давно используются в научных публикациях и материалах правоохранительных органов, несмотря на то, что нормативно в законе они не закреплены.

Если археология в целом — это научное направление и историческая дисциплина, то «черная археология» — это преступная деятельность лиц, занимающихся незаконным выкапыванием предметов старины как промыслом и преследующих корыстную цель [2, с. 160, 162].

С. С. Матренин и Д. П. Панфилов термин «черная археология» предлагают рассматривать как «вид противоправной деятельности физических лиц, связанный с незаконными раскопками древних поселений и могильников, а также вынимание археологического материала со дна естественных водоемов с целью добычи древних артефактов для продажи, коллекционирования и других не научных задач» [3].

«Чёрные копатели» — это собирательное название для одиночек или групп, занимающихся нелегальным поиском исторических артефактов на археологических объектах, не имеющих на то официального разрешения. Их могут называть по-разному в зависимости от конкретизации мест раскопок.

Например, «гробокотатели» и «могильщики» осуществляют поиск древних захоронений, «курганщики» и «бугровики» вскрывают курганы. Также выделяют такие типы, как «лесники», «полевые», «кладоискатели», «подпольщики», «дайверы», «диггеры» и др.

Понятия «черные копатели» и «черные археологи» стали применяться в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. Преимущественно они незаконно занимались поиском ценных археологических предметов, имеющих историческую ценность, или разыскиванием оружия, боеприпасов для их незаконного сбыта, однако к 80-м годам прошлого века произошло снижение активности «черных копателей» в связи с появлением официально зарегистрированных отрядов поисковиков.

Как массовое явление «черное копательство» в России появилось на рубеже конца XX — начала XXI в., когда металлоискатели и другое соответствующее технологическое оборудование стали весьма доступными. Использование металлоискателей с высоким уровнем чувствительности позволило перейти к более эффективному, доступному и, соответственно, распространенному поиску артефактов.

Общественная опасность деятельности «черных копателей» состоит не только в том, что они незаконно изымают из корыстных и иных мотивов различные артефакты из мест залегания, но и нарушают либо уничтожают культурный слой, содержащий следы существования человека и представляющий ценность для историков. При этом незаконно найденные археологические объекты в собственность государства не передаются, чем наносится невосполнимый ущерб археологической науке.

Как правило, этим занимаются подготовленные люди, под руководством лидера группы, который составляет план незаконных раскопок. Правонарушители используют специальные технические средства поиска — металлоискатели, пинпоинтеры, землеройные инструменты, gps-навигаторы, дроны, читают профессиональную литературу, пользуются археологическими картами, обмениваются информацией с другими группами «черных копателей» с помощью созданных ими интернет-сообществ. Как правило, профессиональные «копатели» состоят в закрытых интернет-сообществах, в которых они публикуют сообщения, видеоролики, фотографии, и таким образом взаимодействуют между собой.

В качестве иллюстрации можно привести уголовное дело, рассмотренное Канским районным судом Красноярского края, из материалов которого следует, что обвиняемый, зарегистрированный в социальной сети «ВКонтакте» как Лесной дух, размещал там для продажи фотографии археологических предметов, которые находил с помощью имевшихся у него трех металлоискателей. Сначала он занимался поиском и извлечением из земли старинных монет, а затем им были обнаружены старинные наконечники стрел, ножи и прочие предметы, предположительно относящиеся ко времени Средневековья¹.

Незаконные раскопки ведутся не только на территории памятников культуры, но и на любой другой территории, где по информации, полученной в результате обмена, могут находиться интересные «черных копателей» предметы.

Таким образом, противоправная деятельность часто носит организованный и профессиональный характер. Анализ интернет-сайтов показывает, что сообщество нелегальных «копателей» многочисленно и сложно структурировано.

Помимо самих «копателей», в преступное сообщество могут входить антиквары, оценщики, ре-

ставраторы, музейные работники, работники пунктов приема металла, перекупщики, информаторы и даже служащие органов государственной власти и местного самоуправления, отвечающие за охрану археологических памятников.

Кроме того, у «черных копателей» существуют также свои неписанные правила (нормы) копательского сообщества, которые предлагается соблюдать, например не нарушать границ чужой территории, не мусорить, закапывать свои ямки, быть вежливым с местным населением [1, с. 121].

Анализ результатов исследования специальной литературы позволил выделить следующие особенности личности «черных копателей». В среднем 97,3 % из них составляют мужчины, соответственно, 2,7 % женщины. Большинство составляют молодежь от 25 до 30 лет и люди среднего возраста — от 36 лет и старше.

Примерно две трети «черных копателей» являются лицами без определенного рода занятий либо занимаются предпринимательством, многие из них имеют высшее или среднее образование. В основном преступления совершают по корыстным мотивам. Реже археологические преступления совершаются учащимися, студентами или лицами, занимающимися деятельностью, связанной с изучением археологических памятников [4, с. 31].

С учетом всего изложенного предлагаем выделить преступность «черных копателей» как самостоятельный вид преступности для изучения криминологической наукой. Под преступностью «черных копателей» необходимо понимать реально существующее общественно опасное, массовое явление, представляющее собой совокупность всех преступлений, совершаемых лицами в корыстных либо коллекционных целях, связанных с поиском, добычей, изъятием археологических и (или) исторических предметов из мест залегания, обладающих имущественной стоимостью или имеющих историческую ценность, без специального на то разрешения (открытого листа).

Предметами таких археологических преступлений могут быть изделия для отправления религиозных культов, нательные крестики, а также иные изделия, имеющие особую историческую ценность, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, государственные награды и др.

Противодействовать преступности «черных копателей» в настоящее время довольно сложно, поскольку они работают сезонно (зимой раскопки не производят), быстро продают найденные исторические артефакты, ведут себя скрытно, что

¹ Архив Канского районного суда Красноярского края. Дело № 1-97/2024.

характеризует высокий уровень латентности их противоправной деятельности. Официальная статистика зарегистрированных преступлений ГИАЦ МВД России не отражает в полной мере количество противоправных деяний, совершаемых «черными копателями».

Исследуемые нами археологические преступления с полной уверенностью можно отнести к числу высоклатентных и трудно доказуемых, поскольку выявить и зарегистрировать их официально в большинстве случаев можно только тогда, когда «черного копателя» задержали с поличным на месте совершения преступления.

При этом возбуждается уголовное дело от имени государства, т. к. в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством нашей страны за преступления, связанные с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания, уголовное преследование осуществляется в публичном порядке.

Правовой основой противодействия незаконной археологии и копательства являются как международные, так и федеральные нормативные правовые акты, действующие в сфере сохранения объектов исторического культурного наследия. Среди них следует отметить Европейскую конвенцию об охране археологического наследия (пересмотренную) от 16 января 1992 г. и Федеральный закон Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)».

Также на внутригосударственном уровне вопросы сохранения археологических памятников регламентированы Федеральным законом Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Согласно статье 45.2 данного федерального закона использование специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин в целях обнаружения археологических предметов возможно исключительно при осуществлении археологических полевых работ, проводимых на основании разрешения (открытого листа). В пункте 3 ст. 49 закреплено, что все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности¹.

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Особенно важное значение в противодействии противоправным деяниям «черных копателей» имеют Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), содержащие соответствующие нормы об ответственности за незаконные поиск или изъятие археологических предметов из мест залегания.

На региональном уровне принципиальное значение имеют программы по развитию культуры в субъектах Российской Федерации. В качестве примера можно отметить государственную программу Алтайского края «Развитие культуры Алтайского края», утвержденную постановлением Правительства Алтайского края 28 декабря 2023 г. № 537, в которой одной из задач государственного управления в сфере культуры является обеспечение сохранности культурного и исторического наследия как источника информации о зарождении и развитии культуры².

С учетом изложенного в целях обеспечения эффективности профилактики деятельности «черных копателей» необходимо реализовывать следующий комплекс мероприятий:

1. Мониторинг интернет-ресурсов по сбору информации о лицах, размещающих объявления о продаже культурных исторических ценностей, археологических предметов; анализ социальных групп «кладоискателей», сайтов по продаже металлодетекторов. О своей работе нелегальные копатели часто не стесняются рассказывать в социальных сетях. Например, сотрудниками полиции был выявлен мужчина, который вел блог на платформе YouTube, где выкладывал различные ролики личной видеосъемки о поиске и изъятии археологических артефактов в Алтайском крае. При этом следует отметить, что выставление «черными копателями» в социальных сетях фотографий и видеороликов, презентующих найденные артефакты, может спровоцировать иных заинтересованных лиц на незаконную поисковую деятельность.

2. Постановка археологических памятников на государственную охрану и размещение информационных материалов о них с предупредительной информацией о запрете земляных полевых работ.

² Об утверждении государственной программы Алтайского края «Развитие культуры Алтайского края» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Алтайского края от 28.12.2023 № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Проведение сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, служащими органов государственной власти и местного самоуправления совместно со специалистами в сфере археологии и ведения земляных работ (особенно в сельской местности, в местах ведения боев, захоронений военнослужащих) профилактической воспитательной работы с местным населением с доведением информации о необходимости защиты культурного наследия, запрете незаконной археологической деятельности и юридической ответственности за нее.

4. Более активное воздействие на правонарушителей административно-правовыми средствами, которые включают в себя следующие статьи КоАП РФ: 7.13 (Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации); 7.14 (Организация или проведение земляных, строительных или иных работ без разрешения органа, осуществляющего государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия); 7.14.1 (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения); 7.14.2 (Неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность); 7.15 (Проведение археологических полевых работ без разрешения) и 7.15.1 (Незаконный оборот археологических предметов).

5. Также более активное и целенаправленное воздействие на правонарушителей уголовно-правовыми средствами, включающими в себя ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность. Чаще всего преступления «черных копателей» квалифицируются по ст. 243.2 УК РФ (Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания).

Кроме того, круг указанных преступлений может включать следующие составы: ст. 243 УК РФ (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей); ст. 243.3 УК РФ (Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере); ст. 244 УК РФ (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения); ст. 164 УК РФ (Хищение предметов, имеющих особую ценность); ст. 222 УК РФ (Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов); ст. 222.1 УК РФ (Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств); ст. 222.2 УК РФ (Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему); ст. 223 УК РФ (Незаконное изготовление оружия); ст. 223.1 УК РФ (Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств); ст. 324 УК РФ (Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград).

Таким образом, деятельность «черных копателей» необходимо рассматривать как самостоятельный вид современной преступности в криминологии, поскольку она имеет свои специфические особенности, мотивы и причины, а также требует реализации комплекса профилактических мер со стороны всех заинтересованных государственных органов.

Список источников

1. Тузбеков А. И. «Кладоискательство» в Башкирии: результаты анализа интернет-сообществ // Вестник Пермского университета. 2022. Вып. 4 (59). С. 114–128.
2. Шебалов В. А. Понятия «черная археология» и «черный копатель» // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5 (119). Ч. 3. С. 160–163.

3. Матренин С. С., Панфилов Д. П. Теория и практика борьбы с «черной археологией» в России // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2015. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-borby-s-chnoy-arheologiyey-v-rossii> (дата обращения: 14.02.2025).

4. Баграмян С. Л. Особенности личности преступника по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 29–32.

Reference

1. Tuzbekov A. I. «Kladoiskatel'stvo» v Bashkirii: rezul'taty analiza internet-soobshchestv // Vestnik Permskogo universiteta. 2022. Vyp. 4 (59). S. 114–128.

2. Shebalov V. A. Ponyatiya «chernaya arheologiya» i «chnyj kopatel'» // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2022. № 5 (119). Ch. 3. S. 160–163.

3. Matrenin S. S., Panfilov D. P. Teoriya i praktika bor'by s «chnoj arheologiej» v Rossii // Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya. 2015. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-borby-s-chnoy-arheologiyey-v-rossii> (data obrashcheniya: 14.02.2025).

4. Bagramyan S. L. Osobennosti lichnosti prestupnika po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'ej 243.2 «Nezakonnnyj poisk i (ili) iz'yatie arheologicheskikh predmetov iz mest zaleganiya» Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 3 (37). S. 29–32.

Информация об авторах

Р. А. Семенюк — кандидат юридических наук, доцент.

А. Ф. Федоров — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

R. A. Semenyuk — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. F. Fedorov — Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 195–201.

Altai Law Journal. 2025. № 3 (51). P. 195–201.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1(574)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Андрей Евгеньевич Чечетин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, achechetin@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают нормы Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающие перечень оперативно-розыскных мероприятий. Цель статьи — на основе сравнительно-правового анализа норм казахстанского и российского законов «Об оперативно-розыскной деятельности» выявить положительный опыт и недостатки законодательного регулирования правоотношений, возникающих в процессе использования оперативно-розыскных мероприятий при решении задач борьбы с преступностью. Исследование позволило прийти к выводу о том, что казахстанский законодатель, несмотря на наличие слабых сторон, сумел разрешить ряд проблем, с которыми сталкивается оперативно-розыскная практика, и сформировать более действенный арсенал средств и методов оперативно-розыскной деятельности, а потому его опыт может быть использован для дальнейшего совершенствования российского оперативно-розыскного законодательства.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, права личности, санкция прокурора

Для цитирования: Чечетин А. Е. Некоторые особенности законодательной регламентации оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 195–201.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

SOME FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Andrey E. Chechetin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, achechetin@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the provisions of the Law of the Republic of Kazakhstan “On operational-search activities”, establishing a list of operational-search activities. The purpose of the article is to identify positive experience and shortcomings of legislative regulation of legal relations arising in the process of using operational-search activities in solving problems of combating crime based on a comparative legal analysis of the provisions of the Kazakh and Russian laws “On operational-search activities”. The study allowed us to come to the conclusion that the Kazakh legislator, despite the presence of weaknesses, managed to resolve a number of problems faced by operational-search practice and form a more effective arsenal of means and methods of operational-search activities, and therefore its experience can be used to further improve the Russian operational-search legislation.

Keywords: operational-search measures, operational-search activity, individual rights, prosecutor's sanction

For citation: Chechetin A. E. Some features of legislative regulation of operational-search activities in the Republic of Kazakhstan. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;3:195–201 (In Russ.).

© Чечетин А. Е., 2025

Поводом для написания данной статьи стала подготовка отзыва официального оппонента на диссертацию А. М. Карла по теме «Законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук [1]. Тема проведенного исследования представляется нам весьма актуальной, поскольку антикриминальное законодательство Казахстана и России, имея общие исторические корни, развивается в схожих направлениях и демонстрирует единство подходов в регламентации средств и методов борьбы с преступностью, учитывая при этом национальные традиции и особенности конституционного устройства. Востребованность тематики исследования подчеркивается в том числе постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) о принятии Рекомендаций по сближению и гармонизации законов государств — членов ОДКБ об оперативно-розыскной деятельности, в которых отмечалась необходимость научного обоснования путей совершенствования оперативно-розыскного законодательства путем проведения совместных научных разработок¹. Изложенные в диссертации положения, а также авторские выводы и рекомендации дают, на наш взгляд, хороший повод для научной дискуссии о путях дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства в обоих соседних государствах.

Проводя сравнительно-правовой анализ оперативно-розыскного законодательства, следует учитывать, что Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон РК об ОРД, казахстанский закон)² был принят через два с половиной года после появления Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»³ и по

своему содержанию имел много сходных с российским законом норм. Однако перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), закрепленный в ст. 11 казахстанского закона в первоначальной редакции, включал в себя 26 наименований, т. е. почти в два раза больше аналогичного российского перечня. Это наиболее яркая отличительная особенность казахстанского закона. Данное обстоятельство представляет немалый научный и практический интерес с точки зрения целесообразности законодательного установления такого обширного арсенала действий, допускаемых к применению в процессе оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

К числу особенностей законодательного регулирования ОРМ в Казахстане следует также отнести деление всех ОРМ на две категории: общие и специальные. При этом согласно п. 3 ст. 1 казахстанского закона под специальным понимается ОРМ, «непосредственно затрагивающее охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища». Отсюда логически следует, что мероприятия, отнесенные к категории общих, перечисленных выше прав не ограничивают. Такое деление ОРМ на нормативном уровне имеет определенное сходство с доктринальной классификацией российских ОРМ на ограничивающие и не ограничивающие конституционные права граждан [2, с. 250]. Казахстанский вариант законодательного закрепления перечня ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, на наш взгляд, обеспечивает большую определенность для правоприменителя в вопросе о том, какие ОРМ требуют санкционирования прокурором, а в России — судом. Российский же законодатель пошел по другому пути: он не стал перечислять в законе мероприятия, которые ограничивают конституционные права граждан, оставив это на усмотрение субъектов ОРД. По этому поводу Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих внутренних методических документов разъяснил, что решение вопроса о том, какие ОРМ связаны с ограничением прав граждан, зависит не от вида мероприятия, а от содержания предполагаемых действий. Поскольку содержание предполагаемых действий определяется инициатором в лице оперативного сотрудника, то фактически решение указанного выше вопроса остается на его усмотрении. Такое правовое регулирование, с одной стороны, характерно для Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17, ст. 892.

¹ О проекте Рекомендаций по сближению и гармонизации законов государств — членов ОДКБ об оперативно-розыскной деятельности: постановление ПА ОДКБ от 26 ноября 2015 г. № 8-14 // Парламентская Ассамблея ОДКБ. URL: http://www.paodkb.ru/upload/iblock/51a/p_14b_rekomendatsii_operativno_razysknaya-deyatelnost (дата обращения: 21.10.2024).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ (ред. от 03.12.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158&pos=4;-88#pos=4;-88 (дата обращения: 20.04.2025).

³ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос-

при котором правоприменитель должен самостоятельно определять пределы конкретных конституционных прав, представляется нам недостаточно оптимальным [3, с. 20–22].

Поддерживая казахстанского законодателя в указанной части, вместе с тем обратим внимание специалистов на то, что к категории специальных в Законе РК об ОРД отнесены ОРМ, которые затрагивают в том числе право на неприкосновенность частной жизни. Данное предписание, на наш взгляд, порождает неопределенность в правоприменении, поскольку ряд общих ОРМ по своему содержанию и нацеленности в той или иной степени ограничивают неприкосновенность частной жизни объектов проводимых мероприятий. В частности, при опросе, внедрении, наведении справок и наблюдении за лицом, заподозренным в преступной деятельности, возникает объективная необходимость сбора и анализа широкого круга сведений, включающих биографические данные проверяемого, его семейное положение, род занятий, источники дохода, особенности характера, интересы, наклонности, привычки, характер проведения досуга, круг связей и т. д., которые относятся к сфере частной жизни индивида. В то же время Закон РК об ОРД права на получение такой информации при проведении общих ОРМ не предусматривает. Отсюда следует, что попытка оперативного сотрудника выяснить при опросе лица указанные выше сведения может быть расценена как неправомерные действия. В связи с этим мы полагаем, что Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД, российский закон)¹ вполне обоснованно допускает возможность ограничения права на неприкосновенность частной жизни при проведении любых ОРМ без получения предварительного судебного разрешения, а потому казахстанскому законодателю можно порекомендовать использовать этот опыт.

К числу несомненных достоинств Закона РК об ОРД следует отнести наличие отдельной статьи, раскрывающей основные понятия, используемые в нем, в которой даны законодательные определения специальных и половины общих оперативно-розыскных мероприятий. О необходимости включения в российский ФЗ об ОРД дефинитивных норм давно высказывались на страницах научных изданий [4, с. 28–31], однако отечественный зако-

нодатель эти предложения пока, к сожалению, не реализовал.

В части 2 ст. 11 Закона РК об ОРД к общим отнесены восемнадцать ОРМ, из числа которых восемь, т. е. меньше половины, несмотря на некоторые различия в названии, по существу аналогичны мероприятиям, предусмотренным и в российском законе: опрос лиц, внедрение, контролируемая поставка, наведение справок, получение образцов, оперативный закуп, поиск и отождествление личности, наблюдение. Наше внимание, безусловно, привлекли те ОРМ, которые отсутствуют в ФЗ об ОРД, поскольку возникает вопрос о возможности и целесообразности их включения в российский закон.

К числу таковых следует отнести ОРМ под названием «Обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование», предусмотренное п. 14 ч. 2 указанной статьи. В пункте 16 ст. 1 Закона РК об ОРД его суть определена как «выявление и извлечение из обращения или владения конкретного лица материальных объектов, сохранивших на себе следы преступления или явившихся орудием совершения преступления либо результатом преступной деятельности, и фиксация в установленных законом формах их характерных признаков и свойств». Однако такая формулировка вряд ли соответствует критерию определенности правовой дефинитивной нормы, поскольку не дает ответов на целый ряд вопросов, в частности о том, какие конкретно действия следует проводить для обнаружения объектов, почему фиксация обнаруженных объектов должна осуществляться только в негласной форме, в каком законе установлены формы такой фиксации и т. д. Попытка получить ответы на эти и другие вопросы в комментариях к Закону РК об ОРД показала, что даже их авторы смутно представляют содержание данного ОРМ. Так, в работе, изданной под грифом Института Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, отмечалось, что «объектами фиксации и изъятия могут быть различные предметы, вещества, документы, образцы почерка или подписи, следы ног, пальцев рук и т. д.» [5, с. 85]. Отсюда следует, что авторы этих строк к данному ОРМ относят действия, входящие в содержание другого мероприятия — «Получение образцов». При этом здесь же отмечается, что фиксация и изъятие «проводятся гласно и негласно», хотя в названии ОРМ прямо указано на негласную форму действий субъектов ОРД. На эти обстоятельства было обращено внимание и в диссертации А. М. Карла, который при-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

шел к выводу о сущностном сходстве рассматриваемого мероприятия с «получением образцов» и высказал предложение о целесообразности его слияния с последним [1, с. 166].

Однако такое предложение представляется нам сомнительным, поскольку, исходя из логического толкования, основной целью мероприятия под названием «Обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование» выступает обнаружение и изъятие объектов, сохранивших на себе следы преступления для обеспечения возможности их использования в доказывании по уголовному делу. Ключевое значение для ее достижения имеет обнаружение искомых объектов, которое осуществляется путем проведения активных поисковых действий, называемых осмотром, досмотром, обследованием, проникновением и т. д. Однако в нормативном определении данного ОРМ такие действия не предусмотрены, а потому оно может проводиться только в комплексе с другими ОРМ, включающими в свое содержание поисковые действия, в частности с личным досмотром и досмотром помещений, предусмотренных п. 16 ч. 2 ст. 11 Закона РК об ОРД. Таким образом, более логичным нам представляется объединение рассматриваемого ОРМ не с получением образцов, а с упомянутым выше досмотром.

Более универсальную форму закрепления права субъектов ОРД на изъятие предметов, сохранивших следы преступления, использовал российский законодатель в п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД, предусмотрев такую возможность при проведении любых ОРМ. Однако упомянутая норма российского закона также не лишена недостатков, поскольку допускает изъятие любых «документов, предметов, материалов и сообщений», не ограничивая их перечень. В то же время казахстанский закон предполагает возможность изъятия лишь «объектов, сохранивших на себе следы преступления или явившихся орудием совершения преступления либо результатом преступной деятельности». Такое ограничение на принудительные действия в процессе ОРД представляется нам разумным и оправданным с позиций обеспечения принципа уважения и соблюдения прав человека, а потому его следовало бы предусмотреть в российском законе.

В числе особенностей законодательного регулирования ОРМ в Республике Казахстан следует также отметить внесение в перечень общих мероприятий ряда действий, традиционно включаемых в содержание ОРД, которые в российском законе

отнесены к полномочиям оперативных сотрудников: установление гласных и негласных отношений сотрудничества с гражданами, создание конспиративных предприятий и организаций, а также применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемые законом права личности. Если исходить из сформулированного в ст. 1 Закона РК об ОРД определения общего ОРМ как совокупности действий, направленных на решение задач ОРД, то можно признать такое законодательное решение вполне логичным. Однако закрепление аналогичных действий в ст. 15 российского закона в качестве полномочий органов, осуществляющих ОРД, представляется более оптимальным, исходя из отечественной оперативно-розыскной доктрины, согласно которой суть ОРМ состоит в направленности на получение информации, имеющей значение для решения задач ОРД [6, с. 84, 7, с. 85].

На наш взгляд, установление гласных и негласных отношений сотрудничества с гражданами само по себе является лишь подготовительным этапом, необходимым условием для привлечения граждан к проведению ОРМ и использованию их помощи в раскрытии преступлений, а потому вряд ли целесообразно рассматривать его в качестве самостоятельного ОРМ. Создание конспиративных предприятий также, на наш взгляд, носит вспомогательный, обеспечивающий характер для проведения таких ОРМ, как внедрение, оперативный эксперимент, проверочная закупка и некоторых других.

Что касается такого ОРМ, как «Применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемые законом права личности», то их закрепление в качестве самостоятельного ОРМ в российском законе также представляется излишним. Во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно отмечал, что применение технических средств не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием, а имеет своей целью фиксацию производимых в ходе их осуществления действий¹. Во-вторых, если применение технических средств не затрагивает охраняемых законом

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О по жалобам гражданина Уразова С. В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 91, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прав человека, то их правовое регулирование вообще представляется избыточным.

Не может не привлекать внимания исследователей из перечня общих ОРМ Закона РК об ОРД такое мероприятие, как «Применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность», закрепленное в п. 4 ч. 2 ст. 11. О целесообразности закрепления аналогичной нормы в ФЗ об ОРД неоднократно писал Н. С. Железняк, ссылаясь на опыт не только Казахстана, но и ряда других государств, входивших в состав СССР [8, с. 72; 9; 10, с. 39–44]. К сожалению, казахстанский законодатель не сформулировал понятия данного ОРМ, а потому его содержание вызывает ряд вопросов, в частности: кто является его субъектом, с какой целью оно может проводиться, каковы пределы имитации преступной деятельности и некоторые другие. Суть данного ОРМ, по мнению авторов комментария к казахстанскому закону, заключается «в имитации, демонстрации, внешнем изображении негласным сотрудником... принадлежности к преступной среде», оно проводится в сочетании с внедрением и носит вспомогательный характер [5, с. 81]. В связи с этим казахстанские исследователи предлагают его объединить с внедрением [11, с. 98]. Однако если согласиться с таким предложением, то следует иметь в виду, что казахстанские правоприменители лишатся важного полномочия, необходимого для эффективной оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, данное мероприятие, скорее всего, следует рассматривать в качестве аналога российского ОРМ, именуемого «Оперативный эксперимент» и название которого отсутствует в ст. 11 Закона РК об ОРД. Возникшую неопределенность в толковании рассматриваемого мероприятия мог бы устранить законодатель путем определения его содержания в ст. 1 Закона РК об ОРД.

В диссертационном исследовании Д. Н. Лузько, посвященном применению имитации преступного поведения в ОРД, такого рода действия определены как метод ОРД, заключающийся в искусственном моделировании оперативно-розыскных ситуаций, создании легендированных условий и объектов для решения задач ОРД и допускающий возможность причинения вынужденного вреда правоохраняемым интересам. На наш взгляд,

рассмотрение имитации преступного поведения в качестве метода ОРД как способа решения практических задач представляется более обоснованным. При этом мы поддерживаем мнение автора о необходимости закрепления возможности применения данного метода в процессе ОРД в российском законодательстве в качестве самостоятельного полномочия субъектов ОРД [12, с. 8].

Определенный интерес для российского законодателя представляет включение в перечень общих ОРМ такого мероприятия, как «Применение служебно-розыскных собак». Проблема правового регулирования применения служебно-розыскных собак в ОРД рассматривалась в одной из монографий А. И. Тамбовцева и Н. В. Павличенко, которые признали прагматичность и перспективность решения казахстанского законодателя в этой части, а отсутствие в ФЗ об ОРД аналогичных предписаний отнесли к недостаткам отечественного закона [13, с. 213–216]. Однако уважаемые нами авторы, к сожалению, не сформулировали предложений о том, как российскому законодателю закрепить возможность применения служебно-розыскных собак в ОРД. На наш взгляд, применение служебно-розыскных собак, традиционно рассматриваемых в качестве средства ОРД, не может выделяться в качестве самостоятельного ОРМ, поскольку они могут использоваться при проведении целого ряда мероприятий (сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности, обследование помещений, участков местности и транспортных средств и т. д.). В связи с этим нам представляется наиболее оптимальным дополнить часть пятую ст. 6 ФЗ об ОРД предписанием о возможности использования при проведении ОРМ помощи специалистов-кинологов со служебно-розыскными собаками.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Закон РК об ОРД, несмотря на наличие слабых сторон, содержит ряд положений, которые разрешают некоторые проблемы правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий, с которыми сталкивается оперативно-розыскная практика, а потому казахстанский опыт может быть использован для дальнейшего совершенствования российского оперативно-розыскного законодательства.

Список источников

1. Карл А. М. Законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2025. 249 с.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 762 с.
3. Чечетин А. Е. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 48 с.
4. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. 232 с.
5. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» / под общ. ред. И. Д. Меркель, Н. Н. Турецкого. Алматы: Изд-во «Норма-К», 2010. 144 с.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 304 с.
7. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / отв. ред. В. С. Овчинский; вступ. ст. В. Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2018. 576 с.
8. Железняк Н. С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в зарубежных странах: научно-практический комментарий. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2007. 244 с.
9. Железняк Н. С. О необходимости включения имитации преступных действий в перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы четвертой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. С. 10–14.
10. Железняк Н. С. Имитация преступного поведения как один из основных ресурсов оперативной разработки // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 39–44.
11. Карымсаков Р. Ш., Серикбекова С. Б., Ситникова Ю. В. Актуальные проблемы оперативно-розыскных мероприятий, теория и практика // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 3 (59). С. 94–98.
12. Лузько Д. Н. Применение метода имитации преступного поведения в оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2024. 25 с.
13. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий: монография. М.: Проспект, 2024. 304 с.

References

1. Karl A. M. Zakonodatel'noe regulirovanie operativno-rozysknykh meropriyatij v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Dushanbe, 2025. 249 s.
2. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2018. 762 s.
3. Chechetin A. E. Usloviya provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatij: uchebnoe posobie. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022. 48 s.
4. Chechetin A. E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatij: monografiya. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016. 232 s.
5. Kommentarij k Zakonu Respubliki Kazahstan «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod obshch. red. I. D. Merkel', N. N. Tureckogo. Almaty: Izd-vo «Norma-K», 2010. 144 s.
6. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod red. A. E. Chechetina. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022. 304 s.
7. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka / otv. red. V. S. Ovchinskij; vstup. st. V. D. Zor'kina. 3-e izd., dop. i pererab. M.: Norma, 2018. 576 s.
8. Zheleznyak N. S. Zakonodatel'noe regulirovanie operativno-rozysknoj deyatel'nosti v zarubezhnykh stranah: nauchno-prakticheskij kommentarij. Krasnoyarsk: Sibirskij jurid. in-t MVD Rossii, 2007. 244 s.
9. Zheleznyak N. S. O neobходимости vključeniya imitacii prestupnykh dejstvij v perechen' operativno-rozysknykh meropriyatij, zakreplennykh v Federal'nom zakone «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2006. S. 10–14.

10. Zheleznyak N. S. Imitaciya prestupnogo povedeniya kak odin iz osnovnyh resursov operativnoj razrabotki // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 1 (58). S. 39–44.
11. Karymsakov R. Sh., Serikbekova S. B., Sitnikova Yu. V. Aktual'nye problemy operativno-rozysknyh meropriyatij, teoriya i praktika // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2020. № 3 (59). S. 94–98.
12. Luz'ko D. N. Primenenie metoda imitacii prestupnogo povedeniya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2024. 25 s.
13. Tambovcev A. I., Pavlichenko N. V. Operativno-rozysknoj instrumentarij: monografiya. M.: Prospekt, 2024. 304 s.

Информация об авторе

A. E. Чечетин — доктор юрид. наук, профессор.

Information about the author

A. E. Chechetin — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.